

В. А. КОЛЕВАТОВ

**СОЦИАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ**

И

ПОЗНАНИЕ

В. А. КОЛЕВАТОВ

**СОЦИАЛЬНАЯ
ПАМЯТЬ**

И

ПОЗНАНИЕ

Москва Мысль
1984

ББК 15.5
К60

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

член-корреспондент АН ЭССР *Я. К. Ребане*,
доктор философских наук, профессор *Н. И. Стяжкин*

Автор предисловия
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор философских наук, профессор *И. С. Нарский*

К $\frac{0302020000-075}{004(01)-84}$ 15-84

© Издательство «Мысль», 1984

О МЕХАНИЗМАХ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОЗНАНИЯ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Понятие социальной памяти все более широко используется в современной философской литературе, посвященной исследованию проблем социальной детерминации познания и выяснению механизмов, средств и способов существования общественного и индивидуального сознания, а также вопросов формирования механизмов культуры в целом. Актуальность этих проблем вновь подчеркнул июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, указавший на необходимость дальнейшего углубленного исследования «закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, общественного сознания, проблем коммунистического воспитания», функционирования всего комплекса средств массовой информации и пропаганды¹. Эта проблематика выдвигается на передний план возрастанием роли научного знания, превращающегося в непосредственную производительную силу общества, задачами выработки подлинно научного мировоззрения у миллионов людей и требованиями идеологической борьбы на современном этапе.

В настоящей книге ракурс исследования социальной памяти избран так, что в центре внимания находятся средства, используемые для фиксации, хранения, передачи и преобразования социальной информации, которые выступают и в качестве средств реализации самого процесса познания, а также объективации мыслительной деятельности в целом. Историческое развитие этих средств детерминировано изменениями в материальном производстве и всем комплексом социальных отношений, но затем оно воздействует на эти отношения через процессы познания и коммуникации.

«Экономические эпохи, — писал К. Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»². Эти слова К. Маркса в определенной мере можно отнести и к сфере духовной жизни общества. Различие

между эпохами заключается не только в их социально-экономическом содержании, но и в том, как, с помощью каких средств «производятся» мысли, идеи, законы науки, творения искусства и т. п. Средства духовного производства, и в частности производства знаний, накладывают свой отпечаток не только на форму, но и на содержание его продуктов, а через них и на характер данной исторической эпохи в целом.

С точки зрения автора, познание и мышление суть и продукты, и разновидности орудийной деятельности. Такое представление дает возможность использовать для анализа явлений в сфере духовного производства аналогию с предметно-практической деятельностью в сфере производства материального. Оба вида производства предполагают коммуникации, без них невозможны труд, познание и творчество вообще. В качестве средств коммуникативной деятельности в обществе используются знаковые системы различных типов, которые и составляют аппарат социальной памяти.

Саморазвитие сложноорганизованных социальных систем и их устойчивость существенно зависят от эффективности информационных связей, обуславливающих реализацию и рост их отражательно-адаптивных возможностей. В обществе в целом (и в отдельных социальных общностях) в процессе его становления на базе производственной деятельности складываются две разноплановые коммуникативные системы — изобразительная и звуковая, действующие в каждом из двух видов производства.

Обращаясь к анализу информационной стороны жизни общества, автор опирается на материалистическую интерпретацию семиотических понятий, как-то: знак, символ, значение, знаковая ситуация и т. д. Знаковые средства объективации мыслительной деятельности рассматриваются как необходимое условие развития познания.

Автор подчеркивает наличие относительных различий между двумя коммуникативными системами по их структурным и функциональным характеристикам. Несомненно, что именно перед звуковой речью открылись безбрежные горизонты возможностей. Звуковая речь является наиболее удобным средством для отображения временных параметров деятельности, управления ими. Изображение, воспроизводя пространственно-структурные отношения предмета и средств труда (в их широком понимании), а также форму продукта, обеспечивает соответствие его потребностям — следовательно, оно также включено в управление трудовым процессом. Различие функций выражается здесь в

преимущественно символическом характере речи и преимущественно модельном характере изображения.

Сохраняя свою специфику и относительную автономность, каждая из двух коммуникативных знаковых систем по мере развития практики и познания все более взаимодействуют друг с другом. Изобразительная то и дело оказывается органом звуковой системы (не только в виде письма и книг) и в ряде областей человеческой деятельности (например, в изобразительном искусстве) очень широко развивается на относительно самостоятельной базе.

Объективный подход к исследованию развития систем коммуникации и хранения знаний требует рассматривать его как результат диалектически противоречивого взаимодействия разноплановых, но одинаково необходимых для общения и познания двух исходных знаковых систем, о которых идет здесь речь. Конкретизируя эти представления, В. А. Колеватов предлагает свою интерпретацию ряда фактов из истории культуры, оценивая их с точки зрения взаимодействия между этими системами.

Совершенствование знаковых систем создает условия для развития познания и мышления прежде всего тем, что последние используют их как средства своей объективации. Поскольку мышление в соответствии с данными психологии может рассматриваться в своих истоках как интериоризованный процесс (т. е. как переведенное во внутреннюю сферу оперирование с предметами) и оно неразрывно связано с оперированием предметами-знаками, особенности отражения внешнего мира оказываются в немалой степени зависящими от свойств и особенностей средств межличностной коммуникации в обществе. В историческом развитии познавательных процессов в сокращенном виде, с выпадением ряда звеньев, в некоторой мере воспроизводится реальный путь формирования этих средств с учетом, разумеется, и других факторов, в первую очередь совершенствования орудий и средств материального производства и социальных отношений. На разных исторических этапах развития общественного познания можно обнаружить доминирование либо вербально-дискурсивных, либо модельно-изобразительных механизмов.

Один из важнейших факторов, влияющих на развитие средств познания, — взаимодействие изображения и слова в истории культуры. Проблематика этого взаимодействия давно и плодотворно разрабатывается в искусствоведении в рамках соответствующих эстетических концепций. Развитие научного познания (и познания вообще) неотделимо от развития культуры в целом; однако изучение взаи-

модействия изобразительных (чаще всего графических) и словесных средств познания в истории науки еще очень мало исследовано, таким анализом пока охвачены лишь отдельные фрагменты научного знания. Между тем это взаимодействие не только определяет характер используемых в науке средств познания, но и воздействует через эти средства на сам научный метод, трансформируя и обогащая его иногда в довольно существенной степени.

В современном научном познании уже не «работает» эффективно односторонне аналитический подход, согласно которому объект любой природы может быть «разложен» на какие-либо простейшие (неделимые в данном отношении) элементы и вновь «собран» из них в теоретическом построении. Ныне в научном познании на первый план выдвигаются не индивидуальные связи исследуемых объектов, а их интегральные связи, характеризующие всю данную целостность. В то же время они — атрибуты каждого отдельного индивида в рамках этой целостности. Такие связи могут мыслиться как «обобщенно-пространственные» и, следовательно, поддающиеся воспроизведению, объективации в изображении.

Научное познание в своем диалектическом развитии переходит от линейно-дискурсивных представлений о связях как неких линиях к «пространственно-обобщенной» топологии связей материальных объектов. В этом движении научного познания можно увидеть своего рода возвращение на качественно новом, более высоком уровне к изобразительно-геометрическим приемам древнегреческого мышления классического периода.

Понимание и трактовка мышления существенно отличаются в разных имеющихся ныне психологических и философских концепциях. С одной стороны, разрабатываются модели образного, визуального мышления, как будто даже вписывающегося в рамки чувственного уровня познания. С другой стороны, механизмы самого зрительного восприятия имеют многоуровневый характер и комплексную (целостную) природу. В этом комплексе обнаруживаются такие уровни и связи, которые никак не могут быть интерпретированы в рамках непосредственного (чувственного) восприятия предмета, а являются по своей сути мыслительными операциями. Диалектика чувственного и рационального оказывается определяющей уже здесь. Именно мыслительные операции, носящие синтезирующий, конструктивный характер, и обеспечивают высокую познавательную эффективность зрительного восприятия и изобразительной деятельности. И. Кант в конце XVIII в. в

своем априоризме (в особенности в учении о так называемом трансцендентальном «схематизме») хотя и идеалистически искаженно, но нащупал эту реальную проблему.

Ситуация в области взаимоотношений психологии восприятия и философии в известной мере парадоксальна. Так, психологи, исходя из экспериментально установленных фактов, утверждают, что зрительное восприятие уже на ранних своих этапах представляет собой мыслительный процесс высокой степени сложности, а некоторые философы нередко продолжают относить его лишь к чувственному уровню познания.

Результаты исследований психологии познавательной и речевой деятельности, взаимодействия изображения и слова в истории культуры не только существенно обогащают марксистско-ленинскую теорию познания, но и ставят много новых проблем. Выявление и анализ «гносеологической составляющей» этих процессов представляет актуальную задачу для наших философов, работающих в области теории познания.

В рамках реализации этой задачи находится работа В. А. Колеватова. В ней исследуются процессы и средства коммуникации и познания, механизмы и функции социальной памяти. Разработанная классиками марксизма диалектика процесса познания как отражения внешнего мира в сознании активно действующего человека, ленинская теория отражения и идея предметности мышления являются методологической основой, объединяющей весь рассматриваемый автором в данной книге комплекс проблем.

Эти идеи служат исходным пунктом понимания автором социальной памяти как опредмеченного и овеществленного общественного сознания как знания. Социальная память рассматривается как система средств преобразования и хранения информации в обществе. «Социальная память» как термин служит прежде всего «для обозначения всей наличной информации, имеющейся в обществе» (с. 121). Содержание соответствующего этому термину понятия включает в себя также «механизмы и способы переработки информации, обусловленные мировоззренческими установками» (с. 120).

Следует подчеркнуть, что информационный подход к анализу социальной детерминации познания с начала 60-х годов широко применяет в своих трудах член-корреспондент АН ЭССР Я. К. Ребане. В работе «О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации», опубликованной в «Ученых записках Тартуского государ-

ственного университета» («Труды по философии», т. X, 1966), он рассматривает содержание «общественной памяти». В последующих работах Я. К. Ребане эффективно использовал понятие «социальная память», явившись инициатором ее исследования (см., например, «Принцип социальной памяти» — Философские науки, 1977, № 5; «Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания» — Вопросы философии, 1982, № 8). В русло этого подхода вполне вписывается и настоящая работа В. А. Колеватова.

Диалектико-материалистическое представление о принципиальной детерминации общественного сознания, знания и познания общественным бытием и о его относительной самостоятельности, обусловленной, в частности, и наличием специфических средств хранения и передачи результатов человеческого познания, противопоставлено идеалистической трактовке этих явлений (например, в концепциях неокантиантки С. Лангер; следующего в русле идей гештальт-психологов Р. Арнхейма; «критического рационалиста» К. Поппера; некоторых структуралистов).

Функционирование социальной памяти, познания и мышления оказывается важным звеном в многоуровневой системе общественных взаимодействий, определяемых отношениями, складывающимися между людьми в процессах материального производства. Эти отношения находят свое наиболее глубокое отражение в мировоззренческих установках классов, социальных групп и личностей. Категориально-знаковые структуры мировоззрения, социальной памяти и мышления находятся в диалектическом взаимодействии, обусловленном в конечном счете единой социальной основой всех информационно-семиотических процессов и систем коммуникации в данном обществе в данную историческую эпоху.

Изложенным не исчерпываются все аспекты проблемы, рассматриваемой В. А. Колеватовым. Но уже сказанное дает, полагаю, представление об актуальности и полезности данного исследования.

Профессор *И. С. Нарский*

Интерес к проблемам, которым посвящена книга, возник в значительной мере под влиянием изучения советских и зарубежных работ по языкознанию, археологии, антропологии, психологии, истории науки, семиотике и некоторым другим отраслям научного знания. Наше внимание привлекли положения, касающиеся глубинных механизмов социальной обусловленности и реализации коммуникаций и познания, занимающие в этих работах немалый удельный вес. Например, лингвисты рассуждают о «прагматических правилах оперирования языком», об «интерсубъективной семантической системе естественного языка», антропологи — о «коллективном мозге» первобытной общины, историки — о «коллективной памяти» социальных групп.

Естественно, что при изучении обнаруживались различия в позициях исследователей по обсуждаемым вопросам. Углубление в ту или иную концепцию иногда приводило к выявлению присущих ей внутренних противоречий, не только обусловленных воспроизведением в ней объективных противоречий самой изучаемой сферы действительности, но и носящих нередко субъективный характер, т. е. отражающих особенности взглядов ее автора. Все это стимулировало дальнейшее углубление в проблематику, давало те импульсы, без которых было бы невозможно продолжать исследование. И чем более глубокой и разработанной была гипотеза или теория, тем чаще следствия из нее порождали новые проблемы, требующие размышления над ними и толкающие к дальнейшему анализу.

Анализ этот подводил к мысли, что, несмотря на различия, порой весьма существенные, в этих взглядах есть нечто общее, вовсе не обязательно ясно выраженное самими же авторами. Их воззрения объединяло представление о существовании в обществе надындивидуальной системы хранения и преобразования социально значимой информации.

Такая формулировка проблемы позволила поставить ряд более конкретных задач, прежде всего по исследованию диалектики взаимодействия различных средств коммуникации внутри некоторой данной сферы общения, в познавательной деятельности и между двумя этими сфе-

рами. В ходе работы выяснилось, что наиболее эффективным методологическим приемом изучения этих задач является их анализ в рамках представлений об информационно-семиотических институтах, объединяемых понятием социальной памяти. Поскольку это понятие уже применялось другими авторами при исследовании информационных процессов в обществе, это позволило, с одной стороны, включить в методологический арсенал исследования уже полученные ранее результаты, а с другой — продолжить разработку и углубление содержания понятия социальной памяти, избегая тех прежних частных ходов и поворотов мысли, которые показали свою неэффективность.

Главным методологическим ориентиром в изучении всего комплекса обрисованных проблем служат высказанные К. Марксом в первоначальном варианте «Капитала» положения о «всеобщем интеллекте», об «общественном мозге» и «всеобщем общественном знании»¹.

Итоги проделанного исследования предлагаются вниманию читателя. При этом он столкнется в данной работе как с проблемными противоречиями, отражающими характерные диалектические черты исследуемых отношений социальной реальности, так и с не преодоленными пока трудностями поиска, возникшими в результате неизбежных субъективных ограничений степени глубины и основательности проникновения в сущность проблемы. Остается надеяться, что затруднений, обусловленных субъективными причинами, не так много, чтобы они могли заслонить объективное содержание работы, разрушить целостность достигнутых на этом этапе исследования результатов.

В ходе подготовки рукописи автору оказывалась постоянная помощь и поддержка со стороны ряда советских философов. Замысел и первый вариант плана обсуждался с профессором В. А. Ребриным, ныне покойным. Конструктивное значение имели критические замечания и пожелания, высказанные М. Н. Корневой, М. А. Розовым, Н. И. Стяжкиным, В. П. Фофановым, Р. Г. Яновским и в особенности И. С. Нарским и Я. К. Ребане. Автор считает своим приятным долгом выразить этим советским ученым искреннюю признательность.

ГЛАВА I

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Информационная «картина мира»

Информационные взаимодействия и процессы пронизывают все стороны жизни общества. Информация предстает перед нами в самом разнообразном обличье. Это и привычный текст в книге или газете, и звучащее слово радио и телевидения, и картины мастеров прошлого и современных художников, и движущиеся кино- и телевизионные изображения, и фотография, и бесчисленные информационные табло, сообщающие нам об отправлении и прибытии поездов и самолетов, температуру воздуха, время и многое другое, и, наконец, дисплеи на выходе ЭВМ, позволяющие создавать нужные нам изображения. Перечень этот можно без труда продолжить.

Человек живет в мире информации, в своеобразном информационном поле, напряженность которого непрерывно возрастает. В наше время много говорят об информационном взрыве, забывая подчас, что он касается пока лишь части населения развитых стран, что изобилие информации само по себе не является бедствием, а, наоборот, составляет необходимое условие общественного прогресса.

Этот факт отнюдь не является случайным. Он связан с самой родовой сущностью человека, социальным способом существования людей. Человек унаследовал от своих животных предков механизм переработки и хранения информации, достаточно хорошо скорректированный с биологическими потребностями. Однако коренное отличие человека от животных в этом отношении состоит в появлении принципиально иной, социальной системы порождения, хранения и переработки информации — духовной культуры общества.

«С информационной точки зрения, — пишет в этой связи Э. С. Маркарян, — суть различия между биологическим и социальным, или, точнее, социокультурным, типами организации состоит прежде всего в том, что последний тип организации характеризуется наличием особой

пады индивидуальной и внеорганической системы средств накопления, хранения и передачи от поколения к поколению существенно важной для коллективного объединения информации, программирующей действия входящих в него индивидов»¹. Следовательно, в обществе сформировалась относительно независимая от индивида система, «генерирующая» информационное поле, в котором живет и действует человек.

Информационный подход, т. е. взгляд на мир, согласно которому существует некоторый аспект объективной реальности, именуемый информацией, не есть простая констатация факта. Установление данного факта — результат развития науки: появились различные теории информации, общая теория систем, кибернетика, стремящаяся синтезировать эти сравнительно новые отрасли научного знания. В не столь далекое от нас время наука обходилась без понятия информации (по крайней мере оно не привлекало такого внимания).

Теперь мы «видим» информацию и даже утверждаем, что она существует объективно. Но что означает утверждение об объективном существовании информации? Это означает, что в объективной реальности мы обнаруживаем в соответствии с нашими теоретическими построениями такие связи и отношения, которые получают спецификацию информационных, поскольку они не могут быть отождествлены с вещественно-энергетическими видами взаимодействий — гравитационными, электромагнитными или, скажем, внутриядерными. Так как реальные взаимодействия могут включать и включают по крайней мере несколько видов, задача состоит в выделении из них именно информационных. В современной науке сложилась «информационная картина мира», сквозь призму которой можно увидеть и сложноорганизованные системы, в которых совершаются процессы регулирования и управления, и необходимый для этого обмен информацией, и иерархическую организацию этой последней, и многое другое.

Начало формирования современного информационного подхода связано, как известно, с разработкой К. Шенноном математических методов количественного анализа процессов передачи информации в технических средствах коммуникации². Постепенно интерес исследователей эволюционировал от технических устройств к живым, биологическим системам и в конечном счете к обществу и человеку. Постановка проблем генерирования и переработки информации человеком связана с решением целого ряда задач. Прежде всего необходимо выделить из всего мно-

гообразия представлений об информации те, которые могут быть эффективно использованы в качестве средства решения поставленных задач. Статистические и другие математические методы применимы только в том случае, если имеются четко фиксированные способы измерения количества. Как известно, это в достаточно полной мере осуществимо по отношению к электронным устройствам хранения и переработки информации, например, путем индикации знака электрического заряда или магнитного поля, положений электронных реле и т. п.

Однако измеренное таким образом количество информации характеризует лишь емкость и степень загрузки блоков памяти ЭВМ и ничего не говорит о реальном (или возможном) значении этой информации для человека, поскольку не затрагивает ее содержания. Поэтому появились различные семантические концепции информации, в которых делается попытка найти способы количественной оценки информации, учитывающие ее смысловые характеристики.

Другая проблема измерения циркулирующей в обществе информации связана с тем, что она существует актуально лишь в процессе взаимодействия людей, и потому оценка одного и того же сообщения (в том числе и с точки зрения количества передаваемой информации) будет различной в зависимости от того, кто (поскольку речь идет о человеке) воспринимает информацию.

Поэтому в данной работе при исследовании информационных процессов в обществе, когда порождение, хранение, переработка и использование информации являются прерогативой человека, понятие информации применяется не в какой-либо специально научной разновидности, а как общенаучное понятие. Это общенаучное понятие, конечно, связано со строго формализованными понятиями информации и «вбирает» определенные стороны их содержания, но в то же время обладает гораздо более широким спектром возможных интерпретаций и сближается по своей роли в научном исследовании с философскими категориями.

«Информационная картина мира» оказалась очень емкой. Она ассимилирует и представления о несводимых к вещественным и энергетическим сторонам взаимодействиях в неорганической природе (из них вырастают концепции «информационной причинности»³), и представления об универсальной инвариантной «мигрирующей структуре» всего живого, передающейся с помощью генетического кода от первичной живой клетки через бесчисленные поколения до разнообразных современных многоклеточных жи-

вых организмов, и, наконец, представления о фундаментальной роли информационных процессов для социальных групп, общностей и всего общества, нормальное функционирование и целостность которых, как выяснилось, во многом зависят от эффективности информационных процессов.

Однако видение этой «картины мира» в разных теоретических системах неодинаковое. Принципы построения конкретной «информационной картины мира» определяются исходными методологическими и мировоззренческими установками их авторов. «Принимая некоторую теорию, — пишет В. Н. Костюк, — мы принимаем тем самым (независимо от того, осознаем мы это или нет) определенные представления о структуре какого-то аспекта объективной реальности. Мы не имеем абсолютной картины реальности, но каждый раз используем такое описание реальности, какое верно, если принятая теория истинна. В этом смысле ученый всегда имеет дело с онтологической относительностью»⁴. Особенно четко это проявляется в концепциях, трактующих феномен социальной информации. Естественно, что, опираясь на далекие от истины представления, невозможно построить верную теорию информационных процессов в обществе.

Советские и зарубежные философы-марксисты, исследуя проблему информации, опираются на диалектико-материалистический подход. Анализ информационной стороны общественной жизни с марксистских позиций позволяет выделить и зафиксировать важные характеристики протекающих в обществе процессов и в то же время выявить действительное место информационного подхода в их изучении. Разумеется, существуют достаточно серьезные ограничения, очерчивающие пределы применимости информационных понятий и моделей в гуманитарных науках, поскольку здесь надо учитывать действие очень многих разнородных факторов, задающих различные по своей природе, но тесно взаимодействующие друг с другом процессы⁵. Применение таких представлений и понятий позволяет в этом случае выделить лишь отдельные стороны изучаемой сложной системы, лишь некоторые процессы, протекающие в ней. Но при этом фиксируются такие «срезы» системы, которые ускользают от внимания при других (разумеется, правомерных и необходимых) подходах. Так, информационный подход позволяет, на наш взгляд, представить определенную сторону общественного сознания в виде особой организации, особой структуры социальной памяти, включающей не только передаваемую из поколения в поколение социально значимую информа-

цию, но также средства и способы ее хранения и преобразования.

Очевидно, что анализ информационных процессов в обществе должен опираться на определенное представление об информации. Различные аспекты понятия информации исследуются в большом числе работ советских и зарубежных философов и представителей других отраслей научного знания. Это прежде всего работы В. Г. Афанасьева, В. М. Глушкова, И. И. Гришкина, Д. И. Дубровского, В. И. Кремянского, Э. С. Маркаряна, В. И. Сифорова, В. С. Тюхтина, А. Д. Урсула, а также зарубежных исследователей Н. Винера, С. Бира, Б. Визнера, Г. Клауса, Л. Моля, К. Черри.

Основопологающим для марксистского понимания проблем информации является подход, опирающийся на ленинскую теорию отражения, связывающий понятие информации с этой фундаментальной категорией диалектического и исторического материализма. Именно с этих позиций разрабатываются концепции информации как отраженного разнообразия в исследованиях советских философов и представителей других отраслей научного знания.

Пути анализа информационных взаимодействий

Проблема информации в обществе — это один из аспектов соотношения материи и сознания, точнее говоря, соотношения общественного бытия и общественного сознания. В этом соотношении обычно выделяют гносеологическую и социологическую составляющие, которые нельзя рассматривать иначе, как две стороны единого целого, которое может проявляться и как процесс познания, и как процесс социальной жизни, и соответственно как виды деятельности. Однако взаимосвязь и взаимообусловленность этих сторон такова, что невозможно понять и найти решение проблем познания, не учитывая его социальной обусловленности, так же как невозможно понять закономерности общественной жизни, не считаясь с тем, каким образом человек познает эту социальную реальность.

«Над всем нашим теоретическим мышлением, — пишет Ф. Энгельс, — господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они и не могут противоречить друг другу в своих результатах, а должны согласоваться между собой»⁶. Указав на доказательство этой предпосылки метафизическим материализ-

мом XVIII в. со стороны содержания и на то, что «только новейшая идеалистическая, но вместе с тем и диалектическая философия — в особенности Гегель — исследовала эту предпосылку также и со стороны *формы*»⁷, Ф. Энгельс подводит итог: «...эта философия доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных областей, аналогию между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно...»⁸.

Выделим существенное для нашего дальнейшего обсуждения отношение между историей и мышлением, позволяющее видеть в совершенствовании форм мыслительной деятельности движение, во многом аналогичное историческому процессу. Но определяющим для истории является материальное производство. Следовательно, мышление должно быть прежде всего аналогом производственных процессов, воспроизводить эти процессы в иной форме, хотя этим его функции не ограничиваются.

Исследуя фундамент общественной жизни — процесс материального производства, классики марксизма немало внимания уделили также и проблемам духовной жизни общества, показав как неизбежную закономерную зависимость этой сферы от процесса материального производства, так и относительную самостоятельность общественного сознания, наличие внутренних закономерностей его развития. Эти положения конкретизируются в трудах советских и зарубежных философов-марксистов, разрабатывающих вопросы специфики уровней и форм общественного сознания, социальной обусловленности познания, взаимодействия материальных и духовных факторов развития общества и другие проблемы, раскрывающие соотношение общественного бытия и общественного сознания.

Общеизвестно, что материальное производство удовлетворяет материальные же потребности человека, является основой существования общества. В генетическом плане материальное производство возникает как первый шаг, средство и условие становления общества. Особое значение при этом имеет производство средств производства, прежде всего орудий труда. Процесс материального производства на первоначальных этапах развития общества поглощает и подчиняет себе все другие стороны человеческой жизнедеятельности, или, лучше сказать, вся жизнедеятельность первобытного человеческого коллектива, включая производство и воспроизводство самого человека, а также условия и средства его существования, еще не отделена от непосредственного процесса материального производства. На этом этапе «производство идей, представ-

лений, сознания... непосредственно влетено в материальную деятельность и в материальное общение людей...»⁹. Происходящее затем, уже в классовом обществе, отделение умственного труда от физического кладет начало той относительной самостоятельности, которая характеризует общественное сознание всех последующих эпох, кладет также начало теоретическому мышлению.

Выделение духовного производства из материального происходило таким образом, что оно неизбежно сохранило его основные структурные элементы и связи между ними. Прежде всего это относится к компонентам процесса труда. «Простые моменты процесса труда, — пишет К. Маркс, — следующие: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»¹⁰. Далее К. Маркс указывает, что «земля... существует... как всеобщий предмет человеческого труда»¹¹, имея в виду все то, что дано природой, и добавляет: «...если сам предмет труда уже был, так сказать, профильтрован предшествующим трудом, то мы называем его сырым материалом...»¹². «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»¹³.

Указав затем на то, что «в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог совершаться»¹⁴, К. Маркс заканчивает это описание «простых моментов процесса труда» характеристикой продукта. «Итак, — пишет К. Маркс, — в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда... Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы... Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности [Unruhe], теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства [ruhende Eigenschaft] в форме бытия»¹⁵.

Обработанный предмет труда, продукт несет в себе не только свойства, благодаря которым удовлетворяются индивидуальные или производственные потребности, но и те общественные отношения, при которых он был создан. В определенном смысле можно сказать, что в продукте труда заключена информация о его естественных (потребительная стоимость) и общественных (стоимость) свойствах, благодаря которым он и реализует эти две функ-

ции — быть предметом потребления и опредмеченным общественным отношением.

Охарактеризовав процесс труда, К. Маркс подчеркивает, что описанные им особенности присущи любому труду в любую эпоху: «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»¹⁶.

Опираясь на приведенные положения, вернемся к отмеченной Ф. Энгельсом аналогии «между процессами мышления и процессами природы и истории». Сопоставляя выделенные элементы процесса труда с соответствующими элементами процесса познания, мы получаем возможность конкретизировать эту аналогию.

Предмет труда — объект познания¹⁷. Все, что может быть предметом труда, т. е. все объективно существующие вещи, явления, процессы, доступные для воздействия на них с помощью любых технических средств, естественно, могут быть и бывают обычно объектом познания. Фактически все, что доступно чувствам и разуму человека, выступает объектом познания, будь то пульсар в отдаленной галактике, или генетический код живого существа, или строение атома, или процессы, протекающие в психике человека, или строение черепа неандертальца, или система образов художественного произведения.

Как же подходить к явлениям психики, к таким объектам, как литературные образы, к так называемым идеальным объектам теории (абсолютно черное тело, идеально упругий газ, математические построения, логические исчисления и т. п.)? Можем ли мы считать указанные феномены объектом познания? О чем получаем мы знание, исследуя систему образов литературного произведения, — о героях или их прототипах, о субъективном содержании сознания писателя или исторической эпохе? Такие же вопросы можно поставить и относительно ученого и его теории, художника и его полотен и т. п. Ответ на них затрагивает коренные вопросы теории отражения и может быть дан (в пределах проблематики данной работы) лишь после анализа других компонентов процесса познания.

Средства труда — средства познания. «Употребление и создание средств труда, — писал К. Маркс, — хотя и свой-

ственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфически характерную черту человеческого процесса труда...»¹⁸ и, добавим, человеческого познания. В качестве средств познания могут применяться те же самые средства, которые используются в трудовом процессе. Так, рентгеновский аппарат или источник гамма-лучей может применяться для облучения семян или овощей, с тем чтобы увеличить всхожесть или сроки хранения овощей и т. п. Но тот же аппарат может использоваться для исследования структуры непрозрачных тел, например живого организма. Штамповочный пресс, установленный в цехе, производит какие-либо детали, из которых затем (вместе с другими деталями) собираются машины. Но этот же пресс может быть установлен в лаборатории. Он может штамповать те же самые детали, однако цель этих операций будет иная — скажем, изучить, как ведут себя матрица и пуансон в этом процессе, какие с ними происходят изменения, с какой скоростью и т. д. В этом случае мы имеем дело не с производством деталей, а с выяснением закономерностей старения металла, зависимости этого процесса от режима работы, материала и других условий. Здесь мы имеем дело с познанием.

Такие ситуации, хотя и довольно часто встречаются, особенно в прикладных исследованиях, все же не являются типичными для научного познания. Чаще всего наука имеет дело со средствами познания, специально разработанными для этой цели. Это такие же по принципам устройства и действия машины, установки, оборудование, какие применяются в материальном производстве, только специально приспособленные для целей познания.

Вместе с тем, как бы ни была совершенна техника, используемая в исследовании, результаты зависят не только от нее. Любое научное исследование и процесс познания вообще приводят к новому знанию только в том случае, если нам удастся зафиксировать в определенном языке, в определенной знаковой форме его ход и результаты. Точнее говоря, сам процесс познания как раз и совершается с помощью средств объективации мысли — разнообразных знаковых систем — речи (устной и особенно широко используемой письменной), языка математики, графических средств — схем, чертежей, графиков и т. д.

На это можно возразить, что идеи, мысли, гипотезы, теории рождаются в голове индивида и не связаны с наличием или отсутствием в этот момент средств фиксации мысли и с оперированием предметами-знаками. Но ведь появление самой простой мысли необходимо предполагает

наличие общества, и не просто существование общества как такового, а включенность данного субъекта в общество. Эта включенность проявляется в том, что субъект познания «запрограммирован» усвоенными им сознательно (и бессознательно) представлениями о мире и способами деятельности, навыками и нормами, хранящимися в социальной памяти. Она проявляется, в частности, в использовании знаковых систем, без которых никакая мысль не может принадлежать обществу. Но она не может стать и принадлежащей индивиду, если она не сформулирована, не выражена в знаках. А такое выражение практически возникает лишь в общении. При этом колоссальную роль играют средства общения. Мысль с помощью этих средств (письма, книгопечатания, рисунка, звукозаписи и т. д.) опредмечивается, объективируется, «отделяется» от породившего ее человека. Но эти же средства дают возможность людям, в том числе и самому строящему мысль человеку, овладеть ею.

«О наших мыслях, — замечает Гегель, — мы знаем только тогда, когда имеем определенные, действительные мысли, когда мы даем им форму предметности, различности от нашего внутреннего существа, следовательно, форму внешности, и притом такой внешности, которая в то же время носит на себе печать высшего внутреннего. Таким внутренним внешним является единственно только членораздельный звук, слово»¹⁹.

Это овладение своим собственным мышлением предполагает опредмечивание сущностных сил человека и последующее распредмечивание. Процесс такого постоянного перехода от субъективного бытия мысли к предметному ее воплощению и от предметного вновь к субъективному, но уже на более высоком качественном уровне — это и есть процесс мышления. В таких формах протекает он как общественный процесс, и в этих формах, ибо других не существует, мыслительная деятельность реализуется индивидом постольку, поскольку он участвует в этом общественном процессе. В. А. Лекторский пишет: «...внешняя деятельность в виде оперирования теми или иными предметами, значками, схемами и т. д. — это не просто одно из средств объективации «подлинной» деятельности мышления, совершающейся «в уме», а ее настоящая основа и исходный пункт формирования»²⁰.

Машины, приборы, аппараты работают в соответствии с законами природы, с учетом которых они построены. Знаковые системы могут функционировать лишь в том случае, если известны правила оперирования ими, которые

позволяют включить их в человеческую коммуникацию. К этому надо добавить способы преобразования и перестройки знания — формально-логические и математические методы, категориальный аппарат отдельных наук и научного познания в целом.

Продукт труда — результат процесса познания. «Процесс, — писал К. Маркс о труде в сфере материального производства, — угасает в продукте»²¹. Точно так же и процесс познания находит свое завершение в знании. Знание как социальная реальность может существовать лишь в объективной, общезначимой форме, в виде текстов (буквенных, цифровых и т. д.) и разного рода изображений. Знаковые системы, являясь универсальным средством познания, в то же время служат и средством фиксации информации, полученной в этом процессе.

В этом звене процесс познания существенно отличается от труда в сфере материального производства. Продукт последнего всегда есть вещь, обладающая определенными свойствами, на создание которых и был нацелен сам процесс. Информация, полученная в результате процесса познания, никакими «вещными» свойствами не обладает, хотя фиксируется всегда в предметной форме. Между прочим, это отсутствие у информации «вещных» свойств обуславливает совершенно иной по сравнению с продуктом труда в сфере материального производства характер ее потребления. Вещь-продукт в процессе потребления исчезает, разрушается, прекращает свое существование как отдельный предмет. Потребление информации никак не отражается на ней самой. Она может быть потреблена вновь и вновь практически без каких-либо ограничений.

Вернемся теперь к вопросам, поставленным при обсуждении объекта познания, относительно разного рода идеальных построений. Учитывая выявленные особенности средств познания, можно сказать, что как идеальные объекты теории, так и литературные образы сами по себе не являются объектами познания, хотя могут замещать их на определенных этапах исследования. Они служат средством познания и освоения действительности.

Несмотря на известные (и неизбежные) ограничения, представление об аналогии между процессом материального производства и процессом познания, опирающееся на их генетическую связь и общность как видов универсальной деятельности, позволяет выявить фундаментальные особенности познающего мышления и неразрывно связанных с ним информационных процессов в обществе, приблизиться к пониманию имеющихся в сознании (и психике

человека вообще) глубинных инвариантов внешней предметной деятельности.

Социальная информация и социальное знание

Социальная (общественная, имеющая общественное существование) информация — это отображение различных фрагментов объективной или субъективной реальности. Его характерные черты — автономность, относительная независимость от индивидов. Такое отображение существует в обществе в двух основных видах. Определенная часть информации (и чем дальше в глубь истории, тем более существенная) передается от поколения к поколению внутри коллектива (или группы, или общества в целом) через орудия, средства и продукты труда в виде навыков, традиций, ритуалов и т. д. Этот «блок» социальной информации часто не осознается индивидом в адекватной форме, но оказывает влияние на его мировоззрение и деятельность.

Другая часть социальной информации — отражение, зафиксированное с помощью знаковых систем (модельно-изобразительных и вербально-дискурсивных), сформировавшихся в процессе развития общества и функционирующих в качестве средств коммуникации. Целенаправленное использование такой информации предполагает осознание ее содержания (хотя степень осознания может быть различной). Эта часть информации непрерывно возрастает в ходе исторического процесса и оказывает все большее воздействие на все стороны жизнедеятельности общества. Порождение, передача, хранение, использование такой информации пронизывают все социальные отношения и структуры. Именно эти процессы, взятые преимущественно со стороны средств и способов их функционирования, и являются предметом нашего исследования.

«Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм»²².

Социальные функции информации в первом (и достаточно грубом) приближении можно представить следующим образом. Генетически исходная функция — обеспечение общения. Информационные процессы в обществе — это прежде всего процессы общения. Хотя общение не сводится только к обмену информацией, оно и невозмож-

но без такого обмена. Передача информации от индивида к индивиду, от одной социальной группы к другой есть важнейшее условие и средство реального процесса общения. Постепенно эти каналы передачи информации становятся все более необходимыми и закрепляются в виде определенных социальных институтов, форм общения — религии, философии, науки и т. д.

Но такая дифференциация происходит уже на достаточно высоком уровне развития общества. Пока этот уровень не достигнут, все формы общения слиты в одной, включающей в себя зародыши всех последующих трансформаций и расчленений. Эта слитная, нерасчлененная, синкретическая форма общения, исходный пункт, начало будущих форм, обслуживает прежде всего основу основ общества — процесс материального производства. Именно особенности этого процесса, его наиболее существенные черты и обуславливают характеристики самого механизма общения. При последующем расчленении ядром всех информационных процессов общества по-прежнему остаются процессы в системе материального производства.

Стремительный рост количества циркулирующей в обществе информации и технических средств, составляющих ее материальную базу, обусловлен объективными закономерностями общественного развития, и в первую очередь изменением характера материального производства. В условиях современной научно-технической революции «различия между кооперацией труда внутри предприятия и внутри общества становятся все более относительными. Внутри предприятия кооперация труда во все большей степени опосредствуется кооперацией машин. В автоматизированном производстве, в условиях химической технологии трудовые контакты между работниками все более утрачивают прямой визуальный характер. Вместе с тем внешние производственно-трудовые связи между хозяйственными единицами становятся все более тесными. Отсутствие непосредственного контакта в процессе труда между людьми все более компенсируется развитием современных средств связи и информации»²³.

В последние годы в философской и социологической литературе мы все чаще сталкиваемся с понятиями «социальное знание», «социальная информация», «управление социальными процессами» и рядом других, описывающих в своей совокупности функционирование определенного социального организма. Речь идет о формирующейся системе понятий, с помощью которых отображается и исследуется определенная сторона жизни общества. Необходи-

мо четкое разграничение законов, относящихся к историческому процессу в целом, и законов данного общества как социального организма и связь этих последних с проблемами управления социальными процессами²⁴.

На основе научного анализа объективных тенденций развития социалистического общества КПСС ставит задачу «обеспечить более полное удовлетворение возрастающих материальных и духовных потребностей народа, последовательное развитие социалистического образа жизни, дальнейшее совершенствование социальной структуры советского общества»²⁵. Эффективность работы по претворению в жизнь этих задач зависит, помимо прочих условий, и от уровня теоретической разработки проблем социального управления, не только включающих вопросы развития экономики, культуры и других сфер общественной жизни, но и обязательно предполагающих конечную цель — формирование нового человека, всестороннее развитие личности.

Выяснение роли информационных процессов в функционировании данного социального организма должно опираться на определенное представление об информации вообще и о социальной информации как одном из ее видов. Как уже упоминалось, этим термином обозначается «информация, циркулирующая в обществе, используемая в управлении общественными процессами...»²⁶. Одна из основных ее функций — обеспечение целостности и развития социальной системы. Конечно, любая информация, циркулирующая в обществе, независимо от ее содержания является социальной. Но в более узком смысле слова социальной информацией называют такую, которая непосредственно отражает отношения людей. Деление это имеет весьма относительный характер. Информация о любых объектах и связях в известных условиях может затрагивать интересы людей и, следовательно, использоваться в управлении социальными процессами.

Существуют достаточно многочисленные классификации социальной информации, построенные по различным основаниям.

Одна из наиболее подробных классификаций приводится в работе В. Г. Афанасьева и А. Д. Урсула. Авторы выделяют три больших класса социальной информации: «информацию о прошлом, о том, что было; информацию о настоящем, о том, что есть в действительности; информацию о будущем — прогностическую и плановую, которая предвосхищает грядущее состояние общества»²⁷. Информация о прошлом позволяет выявить объективные тенденции

развития, сохранить накопленный предшествующими поколениями опыт. Отмечая тенденцию к росту прогностической составляющей в массиве социальной информации, В. Г. Афанасьев и А. Д. Урсул отмечают несколько ее функций. Во-первых, ориентировочную, которая «позволяет создать модель будущего системы на различные сроки и направить систему на реализацию модели». Во-вторых, нормативную, содержащую нормы, помогающие «правильно очертить условия, которые необходимы для реализации модели, а также точнее определить директивные, плановые показатели». В-третьих, предупредительную, дающую возможность «заранее предвидеть отклонение системы от заданной цели, возможные причины отклонения, отдельные последствия того или иного решения»²⁸.

Среди функций социальной информации выделяются коммуникативная, ориентировочная, управленческая и другие. Направление движения информации позволяет различить горизонтальную информацию, циркулирующую между системами одного организационного уровня, и вертикальную, циркулирующую между системами различных уровней. В последней можно выделить прямую и обратную информацию. Информация может быть также дифференцирована по сферам применения, по степени организации и по другим основаниям²⁹.

Отметим важное для нашего обсуждения различие информации по материальным формам, в которых она воплощается. Информация, циркулирующая по различным каналам, «выражается в определенных структурных элементах-символах и позициях. Отсюда такие виды информации, как визуальная (видимая, документальная) и звуковая (слышимая), письменная и устная, радио- и телеинформация, газетная и другая печатная информация, информация, воплощенная в художественных произведениях, и т. д.»³⁰.

Не ставя целью разбор предлагаемых классификаций, хотелось бы обратить внимание на возможность выявления некоторых существенных особенностей социальной информации при сопоставлении понятий информации и знания. Во многих работах эти понятия применяются как равнозначные. Так, В. Г. Афанасьев пишет, что социальная информация «представляет собой знания, сообщения, сведения...»³¹.

Ю. П. Сенокосов и Э. Г. Юдин, утверждая, что содержание социального знания касается сложившихся исторически отношений людей, выделяют информационное (де-

скриптивное) или инструментально-техническое социальное знание и социально-философское знание³².

Соотношение знания и информации может описываться на разных уровнях абстракции. На одном из уровней, например, может быть выявлено такое отношение между указанными понятиями, при котором «научная информация является стороной или частью научного знания»³³. Знание при этом оказывается более широким понятием по сравнению с понятием информации.

Возможен иной подход к выяснению соотношения информации и знания. Он связан с представлением их как взаимодополняющих сторон процесса познания и социального управления. И информация, и знание (речь идет о социальной информации и социальном знании) являются продуктами познавательного процесса, осуществляемого активно действующим человеком, и фиксируются в определенной знаковой форме (речь, изображение и т. п.).

Под социальной информацией тогда следует понимать те сведения, которые объективно необходимы для устойчивого функционирования данного социального организма. Например, для промышленного предприятия, фирмы, корпорации в условиях капитализма нужны сведения о ценах на сырье, на готовую продукцию, о транспортных издержках, банковском кредите и т. п. Это тот обязательный минимум сведений о рыночных товарно-денежных отношениях, который обеспечивает их весьма относительную стабильность, постоянно нарушаемую анархией капиталистического способа производства.

Потребители такой информации — владельцы капиталистических предприятий, банкиры, биржевики — используют ее для управления экономикой. Хотя субъективно они могут быть заинтересованы в поддержании стабильности (например, постоянных темпов роста объема производства), объективные закономерности капиталистического способа производства вынуждают их к погоне за максимальной прибылью. Это неизбежно приводит к нестабильности экономики, финансовым крахам, инфляции, безработице и другим кризисным явлениям.

Самое существенное состоит в том, что информация обо всех этих сторонах капиталистической действительности не может быть эффективно использована в рамках имеющейся системы. То содержание, которое не относится непосредственно к функционированию данной системы, в ее рамках не осознается как необходимое. (Например, то, что в товарно-денежных отношениях выражается эксплуатация одного класса другим, не осознается капиталистом

и до поры до времени пролетариатом.) В рамках системы информационного обеспечения капиталистического способа производства, образно говоря, нет места понятиям инфляции, безработицы, кризисов и т. д. Все это рассматривается не как особенность функционирования данной системы хозяйства, а как действие внешних стихийных сил, которые не поддаются регулированию.

Как известно, К. Маркс, исследуя названные выше явления капиталистического способа производства, пришел к выводу о неизбежности перехода от капитализма к социализму. Вывод этот относится к закономерностям перехода от одной общественно-экономической формации к другой, т. е. к историческому процессу в целом.

Осознание «избыточного» содержания социальной информации связано с подъемом на другой, более высокий уровень, с переходом в новое качество. Это оказывается возможным благодаря тому, что сопоставляется информация от нескольких систем первого уровня (в нашем примере — от всех существовавших в истории способов производства). Собственно говоря, здесь речь идет не просто о социальном знании, а о знании методологическом, т. е. способах и средствах теоретической деятельности и организации «предметного» знания.

С этой точки зрения социальной информацией можно назвать сведения, циркулирующие внутри данной общественной системы, объективно необходимые для сохранения ее устойчивого функционирования, воспроизводства связей, обеспечивающих ее целостность. Социальное знание — это построенные на основе анализа информации гипотезы и теоретические выводы, обнаруживающие неизбежность перехода системы (социального организма) в новое состояние и описывающие механизм этого перехода и источники сил, обуславливающих его.

Категории информации и знания в рассматриваемом плане соотносительны: те сведения о различных сферах социальной действительности, которые являются информацией в рамках одной системы, могут выступать как знание по отношению к системе низшего уровня. Скажем, сведения о ценах на товары в определенном смысле выступают как знание по отношению к технологической информации, используемой непосредственно в процессе производства. Эта последняя может быть перестроена в соответствии с изменением содержания знания. В конечном счете изменится и сама технология.

Таким образом, социальную информацию и социальное знание можно различать по их функционированию в по-

знании и управлении социальными процессами. Знание по отношению к информации выступает не просто как особый ее вид, а как способ ее переработки. Этот способ фиксируется в категориях, принципах и законах науки, в научных теориях в целом³⁴.

Социальная деятельность, избыток и дефицит информации

«История — *не что иное*, — говорится в «Святом семействе», — как деятельность преследующего свои цели человека»³⁵. Цель представлена в сознании в виде идеального образа предмета, который должен быть создан, построен в процессе деятельности. Переход от идеальной (субъективной) цели к ее практической реализации совершается через принятие решения, определяющего направление и специфику этой деятельности. Принятие решений — существеннейшее звено в деятельности людей, коллективов и всего общества в целом. Эффективность деятельности, ее конечный результат зависит от того, насколько принятые решения (а они всегда касаются характера деятельности) соответствуют закономерностям общественного развития и законам природы, имеющимся средствам их реализации и другим объективным и субъективным условиям.

Каждый человек в любой сфере деятельности принимает, вынужден принимать те или иные решения, масштабы которых могут быть самыми различными. Воспроизведем несколько обычных, тысячи раз встречающихся ситуаций. Директор завода подписывает приказ о запуске в производство нового вида продукции. Студент сдает экзамен. Врач выписывает рецепт и назначает лечение. Историк пытается восстановить события, происходившие много веков тому назад.

Во всех этих ситуациях, на первый взгляд совершенно различных, есть нечто общее. Это общее состоит в дефиците информации, который испытывают все эти люди. Директору завода очень хотелось бы знать точнее, каков будет спрос на продукцию, решение о запуске которой в производство он должен принять. Хотелось бы подробнее, обстоятельнее ознакомиться с возможностями нового оборудования, только что установленного для выпуска этой продукции, выявить реальное положение с сырьем у поставщиков, с комплектующими изделиями и т. д. Какая-то информация обо всем этом у него есть, но кто может сказать, что она достаточна для принятия верного решения?

Студент, сдающий экзамен, конечно, прочел минимум

рекомендованной литературы. Правда, надо было бы посмотреть еще такие-то и такие-то учебники, схемы, записи лекций. Но пора уже брать билет.

Врач изучил историю болезни, просмотрел результаты сделанных анализов, побеседовал с больным. Надо бы еще проверить, не было ли функциональных изменений в некоторых органах, провести пару дополнительных анализов, посоветоваться с коллегами. Но больного надо начинать лечить сейчас, а за дверью к тому же ждут другие пациенты.

Чрезвычайно остро ощущает дефицит информации историк. Отсутствие информации иной раз не дает возможности не только выявить детали того или иного события, но и решить однозначно принципиально важные проблемы исторического исследования. Например, как пишет Р. Г. Скрынников, «феодалы сохранили важнейшие крестьянские законы, изданные в правление Ивана Грозного, Бориса Годунова и первых Романовых. В длинной цепи недостает лишь одного, но зато самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня, покончившего с крестьянской свободой... Утрата, быть может, самого значительного из указов Грозного удивительна сама по себе. Отсутствие каких бы то ни было ссылок на него в документах последних лет царствования Ивана совсем необъяснимо»³⁶. И вот в условиях отсутствия важнейшей информации ученые-историки должны дать объяснение, решить проблему, имеющую первостепенное значение для русской истории. От решения этой проблемы зависит интерпретация необозримого количества других событий и понимание целой исторической эпохи.

Во всех этих случаях возникает классическая «ситуация Рубикона». Цезарь, как известно, долго колебался, переходить ему Рубикон или нет. Переправа на другой берег реки сама по себе была более чем рядовым событием. Но поскольку по ней проходила граница между Цизальпинской Галлией и собственно Италией, переход этой границы с войсками вел к гражданской войне. «...Все историки единодушно отмечают колебания Цезаря. Так, Плутарх говорит, что Цезарь понимал, началом каких бедствий будет переход и как оценит этот шаг потомство. Светоний уверяет, что Цезарь, обратившись к своим спутникам, сказал: «Еще не поздно вернуться, но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие». Наконец, Аппиан приписывает Цезарю такие слова: «Если я воздержусь от перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня, если же перейду — для всех людей».

Тем не менее, произнеся якобы историческую фразу «Жребий брошен», Цезарь все-таки перешел со своим штабом через Рубикон. Плутарх даже сообщает такую деталь: знаменитая фраза была сказана по-гречески. Кстати, если только она вообще была сказана, то это вполне правдоподобно, поскольку фраза не что иное, как цитата из Менандра, которого знал и даже любил Цезарь»³⁷.

Итог событий, начало которым было положено этим шагом, — сражений и походов, триумфов и поражений — для самого Цезаря оказался трагическим — смерть от рук заговорщиков, в числе которых был и Марк Юний Брут (по некоторым предположениям, он был внебрачным сыном Цезаря). Увидев его среди убийц, Цезарь якобы сказал: «И ты, дитя мое!» — и после этого перестал сопротивляться³⁸.

Хотя далеко не каждое принимаемое решение ведет к столь грандиозным и драматическим последствиям, каждое реализует выбор направления деятельности, эффективность которой в немалой степени зависит от обоснованности решения. Поэтому возникают вопросы: возможно ли в принципе преодолеть дефицит информации? Или человек обречен всегда принимать решения при недостатке информации? Как соотносить такое положение с очевидным фактом стремительного, невероятно бурного роста количества информации в обществе в целом?

Существует и совершенно иной взгляд на проблему дефицита информации. «...Считать стремление к информации основным отличительным признаком человека, его врожденным качеством, сохраняющимся при всех условиях, — пишет В. Н. Тростников, — значит, глубоко заблуждаться. Более того, если уже непременно нужно было бы дать какой-то главный признак человеческой психики, то этим признаком следовало бы считать... стремление во что бы то ни стало избежать информации, вернуться от нее, избавиться от как можно большего количества уже хранимой в памяти информации»³⁹.

Вопрос об отношении человека к информации, по-видимому, нельзя решить в рамках чисто психологической альтернативы: стремится — не стремится. Отношение человека к информации определяется не столько психологическими (и тем более врожденными), сколько социальными факторами. Нет смысла противопоставлять стремление к информации и отсутствие такового. Главная особенность человека как приемника информации — его избирательное отношение к ней. В зависимости от внешних и внутренних факторов человек стремится (или не стремится) получить

какую-то конкретную информацию. Чем больше знаний, в особенности методологического характера, есть у человека, тем больше по количеству и разнообразнее по содержанию информация, которую он считает необходимой для себя.

Человек, владеющий методами усвоения и освоения информации, находит практически в любой информации такое содержание, которое может быть включено в его личную «информационную систему». Чем более глубоки знания, тем более высок уровень использования информации, тем больше возможностей отбора таких ее фрагментов, которые активно используются, хотя на первый взгляд эта информация и не имеет отношения к его деятельности. Возможно, что существует некая «критическая масса» информации и такая степень интенсивности деятельности, которая «настраивает» человека на «поглощение» информации. Если же такая критическая ситуация не достигнута, то человек не заинтересован в получении информации, и при этом все-таки не всякой информации. Какая-то информация всегда привлекательна для человека в зависимости от его установок, уровня культуры и т. д. Уровень потребления информации может быть самым различным, но нет людей, вообще «не потребляющих» информацию. А если дело обстоит таким образом, сформулированные вопросы остаются в силе. Ответы на них затрагивают коренные проблемы теории познания.

Проблема подготовки и принятия решений занимает особое место среди теоретических проблем социального управления. В большинстве работ по вопросам социального управления принятие решений рассматривается как этап исключительной важности⁴⁰. Выработка и принятие решения существенно отличаются от других этапов управленческого процесса. Если на других этапах процесса управления основным компонентом деятельности являются практические действия, то на интересующем нас отрезке доминирует теоретическая деятельность — анализ информации и синтез решения.

Человек, принимающий решение, всегда стремится получить максимум информации, относящейся к объекту управления⁴¹. Таким объектом выступают другие люди, коллективы, либо сам человек, принимающий решение. В последнем случае мы имеем дело с самоуправлением⁴².

То количество информации, которое можно подвергнуть анализу, ограничивается многими факторами. Прежде всего любой объект обладает бесконечным числом связей и отношений, которые потенциально могут быть зафиксированы в информации о нем. Вместе с тем в мире нет ниче-

го окончательно познанного, если не говорить о тривиальных вещах. Фактически всегда имеется информация лишь о некоторых свойствах, связях и отношениях объекта. Следовательно, какими бы знаниями ни обладал человек, никогда нельзя сказать, что он знает все хотя бы об одном каком-нибудь объекте.

Вывод, который может быть сделан из этих достаточно известных положений: дефицит информации принципиально неустраним, человек, несмотря на колоссальное обилие информации, всегда вынужден принимать решения и действовать в условиях ее недостатка. «Субъект управления не в состоянии переработать всю информацию, относящуюся к вопросу принятия решения, и поэтому выбор за редчайшими исключениями осуществляется в условиях той или иной неопределенности»⁴³.

Тем не менее люди, вынужденные принимать решения при весьма ограниченном количестве информации, нередко находят оптимальное, в некоторых случаях единственно верное решение. Умение принимать правильные решения при дефиците информации требует своего объяснения. Каков источник, из которого черпает человек, когда у него нет подробной, обстоятельной информации по той или иной проблеме? Какие методы применяет он, чтобы найти нужное решение? На что опираются эти методы?

В предварительном порядке скажем, что источником правильных решений для человека является весь совокупный опыт человечества, все те приемы и методы, которые выработаны в ходе решения практических и теоретических задач. Однако такой общий (и верный) ответ вряд ли может быть признан достаточным.

Если проанализировать реальные ситуации принятия решений, то обнаруживается весьма своеобразное обстоятельство. Оказывается, бывают случаи, когда человек вынужден принимать решения, противоречащие, например, сложившимся нравственным установкам (и общепринятым моральным нормам). Скажем, в условиях гражданской войны фундаментальная норма (моральная и правовая), не допускающая лишения жизни другого человека, «снижалась» даже по отношению к близким людям, оказавшимся по другую сторону баррикад.

Существенно при этом, что норма не отбрасывается вообще, а продолжает регулировать поведение личности во всех других ситуациях. На наш взгляд, в подобного рода фактах отчетливо проявляется доминирование общественного над индивидуальным. Закрепленные в мировоззрении классовые интересы оказываются «последней инстанцией»

и имеют решающее влияние на характер действий человека. Из всех компонентов духовного мира личности именно мировоззрение наиболее тесно связано с самыми глубинными психическими структурами личности.

Каков же «механизм» взаимодействия мировоззрения и других составляющих духовного мира личности, осуществляющий преобразования, подобные описанным выше? Некоторые особенности этого взаимодействия могут быть выявлены, если рассматривать его с точки зрения переработки информации, поступающей к человеку.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Развитие природы и общества и развитие познания, отражающего объективную реальность, ставят целый спектр вопросов, касающихся параметров этого отражения. Их исследование предполагает выяснение специфики развития объективной реальности, механизмов взаимодействия между объективной реальностью и познанием, структуры познавательного процесса. Принципиальные теоретические предпосылки решения этих проблем сформулированы в трудах классиков марксизма. «Если все развивается, — отмечал В. И. Ленин, — значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respective *уменьшение*) etc. Раз так, то во-1-х, надо *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, *взаимопереходы*. — А во-2-х, если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям и категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»¹.

Двигаясь по пути исследования диалектики познания, имеющей объективное значение, можно приблизиться к решению задач, поставленных самим ходом развития познания. Одна из таких задач — исследование механизмов социальной памяти — исторически сложившегося комплекса информационных взаимодействий, в котором находит свое воплощение один ряд связей из многообразия отношений, реализующих социальную детерминацию познания.

Социальная память: становление понятия

Изучая исторически определенные социальные общности, антропологи и социологи обнаружили, что их целостность существенным образом зависит от надежного функционирования систем социального управления. В свою очередь эта надежность достигается путем формирования определенного аппарата, с помощью которого фиксируется, хра-

нится и передается социально значимая информация. Целостность и устойчивость социальных связей, таким образом, оказывается связанной с характером и особенностями организации этого аппарата, который является основой памяти общества.

Возродившийся в последние годы интерес к проблемам памяти связан с информационным подходом. Появились работы, в которых память человека и общества рассматривается в свете представлений теории информации и кибернетики. «Одним из важнейших свойств любой кибернетической системы (технической, биологической, социальной), без которого немислимо ее целесообразное функционирование, является способность системы к накоплению и хранению информации, т. е. наличие у нее памяти»².

Это открывает возможность подойти к обобщенному пониманию памяти, включающему частные случаи ее функционирования в виде памяти индивидов, машинной памяти и памяти социальной. Вот вариант такого обобщенного понимания: «...совокупность процессов и механизмов, определяющих способность организованной материи селективно фиксировать и сохранять во времени следы информационных воздействий и при определенных условиях полностью или частично воспроизводить эти следы»³.

Кибернетика и другие науки раскрывают «материальность информационных процессов, их роль в формировании и развитии биологических, технических и социальных систем»⁴. В исследованиях механизмов переработки и способов хранения информации в обществе все большее значение приобретают «проблемы многоярусной «иерархии», координированности и собственной организованности как самих систем социальной информации, так и тех узлов и блоков, где отбираются, перекодируются по мере надобности, устойчиво хранятся и в то же время должны оставаться достаточно мобильными грандиозные ресурсы этой информации»⁵.

Исследование проблемы, учитывающее информационный подход, позволяет представить определенную сторону общественного сознания в виде особой организации, особой структуры социальной памяти. Наличие такого способа хранения опыта давно осознавалось, но часто в смутной, фантастической форме. Мифологизированное представление о механизме индивидуальной памяти характерно, например, для гносеологии Платона, в которой познание есть припоминание (воспоминание) бессмертной души того, что она некогда видела⁶. Можно сказать, что, с точки зрения Платона, существует некое хранилище зна-

ний (бессмертная душа, бог и т. д., т. е. непознанная социальная действительность, скрытые от человека того времени формы хранения знаний), откуда человек может получать эти знания⁷.

Идея о существовании надличностного механизма хранения социально значимой информации, являющегося необходимым условием развития общества и индивида, прослеживается в работах многих современных историков, психологов и социологов, особенно французских, возможно, под влиянием идей Э. Дюркгейма о «коллективных представлениях». «...В них, — пишет Дюркгейм, — как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида»⁸. Коллективные представления (категории) вынужден использовать индивид. Совокупность таких представлений — «коллективное сознание», — обуславливая содержание сознания индивида, выступает как основа его мышления и действия. Известно, что Э. Дюркгейм преувеличивал роль религии в жизни общества. В частности, он считал, что «категории имеют религиозное происхождение...»⁹ Однако в его взглядах нашла не вполне адекватное выражение реально существующая единая мировоззренческая основа, определяющая отношение индивидов к миру в социальных группах.

Наличие в обществе специфической системы хранения социально значимой информации отмечено в исторических исследованиях. Например, французский историк М. Блок, исследуя феодальное общество, специально выделяет в работе главу «Коллективная память»¹⁰. Он рассматривает формы, в которых осуществлялось описание исторических событий в ту эпоху, — письменные произведения различного жанра и народный эпос. Особенности этой коллективной памяти, по Блоку, определяют в значительной мере и характер воззрений людей данной эпохи¹¹.

В формировании такого взгляда, по-видимому, не последнюю роль сыграл традиционный для историков подход к памятникам прошлых эпох, особенно письменным. Любой фрагмент текста, а тем более цельное произведение, попавшее в поле его зрения, историк рассматривает преимущественно не как произведение того или иного автора, а прежде всего как отражение коллективного человеческого опыта, знаний и т. п. Это представление подкрепляется тем обстоятельством, что авторы часто бывают неизвестны, а если и известны, то само произведение почти никогда не может быть целиком приписано одному из них, а

является в самом прямом смысле плодом коллективного творчества.

В результате складывается специфический взгляд на письменные исторические источники, в особенности на различные хроники, летописи, жизнеописания. Историк часто видит в них продукт деятельности некоего коллективного субъекта и относится к ним именно с таких позиций. Иллюстрацией может служить, например, такой факт.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский в начальных разделах широко известного «Курса русской истории» излагает содержание древнерусской летописи. При этом историк представляет летопись как живую совокупную память общества: «Наша летопись не помнит явственно...»; «но, сопоставляя ее смутные воспоминания...»; «наша Повесть временных лет не говорит...»; «хорватов здесь знает и наша Начальная летопись...»; «летопись однако запомнила...»¹²

Разумеется, это своеобразный литературный прием, в котором, однако, проявились упомянутые особенности подхода к историческим источникам. Следует заметить, что в других случаях В. О. Ключевский употребляет подобные обороты речи только по отношению к авторам текстов: «Император Маврикий... пишет...»; «Историк гóтов Иорнанд, который сообщает эти известия...»; «...араб Масуди в своем географическом сочинении *Золотые луга*... рассказывает...»¹³

Сам предмет и условия исторического исследования способствуют выработке представления о наличии в обществе упорядоченной системы хранения информации о различных природных и социальных явлениях. Представление это детерминировано не только спецификой исторического исследования, но в первую очередь реально существующими особенностями самого исследуемого объекта — общества. Историк в ходе своего исследования убеждается, что сохранение преемственности в жизни социальных организмов и, следовательно, их целостности зависит от способов организации и средств хранения информации.

Проблема социальной памяти как необходимого условия существования памяти индивидуальной (и высших психических функций вообще), по-видимому, впервые в советской психологической литературе была поставлена в работах П. П. Блонского и Л. С. Выготского¹⁴. В современной философии происходит дальнейшее развитие представлений о существовании общественной системы хранения информации по пути построения все более дифферен-

цированных концепций, в частности в исследованиях по истории и методологии науки.

Как известно, развитие науки возможно только при сохранении полученного на каждом этапе знания. В теоретическом обосновании этого факта и состояла цель кумулятивистских теорий роста научного знания. Однако очевидная неаддитивность развития научного знания привела к появлению парадигмальной модели развития науки. Смена парадигм происходит в результате научных революций — таков смысл одной из наиболее распространенных теорий Т. Куна¹⁵.

Проблема способов и форм существования научного знания стала особенно актуальной в связи с научно-технической революцией. В последние годы среди буржуазных философов и историков науки появились теоретические построения, возрождающие в той или иной форме объективно-идеалистические взгляды. Наиболее четко эта тенденция проявилась в концепции «трех миров» К. Поппера. По его мнению, можно утверждать наличие «трех миров». «Первый мир» — это физический мир, или наблюдаемая природа, «второй» — сфера человеческого познания и психических процессов, протекающих в мозгу людей, «третий» — «мир объективного знания». Содержание этого «третьего мира» расширяется К. Поппером беспредельно, вплоть «до всех возможных объектов мышления», включая «теории в журналах, книги в библиотеках, дискуссии о теориях, трудности и проблемы», а также ценности, социальные институты, произведения искусства и т. п. Подлинно объективное знание, согласно Попперу, имеется там, где нет познающего субъекта и, следовательно, той эмпирической реальности, в которой он живет и действует¹⁶.

Существование объектов «третьего мира» связано с материализацией продуктов человеческого мышления в виде книг, скульптур, компьютеров и т. д. Теории и идеи, художественные стили развиваются по своим законам, представляют собой отчужденное от субъекта знание, которое приобрело общечеловеческое значение. «...Мой третий мир, — пишет К. Поппер, — не имеет вообще никакого сходства с человеческим сознанием; и хотя его первичные обитатели суть произведения человеческого сознания, они совершенно отличны от сознательных идей, или мыслей в субъективном смысле»¹⁷. Будучи идеальными объектами, они могут порождать и материальные следствия, могут воздействовать на сознание человека и через него на мир физических реальностей. Продукты цивилизации можно

рассматривать как материализацию целей, идеалов, планов, существующих в виде объектов «третьего мира».

Такая трактовка «третьего мира» имеет объективно-идеалистическую основу в духе неизменных «идей» Платона, на которого Поппер прямо ссылается. Ссылается он и на Гегеля. Однако в отличие от саморазвивающейся гегелевской абсолютной идеи «третий мир» у Поппера оказывается замкнутым и неспособным к развитию. Философы-марксисты подвергли взгляды К. Поппера обстоятельному анализу и критике, вскрыв их теоретическую несостоятельность и апологетическую направленность.

«Теорией познания марксизма и историческим материализмом доказано, что психика людей и свойственное им познание и знания вторичны в отношении природной действительности, но они возникают только в рамках общества, причем познание есть и элемент общественной жизни, и момент в ее предпосылках, и следствие объективных законов ее развития»¹⁸.

В концепции К. Поппера схвачена и идеалистически гипертрофирована одна из важнейших черт «надындивидуальных систем информации» в обществе — их относительная самостоятельность. С точки зрения диалектического материализма бесспорна, конечно, их детерминация фундаментальными социальными процессами, прежде всего производством материальных благ. Но эта детерминация ни в коем случае не уничтожает относительной автономности таких систем. Признание каузальной зависимости дает опору и для выяснения специфических закономерностей их развития и функционирования.

Развертывание исследований социальной обусловленности познания привело к появлению в философской литературе целого ряда понятий, в которых фиксируется наличие в обществе сформировавшейся в процессе социального развития системы хранения, переработки и выдачи информации, обеспечивающей процесс расширенного воспроизводства материальной и духовной культуры и всего общества в целом. Кроме термина «социальная память» в таком же или близком значении используются уже упоминавшаяся «коллективная память», а также термины «историческая память»¹⁹, «социально-историческая память»²⁰, «память мира»²¹, «внешняя память»²², «надындивидуальная система информации»²³, «внегенетическая система социального наследования»²⁴ и др. Помимо отмеченного общего смысла в них подчеркивается та или иная особенность этой системы хранения информации и прояв-

ляются какие-то черты применяемой их авторами методологии.

Э. В. Соколов, рассматривая проблему «исторической памяти», отмечает: «Требуются специальные усилия для того, чтобы результаты познавательной деятельности и обмена информацией были систематизированы, включены в общую систему знаний и стали доступны для последующего использования»²⁵. Здесь подчеркивается целенаправленность формирования «исторической памяти». Сама система хранения и передачи информации в обществе выступает как продукт специализированной деятельности человека. Несколько далее это понятие используется в более узком смысле для обозначения воспроизведения исторических событий, которые выделяются из всей совокупности хранящейся в обществе информации, как синоним исторического знания²⁶. В этом последнем или еще более узком смысле использует понятие «историческая память» В. Б. Устьянцев, обозначая данным термином совокупность исторических источников, преимущественно письменных²⁷.

«Общество в целом, — пишет А. Моль, — обладает определенной *социальной культурой*, которая воплощена в «сети знаний», тем или иным способом формируемой из множества производимых обществом материалов культуры. Совокупность этих материалов, которые можно было бы собрать в некоторой «универсальной библиотеке», можно условно назвать «памятью мира»²⁸. «Память мира» — это один из двух типов «социокультурной таблицы», ее можно назвать также «таблицей знаний»²⁹. В «памяти мира» хранятся продукты деятельности человека в сфере культуры. А. Моль рассматривает культуру как «интеллектуальный аспект искусственной среды, которую человек создает в ходе своей социальной жизни»³⁰.

Использование А. Модем имеющих весьма расплывчатый смысл словосочетаний «универсальная библиотека», «сеть знаний», «память мира», «социокультурная таблица» и других, по-видимому, соответствует принципиальной установке автора, который не считает «безусловно необходимым заранее определить все употребляемые слова для того, чтобы строить из этих слов правомерные утверждения»³¹. Это, разумеется, верно в том смысле, что невозможно дать явные определения всем словам, используемым автором. Но когда этот принцип проводится относительно узловых понятий, фиксирующих важнейшие особенности исследуемых фрагментов реальности, описание приобретает почти исключительно метафорический характер, а

работа по вычленению объективного содержания употребляемых терминов перелагается автором (хотя и не в полном объеме) на читателя.

Говоря о «внешней памяти», А. А. Малиновский видит причину ее возникновения в необходимости для общества «преемственности познания с сохранением информации из поколения в поколение...»³². «Внешняя память» на первых этапах развития человеческого общества «была заключена в орудиях, понимая последние в широком смысле слова (собственно орудия, одежду, жилища и т. д.)... В дальнейшем начали развиваться различные знаковые системы, передававшие то или иное знание в виде отдельных символов, а затем и в виде прямых записей, цифр и других, все более расширяющихся форм фиксации знаний»³³.

Анализируя различия между биологическим и социальным управлением, В. Г. Афанасьев отмечает, что последнее базируется на совершенно иных информационных основах. «Здесь решающее значение имеет не наследственная, а *социальная информация*. Здесь сформировалась специфическая *надындивидуальная* система информации, обеспечивающая накопление, хранение, передачу существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению (вертикальный обмен информацией), а также обмен информацией между людьми одного поколения (горизонтальный обмен информацией)»³⁴. Этой системе принадлежит решающая роль в социальном онтогенезе человека: «Только благодаря воссозданию, воспроизведению информации, выработанной предшествующими поколениями людей, и ассимиляции информации, которой обладают его современники, человек становится человеком, социальным существом»³⁵.

Описанные взгляды обнаруживают общие черты. «Историческая память», «память мира», «внешняя память», «надындивидуальная система информации» рассматриваются прежде всего в качестве хранилища традиций, опыта, научных знаний, художественных произведений. Например, описываются материальные средства и социальные институты, обеспечивающие сохранение текстов разного рода, картин, фильмов и т. п. и способы их тиражирования и распространения (музеи, библиотеки, средства массовой коммуникации и т. д.).

При таком подходе, поскольку и не ставится иная задача, остается в тени принцип организации, который с необходимостью должен проявиться в структуре и функциях системы хранения социальной информации. Ведь сохранение информации имеет смысл только тогда, когда ее

можно использовать. Если информация недоступна для использования, то хранить ее бессмысленно, да и, по-видимому, просто невозможно. Она в этом случае утрачивается как не имеющий ценности элемент культуры. Обеспечить выдачу и, следовательно, использование информации можно только в случае упорядочения ее по известному и доступному для понимания пользователей принципу. Но упорядочение в свою очередь предполагает селекцию и установление иерархичности информации.

На это обстоятельство обращает внимание Э. В. Соколов: «Для записи информации... необходимы знаковые системы и определенный метод упорядочения, организации информации по ее ценности и содержанию. Знаковой системой в большинстве случаев служит разговорный язык, а методами организации — устное предание, исходящее от авторитетного лица, догматическая система верований или логически и семантически разработанная система знаний, т. е. научное мировоззрение»³⁶. Из дальнейшего изложения видно, что автор признает наличие определенного метода упорядочения информации только в третьем случае — когда сформировалось мировоззрение. «Отсутствие мировоззрения затрудняло синтез информации; она сохранялась в нерасчлененном виде, отдельными «комками»... «Центром кристаллизации» знаний служил опыт личности...»³⁷ Но, как пишет далее автор, «естественная память (имеется в виду память индивида. — В. К.) не может быть надежным механизмом культурной преемственности»³⁸.

Характеризуя указанные способы хранения информации, Э. В. Соколов несколько преувеличивает значение научно-рационального способа организации информации для ее сохранения. Имеется огромное количество фрагментов древних культур, позволяющих в общем достаточно полно воспроизводить их содержание (например, шумерская, или древнеегипетская, или майянская культура). По-видимому, более правильным будет предположение о том, что сохранение информации, необходимой для функционирования и развития общества, на ранних этапах обеспечивалось ее организацией, основанной на других принципах. Эти принципы не были научными в современном смысле слова, но обеспечивали систематизацию и хранение необходимой обществу информации.

Отсюда вытекает задача: исследовать эти принципы, выявить механизмы хранения и переработки информации на различных исторических этапах развития общества, причины перехода от одной системы к другой. Решение

этой задачи настоятельно требует выработки понятия, охватывающего в своем содержании не только само «наличное бытие» информации в обществе, но и принцип ее организации, чтобы оно могло более эффективно выполнять методологическую функцию, выступать как средство исследования информационной стороны жизни общества.

В наибольшей степени этим требованиям отвечает понятие «социальная память». В качестве термина, имеющего приблизительно такое же содержание, как и проанализированные выше, словосочетание «социальная память», встречается в философской и социологической литературе³⁹. Содержательная же разработка этого понятия, необходимая для исследования информационных процессов в обществе, началась лишь в последние десятилетия.

Индивид и группа: память и общение

Память индивида как средство сохранения и воспроизведения индивидуального опыта изучает психология. Она рассматривает присущие индивиду механизмы запоминания, различные виды памяти — различные по характеру психологической активности и целей деятельности, по продолжительности закрепления и сохранения материала, индивидуальные различия памяти и т. п. С точки зрения психологии памятью называется «запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта...»⁴⁰. Психология в известной степени отвлекается от социальных средств хранения опыта, рассматривая их как необходимое условие развития психики. Не менее важным является исследование самих этих средств, тех объективных форм, в которых хранится опыт, ибо они определяют в конечном счете многие существенные особенности индивидуальной памяти, психических структур личности в целом.

Развитие личности с точки зрения марксистской психологической науки есть результат ее социализации. «С момента рождения человеческое существо погружается в процесс функционирования знаков, предметов, несущих социально закрепленный способ оперирования ими, приобретая тем самым к истории культуры. Но тогда психическое развитие отдельной личности выступает не как адаптация к окружению (при нарушении равновесия с которым возникает «вспышка сознания»), а как овладение культурными ценностями, их усвоение. Очевидно, что это усвоение изначально социально по своей природе. Оно может возникнуть только в процессе общения, сотрудниче-

ства, совместной деятельности. Любой сигнал становится знаком для меня лишь потому, что он служит знаком для других. Сперва он создается человеком для другого человека и лишь впоследствии, уже обретя знаковую функцию и диктуемый ею способ поведения, он может «переместиться» из внешней системы отношений во внутреннюю»⁴¹.

Из этого высказывания видно, что изучение проблемы памяти не может ограничиться лишь памятью индивида, оно должно распространиться и на общество в целом. В качестве материальной основы памяти в этом случае выступают элементы культуры, а механизмы социальной памяти соответственно рассматриваются как процессы формирования отдельных фрагментов культуры и их функционирования. Культура при таком подходе оказывается хранилищем различных духовных ценностей и установок, производственных рецептов, трудовых навыков, социальных норм и различных сведений о явлениях. Все это связывается с представлением о хранящемся вне индивида (в коллективе, социальной группе, обществе в целом) знании, которое может быть затем «переписано» в память индивида и использовано им.

Социальные группы можно выделить по разным признакам: возрастным, профессиональным, половым и т. д. В исходном состоянии общества социальная группа по многим своим особенностям совпадала с обществом в целом. Объясняется это слабостью социальных связей между такими группами. Небольшие (по современным масштабам) этнические группы представляли собой не просто часть общества. Каждая малая этническая общность (племя, род, первобытная община) вынуждена была строить свой «социум», включавший как базисные производственные отношения, так и отношения вторичные, надстроечные.

Для успешного функционирования производственных процессов, от которых зависело существование таких общностей, помимо прочих условий, необходимо было определенное упорядочение, расчленение мира вещей и явлений, с которыми сталкивался человек. Это позволяло сохранять и передавать из поколения в поколение жизненно важный опыт.

Исходное расчленение мира выявлялось в материальном производстве и закреплялось в его орудиях и продуктах. Постепенно складывались специфические средства сохранения производственного, социального опыта — изображение предметов и звуковая речь. Изображение и речь выступают прежде всего в двух функциях: в качестве средств общения, коммуникации и в качестве средств по-

знания, средств объективации мыслительной деятельности.

Говоря о «единицах общения», Т. М. Дридзе, Э. А. Орлова, Д. Д. Райкова пишут: «При этом «текст» (сообщение) понимается как система смысловых единиц, функционально, т. е. для данной конкретной цели, объединенных в замкнутую, иерархически организованную содержательно-смысловую структуру. Указанная структура «цементируется» основным мотивом общения, его замыслом и оказывается не только объектом и продуктом деятельности общения, но и образом этой деятельности, независимо от того, в рамках какой подсистемы знаков текст порождается и интерпретируется...». «Представление о содержательно-смысловой структуре, цементируемой общей целью, концепцией или замыслом, в равной мере относится к речевому сообщению, к произведению пластики или живописи, к музыкальному сочинению, к пантомимическому этюду, к инженерному проекту и к архитектурному ансамблю. Общение с использованием средств естественного языка в этом смысле лишь частный, хотя и наиболее распространенный в обращении вид текста»⁴².

Тесная взаимосвязь функций общения и познания не позволяет провести между ними жесткую разграничительную линию. С учетом этого обстоятельства обратимся к анализу особенностей речи и изображения в рамках их взаимодействия в качестве средств общения и специфических черт познания и мышления, обусловленных различием средств их объективации.

В коллективной монографии, посвященной речевой деятельности, утверждается: «В сущности, речевая деятельность есть частный случай знаковой деятельности, как язык есть одна из знаковых систем; но важно подчеркнуть, что это не просто знаковая система *sui generis*, а первичная знаковая система. Точно так же речевая деятельность является основным видом знаковой деятельности, логически и генетически предшествуя остальным ее видам»⁴³.

Утверждение о логическом и генетическом предшествовании речевой деятельности другим видам знаковой деятельности не кажется достаточно обоснованным. При обсуждении проблем речи, речевой деятельности и т. п. нередко остается в тени тот факт, что речь современного человека стала такой, какова она есть сейчас, под мощным воздействием письма и книгопечатания, т. е. под воздействием коммуникации с помощью изображений. «...Главное в письменности, с лингвистической точки зрения, заклю-

чается в том, что язык благодаря письму подвергается существенному преобразованию. Как известно, письменная разновидность языка никогда не совпадает с обиходной устной, являясь по сравнению с ней более организованной, обработанной. Таково свойство письменных знаков, через которые язык воспринимается зрением и не зависит от индивидуальной памяти»⁴⁴.

Более того, хорошо известно, что письмо и книгопечатание оказались источниками коренных изменений не только самого языка, но и общества в целом. Говоря о становлении цивилизации, Ф. Энгельс писал, имея в виду предшествующую ей «высшую ступень варварства», что она «начинается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма и применения его для записывания словесного творчества»⁴⁵. Само осознание языка, его изучение и исследование стали возможными лишь после появления письма.

Хотя бесспорна существенная роль устной речи, трудно согласиться с представлением о монополии звучащего слова в становлении и развитии общества и мышления. Сторонники этой точки зрения часто говорят, что «только человек обладает даром речи»⁴⁶. Но ведь и даром изображать предметы с помощью рисунка и живописи обладает тоже только человек. Датский лингвист Л. Ельмслев, разделяя точку зрения Б. Рассела, утверждает: «Мы не располагаем фактами для решения вопроса о том, речь или письмо является более древней формой человеческого выражения»⁴⁷. Следует учесть, что Л. Ельмслев в работе «Язык и речь», развивая идеи Ф. де Соссюра, рассматривает язык как «схему», «как чистую форму, определяемую независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации...»⁴⁸. Введенное Ф. де Соссюром и широко распространенное в лингвистике понимание языка как знаковой системы, вообще говоря, не требует обязательного признания звуковой речи в качестве первичной генетически и наиболее фундаментальной «реализации» языка. Конечно, при этом само понятие языка приближается к понятию знаковой системы вообще.

Известный антрополог Дж. Д. Кларк, описывая образ жизни австралопитековых, отмечает, что «успешная организация охоты не требовала обязательного применения каких-либо сложных коммуникационных систем или существования речи»⁴⁹. Эту же мысль он повторяет и по отношению к более поздним предкам человека⁵⁰. И лишь когда речь идет о *Homo sapiens*, он, указывая на «развитие знаний в области техники и искусства, в области украше-

ний, живописи, наскальных изображений и музыки, развитие эстетических критериев и эстетических норм», делает вывод: «...не приходится сомневаться в обусловленности всех успехов Homo sapiens способностью говорить и обладанием полностью развитой системой языкового общения»⁵¹. Как видно, вывод о наличии прямо не фиксируемой «полностью развитой системы языкового общения» делается на основании существования техники, украшений, живописи, наскальных изображений, которые сами по себе являются средствами коммуникации и наличие которых фиксируется непосредственно археологическими данными.

Существуют, на наш взгляд, достаточно веские основания считать, что звуковая речь была не единственным и, может быть, даже не главным средством «знакового обеспечения» мышления человека и коммуникационных процессов в обществе на первых этапах его развития⁵². Остановимся кратко на соображениях, подтверждающих этот взгляд.

Возникновение речи связано с формированием специального органа продуцирования членораздельных звуков — гортани и соответствующим развитием органов слуха. Эти органы сформировались в основном под действием биологических закономерностей. Знак же, как считает большинство исследователей, — явление социальное. Поэтому в принципе переход к употреблению знаков не требует биологической перестройки организма и не ведет к таковой. Отсюда вытекает, что само по себе изменение каких-либо органов (в данном случае гортани) нельзя однозначно связывать с уровнем развития и особенностями членораздельной речи на данном этапе. Эволюционное совершенствование гортани является необходимым, но недостаточным условием для становления языка (устной речи).

Необходимо соотнести приведенные положения с известными высказываниями Ф. Энгельса по этой проблеме. Обсуждая вопрос о возникновении языка, он отмечал: «Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим»⁵³. Это «создание» нельзя, по видимому, понимать как биологическое возникновение нового органа — речь идет о становлении социальной формы общения на базе сформировавшихся в ходе биологиче-

ской эволюции органов. Имеющаяся гортань «преобразовывалась», органы рта «научались» произносить членораздельные звуки — это характеристики скорее не биологического, а социального процесса. При этом, разумеется, следует учитывать, что Ф. Энгельс опирался на данные науки своего времени.

Если согласиться с утверждениями о приоритете звуковой речи, тогда надо как-то объяснить, по каким причинам социальное развитие опиралось на ограниченную по своим возможностям систему получения и переработки информации, не используя гораздо более мощную. Дело в том, что если обратиться, так сказать, к техническим характеристикам звукового (слухового) канала связи — его пропускной и разрешающей способности в сопоставлении со зрительным каналом, то выясняется, что «зрительная система доставляет человеку до 90% всей принимаемой им информации»⁵⁴. Естественно, что на долю слухового канала приходится в 10—15 раз меньше. Это колоссальное преимущество зрительного канала опирается на структурную организацию системы приема и переработки зрительной информации: «...два глаза человека собирают информацию о зрительном окружении с помощью примерно 250 миллионов рецепторов и посылают ее в мозг примерно по 1,6 миллиона нервных волокон». Система восприятия звуков имеет соответственно приблизительно 25 тыс. рецепторов, а слуховой нерв насчитывает около 30 тыс. волокон⁵⁵.

Звуковой (слуховой) канал коммуникации мог действовать только в момент функционирования звукопроизводящих органов и сообщения не могли сохраняться во времени. Но для складывающейся социальной общности сохранение информации было жизненно необходимым, ибо от этого зависела ее целостность. К тому же на первых этапах развития человеческого общества звуки, по-видимому, в значительной мере выполняли сигнальную функцию, унаследованную от животных предков человека. Поскольку такая функция сохранилась и в современном языке, можно без особого риска предположить, что на первоначальном этапе развития языка ее удельный вес был значительно бóльшим.

Поэтому «информационное обеспечение» первобытной общины неизбежно должно было строиться с использованием всех возможных каналов коммуникации. Помимо хорошо известного факта высокого уровня развития изобразительной деятельности в палеолите имеются этнографические материалы, демонстрирующие непосредственное ис-

пользование изобразительных средств в повседневном общении. Уникальные в этом отношении явления открыло изучение образа жизни коренного населения Австралии. Населяющие пятый континент племена, как выяснилось, очень широко используют изображение как средство коммуникации. Одна из наиболее развитых систем такого рода была подробно исследована американо-австралийской научной экспедицией в 1948 г. у аборигенов острова Грот-Эйландт⁵⁶. Многие особенности рисунков, которые делают коренные жители острова, подтверждают, что они могут быть отнесены к изобразительным системам коммуникации.

«Оригинальное искусство аборигенов Австралии, — пишет Ч. П. Маунтфорд, — представлено абстрактными геометрическими рисунками, которые невозможно интерпретировать без помощи художников, которые их создали. Эти формы распространены на большей части континента»⁵⁷. Рисунки выполняются преимущественно на высушенной коре эвкалипта минеральными красками, которые растирают на камнях до пастообразного состояния. Изображаются люди, животные, острова, деревья, ветры, охота, ритуальные танцы, созвездия, планеты, история перехода племени с материка на остров и многое другое. Главная особенность этих рисунков не в том, что изображается, а в том, как изображается. Рисунки выполнены в так называемом «рентгеновском стиле»⁵⁸. Определение удачно схватывает сущность таких рисунков. Дело не только во внешнем сходстве с рентгенограммой (светлые линии рисунка на темном фоне), но и в том, что рисунки, подобно рентгену, высвечивают, изображают внутреннюю, скрытую от непосредственного взора структуру вещи. В качестве примера автор указанной статьи рассматривает изображение улья диких пчел. «С европейской точки зрения, — пишет М. И. Лекомцева, — это план улья в разрезе, к которому добавлены изображения пчел, влетающих и вылетающих из него, пчел-деток, выводящихся в следующем отсеке, и меда, находящегося в самом низу улья»⁵⁹. Надо отметить, что тот же пчелиный улей (как и многие другие предметы) изображается одинаково и на острове, и на материке, где живут другие племена⁶⁰.

«Австралийский художник берет из многообразной действительности то, что жизненно важно для него, для прошлых и грядущих поколений. Если это животное, он стремится выразить в рисунке все самое существенное в нем — не только его внешний вид, но и его внутреннюю структуру в той мере, конечно, в какой она ему известна»⁶¹.

С помощью таких изображений человек проникает в сущность вещи, схватывает и опредмечивает ее внутреннюю, скрытую от непосредственного восприятия структуру. Знание этой внутренней структуры есть показатель овладения вещью, обнаружения ее свойств и связей, наконец, есть определение предмета, в которое входит практика использования данного предмета в деятельности человека. Именно практика позволила раскрыть устройство улья и других изображаемых предметов. Поскольку информация об этом оказывается социально значимой, обеспечивающей дальнейшее использование ульев для практических целей, она закрепляется в графическом изображении.

Автор указанной статьи, как и большинство исследователей, относит рисунки аборигенов Гроуте-Эйланда к искусству. Такая позиция объясняется, по-видимому, традицией и внешним сходством способов и продуктов деятельности с искусством. Вполне очевидно, однако, что речь идет не об особой разновидности искусства, а о средстве коммуникации, позволяющем воспроизводить практические производственные ситуации и различные технические знания—ловлю рыбы, устройство судна, структуру муравейника, хлебные деревья и т. п. Конечно, эти же средства используются и для передачи мифологического содержания. Но ведь никто не утверждает об устной речи, что она возникла из потребности к мифотворчеству, хотя мифологические сюжеты излагаются с ее помощью⁶². По поводу изображений часто говорят именно так, заранее предполагая, что любой рисунок, попавший в поле зрения этнографа, есть произведение искусства. На самом деле и графические средства сохранения и передачи информации, и устная речь возникли из производственной необходимости, как средство ее регулирования, как средство общения, включая, разумеется, и такие его формы, которые могут быть отнесены к искусству.

Не выдерживает критики и распространенный среди западных философов и этнографов взгляд на такие изображения исключительно как на символические конструкции, выражающие некие отвлеченные идеи. Рассматривая рисунок или чертеж автомашины или холодильника, мы, конечно, менее всего воспринимаем его как некий отвлеченный символ. Для нас это изображение вполне реального и хорошо известного предмета. Почему же в изображении улья или лодки надо обязательно видеть символ, обозначающий какое-то отвлеченное понятие?

О том, что изображения, о которых идет речь, являются скорее не произведениями искусства, а средством

практической, повседневной коммуникации, свидетельствует характер деятельности по их производству. «Я не встретил, — пишет Ч. П. Маунтфорд, — ни одного аборигена, который бы не мог или не желал рисовать. Несомненно, что не существовало никакого особого класса художников»⁶³. Он отмечает также поразившую его особенность изобразительной деятельности аборигенов: «Наблюдая этих людей (имеются в виду четыре постоянных информатора. — В. К.) и других за работой, я был поражен их безошибочностью. Они, казалось, полностью представляли себе картину в сознании, прежде чем начинали рисовать; редко случалось, чтобы художник исправлял рисунок...»⁶⁴ Не влияют на процесс изображения и перерывы в рисовании, например, пока сохнет краска.

Совершенно очевидно, на наш взгляд, что это не «рисование» в смысле создания произведения искусства, которое всегда уникально, а продуцирование сообщения с помощью привычных и общеупотребительных средств. Именно такие особенности мы наблюдаем при продуцировании сообщения с помощью привычной для нас устной речи — мы говорим «без запинки», т. е. автоматически «выдаем» слова и предложения, редко «исправляем» произнесенное и можем возвращаться к предмету разговора после перерыва.

Отмеченные исследователями другие особенности изобразительной деятельности аборигенов Гроуте-Эйланда подтверждают, что создаваемые ими рисунки — это прежде всего средство коммуникации, аналогичное по многим (но не по всем!) параметрам другому широко распространенному средству — устной речи. Как пишет М. И. Леконцева, «эта знаковая система у них (аборигенов. — В. К.) разработана до высокой степени сложности. Сложность системы предполагает длительность обучения ей — это не то, что можно понимать «просто так»... Изобразительные знаки аборигенов Грут-Айланда также автоматизированы в том смысле, что понимание их значения происходит автоматически (в то время как для нас это часто вопрос дешифровки), точно так же как и новое употребление этих знаков»⁶⁵.

Все эти черты знакомы нам по отношению к устной речи, которая, как известно, достаточно сложна для усвоения и потому предполагает обучение, но после обучения понимание высказываний происходит автоматически, так же как и употребление слов для обозначения новых предметов и т. д.

Заключительный вывод М. И. Лекомцевой таков: «...изобразительное искусство аборигенов Грут-Айленда, будучи как семиотическая система ближе всего к естественному языку, оказывается вместе с тем самостоятельной»⁶⁶. Если помнить о значительной степени произвольности отнесения этого феномена к искусству, вывод этот подтверждает мысль о существовании автономной коммуникативной системы изобразительного характера.

Изобразительные системы, подобные описанной, служили, как и звуковая речь, средством общения. В отличие от звуковой речи, которая обеспечивала оперативное ситуационное общение, изображения служили эффективным средством длительного хранения информации, необходимой для поддержания нормальной жизнедеятельности коллектива, были основой социальной памяти племени. С их помощью хранилась информация о природных (например, «разрез» улья диких пчел), социальных (например, история племени), технических (например, устройство лодки) явлениях и процессах. Кажется вполне вероятным, что изображения были также главной опорой для усвоения подрастающим поколением традиций, навыков и умений, необходимых для воспроизводства социальных отношений.

Целостность любого человеческого коллектива основывается прежде всего на совместной трудовой деятельности составляющих его индивидов. Она предполагает наличие, управления, которое в свою очередь реализуется путем обмена соответствующей информацией между разными по уровню компонентами системы. Поэтому большой интерес представляет исследование конкретных функций наиболее важных из носителей информации в обществе — звуковой речи и изображения — в управлении производством материальных благ, особенно функции непосредственного управления технологическим процессом. Можно высказать предположение, что, хотя устная речь и играет определенную роль на конкретном уровне производства материальных благ, производство может обходиться без нее. Фактически так и бывает в отраслях, где общение с помощью устной речи затруднено, например, из-за шума или больших расстояний.

Но общение, коммуникация, разумеется, совершенно необходимы для любого производства, и, чем оно сложнее, чем более дифференцированы трудовые процессы, тем более надежным оно должно быть. И конечно, такая коммуникация всегда наличествует в производственных процессах, но носит она преимущественно не вербальный, а

изобразительный характер. Чертежи, графики, схемы, таблицы и т. п. позволяют с любой степенью точности зафиксировать технологические параметры производственных процессов. Эти средства легко доступны для восприятия и могут «выдавать» огромное количество информации в короткие промежутки времени, дают возможность получить информацию практически неограниченное число раз и многим людям одновременно. Они отображают пространственные, количественные и качественные параметры производства продукта, необходимого оборудования, инструментов, вообще практически всю необходимую технологическую информацию. Разнообразные индикаторы — стрелочные приборы, самописцы, экраны видеоустройств — с помощью изображений разного рода показывают динамику протекания того или иного производственного процесса и позволяют оперативно контролировать его ход.

На кардинальное различие устной и письменной речи с точки зрения осмысленности порождения высказываний обращал внимание советский лингвист Л. В. Щерба в работе «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». «Совершенно очевидно, — писал он, — что хотя при процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про все нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова, хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, во всяком случае не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые»⁶⁷.

Л. В. Щерба подчеркивает стихийность генерирования слов и высказываний в устной речи. В продуцировании, лучше сказать, в производстве изображений (термин «продуцирование» как раз больше подходит к устной речи) противоположный принцип — целенаправленность всех действий по его созданию — характерная черта процессов материального производства. «Случаи сознательного «выдумывания» слов довольно редки вообще, сознательное же группирование слов свойственно лишь письменной речи, которая все же в целом строится тоже автоматически. Сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю»⁶⁸. Дальнейшее развитие этой мысли: «...можно произвольно сочетать слова и, сис-

тематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. д., наблюдать получающиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем»⁶⁹. Это, вероятно, надо понимать так, что эксперимент в работе с языком возможен лишь на базе письма, поскольку речь уже сразу, в том виде, в котором она получилась, доходит до адресата.

«Наша устная речевая деятельность, — продолжает Л. В. Щерба, — на самом деле грешит многочисленными отступлениями от нормы. Если бы ее записать механическими приборами во всей ее неприкосновенности, как это скоро можно будет сделать, мы были бы поражены той массой ошибок в фонетике, морфологии, синтаксисе словаре, которые мы делаем»⁷⁰. Устная речь очень неустойчива, перегружена неточностями, искажениями и т. п. Норма же сохраняется в литературном, т. е. письменном, языке.

Особенности, которые анализирует Л. В. Щерба, — это такие свойства устной речи (порождение, или, лучше сказать, изобретение новых слов, грамматических форм, целых высказываний), которые очень важны в период становления языка и в процессе его развития, а также в процессе научного и художественного освоения и познания мира. Вместе с тем они же мешают стабилизации, кристаллизации языка, затрудняя тем самым познание и освоение мира. Письмо обладает противоположными свойствами. Оно фиксирует лексику языка, его грамматические формы, уменьшает возможность их стихийных изменений, усиливает преемственность между поколениями людей, делает более доступным опыт прошлого.

Взаимодействие письменного текста (имеются в виду языки с алфавитной системой письма) и устной речи в разные периоды их сосуществования складывалось по-разному. Очень показательное развитие этого взаимодействия и отношение к нему лингвистов в нашей стране. Когда число людей, умевших писать, читать и, следовательно, мыслить в рамках «письменной культуры», было небольшим по отношению к массе населения, владевшей лишь устной речью, их отличия фиксировались как норма и просторечие, язык грамотных и неграмотных и т. п. Причем в этом противопоставлении существенную роль играли моменты социальных различий, и поэтому особенности самого «языкового мышления», т. е. особенности мышления, обусловленные различием устной речи и письменного текста как его средств, оставались в тени. И лишь после того, как грамотность стала всеобщей, обнаружилось существенное различие между устной речью и письменным

текстом по всем параметрам: словообразованию, морфологии, синтаксису. Это различие проявилось в раздвоении самой устной речи на речь, воспроизводящую непосредственно письменный текст (или построенную по его нормам), и на речь обычного повседневного общения, построенную по резко отличающимся нормам. Лингвисты зафиксировали этот факт в 60-х годах ⁷¹.

Таким образом, предвидение Л. В. Щербы о существенном отличии зафиксированной «во всей ее неприкосновенности» устной речи от письменной, высказанное в 30-х годах, не только блестяще подтвердилось, но и привело к «открытию» разговорной речи, которую лингвисты называют «вторым языком». Ф. П. Филин отмечает, что «в наше время наряду с письменной разновидностью имеется и устная разновидность литературного языка» ⁷².

За этим явлением, на наш взгляд, лежит существенное различие между строем мышления, средством которого служит изображение, и строем мышления, сложившимся на базе устной речи. Письменный текст — это изображение, хотя и специфическое, предназначенное для передачи речи. Письменный текст, как уже упоминалось, никогда не был простой фиксацией устной речи. При построении письменного высказывания существенную роль играют закономерности мышления, связанные с орудийной деятельностью, ибо, подчеркнем еще раз, создание, или, лучше сказать, производство изображений — это орудийная деятельность. Именно особенности орудийной деятельности и определяют многие отличия письменного текста от устной речи. Отличия эти, по-видимому, настолько глубоки, что воспроизводятся на разных исторических этапах развития устной речи, письма и культуры в целом.

Что же касается самого этнического языка, то здесь воздействие письма, точнее, взаимодействие устной и письменной речи приводит к очень существенным результатам. «Влияние письменного языка через школу на устный, — пишет Ю. В. Рождественский, — приводит к тому, что меняется состав и строение устного языка. Устный язык теперь включает в себя элементы нового знания и внутренне расчленяется» ⁷³. Неясно, могла бы только устная речь обеспечить тот поразительный взлет познания, который совершился на базе соединения устной речи и изображения. Вряд ли это стало бы возможным без той опоры, которую мышление получило в письме.

Скачок, который происходит в мышлении при переходе от устной речи к письму (к изображению речи), мы наблюдаем, когда люди учатся читать и писать (дети или

взрослые в школе). Человека, достигшего такого этапа в своем развитии, называют грамотным, понимая под этим не только владение соответствующими навыками, но и более высокий уровень мышления вообще. Общий характер изменений, происходящих в познающем мышлении человека под влиянием письма, можно определить как диалектическое соединение вербально-дискурсивного и модельно-изобразительного мышления в одну целостную систему.

Изображение и речь как средства закрепления социально значимой информации

Уяснение роли устной речи и изобразительной деятельности человека в становлении и развитии общества делает необходимым воспроизведение основных моментов их происхождения. Такая задача требует обращения к результатам, добытым археологией, этнографией, антропологией, лингвистикой и другими науками, исследующими процесс становления общества и человека⁷⁴. Каковы же эти результаты?

Ю. И. Ефимов, анализируя методологическую ситуацию в исследованиях этапов становления человека и общества, пишет: «Приходится, однако, констатировать, что антропогенетические теории в их современном облике пока еще по большей части сохраняют уровень описательной, феноменологической методологии, лишь время от времени переоснащаясь за счет новых данных, поставляемых антропологией, археологией, физиологией высшей нервной деятельности и другими специальными дисциплинами. Логика эмпиризма как вообще в современном человекознании, так и в науке о происхождении человека и общества оказалась еще далеко не изжитой. Известно, что исходным методологическим приемом эмпиризма является расчленение объекта, фиксация в познании уже сложившейся структуры, отвлечение от генезиса предмета, описание его поверхностных и внешних связей. В результате всего этого предмет отражается односторонне, абстрактно»⁷⁵.

Хотя господство эмпирической методологии в этой сфере научных исследований в действительности не выглядит столь подавляющим, все-таки известные основания для подобной оценки существуют. Большую роль здесь играют, по-видимому, ограниченное количество фактического материала, в силу чего он приобретает самодовлеющее значение, чрезвычайная трудность его интерпретации, необходимость экстраполировать полученные при анализе

весьма ограниченного числа фактов выводы на десятки и сотни тысяч лет. Последнее осложняется большим числом и многообразием возможных линий и вариантов развития, существенно превышающим таковое для систем органической и тем более неорганической природы. К тому же в истории, скажем в археологии, осталось, наверное, гораздо больше неверных выводов, неоправдавшихся гипотез, сомнительных интерпретаций (и даже подделок), чем в других науках.

Все это неизбежно вызывает повышенную (и часто оправданную) требовательность к «чистоте» фактического материала, известное недоверие к обобщениям и гипотезам, стремление «держаться фактов». Но, как хорошо известно, сами по себе факты немые, пока они не освещены светом теории или ее прообраза — гипотезы. Современный период в исследованиях антропосоциогенеза характерен поисками широких обобщающих концепций.

Обращение к материалам, включенным в орбиту исследований археологов, антропологов, лингвистов, искусствоведов, ни в коей мере не следует рассматривать как попытку анализа и какого-то нового решения интересующих их проблем (например, о временных границах стадий развития речи или хронологии отдельных видов изображений и т. п.). Задача наша принципиально иная: опираясь на известные факты, проанализировать гносеологическую природу указанных явлений, их роль в развитии общения и познания. Обсуждение, таким образом, ведется в рамках философской проблематики, а отнюдь не археологической или, скажем, искусствоведческой.

В интересующей нас проблеме соотношения устной речи, изображения и других средств коммуникации в период формирования *Homo sapiens* можно отметить целый ряд научных построений, охватывающих отдельные стороны сложного комплекса социальных и биологических связей, специфичных для этого периода. Имеются обстоятельные исследования, посвященные происхождению и формированию устной речи. В работах В. В. Бунака, А. А. Лешонтьева, Б. Ф. Поршнева, А. Г. Спиркина, Ф. Кликса и ряда других авторов рассматривается возникновение членораздельной речи из звуковой сигнализации предков человека, роль речи в общении и становлении сознания, соотношение языка и мышления и другие проблемы.

Имеются также исследования палеолитической живописи, различных скульптурных и графических изображений, широко распространенных в первобытных человеческих коллективах. Эти проблемы обсуждаются, в частно-

сти, в работах советских исследователей З. А. Абрамовой, О. Н. Бадера, Г. П. Григорьева, А. С. Гущина, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнииа, В. В. Иванова, С. В. Иванова, В. Р. Кабо, В. Е. Ларичева, Ю. К. Лекомцева, А. П. Окладникова, Я. Я. Рогинского, Д. М. Сегала, А. Д. Столяра, В. Н. Топорова, А. А. Формозова и других. Из зарубежных исследователей можно назвать Ф. Боаса, А. Брейля, А. Валлона, А. Леруа-Гурана, А. Лота.

В некоторых работах специально исследуется роль образительных средств в формировании сознания⁷⁶.

Когда говорят о фундаментальной роли языка в становлении и функционировании общества и сознания человека, обычно имеют в виду этнический (национальный) язык прежде всего в форме звуковой речи⁷⁷.

Не выходя за привычные для многих буржуазных философов рамки, исключаящие из анализа практически преобразующую деятельность человека, американская исследовательница С. К. Лангер пишет: «Ни более высокая чувствительность, ни более долговременная память, ни даже быстрота психических ассоциаций не могли поставить человека так высоко над другими животными, что он стал воспринимать их как обитателей низшего мира, — нет, это была сила символов — сила речи, которая сделала его господином Земли»⁷⁸.

Проблема происхождения звуковой речи и ее связи с развитием мышления, пожалуй, наиболее обстоятельно в советской литературе разработана в трудах известного советского ученого В. В. Бунака. Практически все авторы, касающиеся этой проблемы, ссылаются на его гипотезу, подчеркивая при этом, что она опирается на конкретный археологический и палеоантропологический материал. Тем больший интерес представляют положения общетеоретического, философского характера, из которых она исходит.

Формулируя исходные положения, В. В. Бунак выделяет три типа умственной деятельности. «Первый, наименее сложный тип — «конкретные представления». Предметы и явления получают отражение в уме в виде одного доминирующего представления и немногих, с ним связанных. Доминирующим становится наиболее существенный элемент в данной ситуации, например в конкретном представлении о речном потоке — представление об утолении жажды или нахождении съедобного моллюска...

Второй тип — «комплексы неразрывно связанных представлений». В одном умственном акте сочетаются представления $A_1, B_1, C_1...$ образующие неразрывную цепь, в

которой элемент A_1 не может быть заменен сходным элементом A_2 . Например, комплексное представление «камень» включает представления об определенных свойствах куска горной породы — его величине, форме, цвете, твердости, но не включает представления о других возможных свойствах, например, не круглой, а угловатой форме... Мы, — отмечает Бунак, — воспользуемся для обозначения умственной деятельности второго типа термином «общие представления»...

Третий тип — «понятия». Понятия определяют как обобщенное представление о классе предметов или действий или как представление о существенных свойствах определенного класса явлений...»⁷⁹.

Затем выделяются две стадии развития специфически человеческого интеллекта — стадия «слитных понятий» и стадия «расчлененных, но связанных понятий, или... синтагмов». В свою очередь первая стадия подразделяется на три фазы: «зачаточные понятия... малодетализованные представления с преобладанием эргативного элемента»; ««диффузные понятия»... с более дифференцированными представлениями о форме, размерах предметов» и «детализованные понятия»⁸⁰.

Как видно из этого краткого изложения, В. В. Бунак исходит из вполне определенного представления о характере мыслительных процессов и их дифференциации, которое формулируется на основе философских, психологических и логических концепций мыслительной деятельности и служит средством интерпретации фактического материала.

Отметим, что специфической чертой человеческого интеллекта, по мнению В. В. Бунака, оказываются связи формально-логического плана между разными типами понятий. Известно, однако, что формально-логические нормы охватывают лишь часть мыслительных процессов⁸¹.

Особый интерес представляет выявление генезиса механизмов мыслительной деятельности. «Связь представлений, объединяемых в понятия, — пишет В. В. Бунак, — осуществляется посредством особых голосодвигательных возбуждений... Речевые движения не только объединяют разрозненные представления в одно целое, но и передают сообщение о полученном результате окружающим... Апробация индивидуально выявленных связей представлений и дальнейшее превращение их в устойчивое понятие происходит в результате обмена звуковыми сообщениями и закрепления за одним из них определенного значения. Таким образом, коммуникативная функция речевой деятель-

ности не только открывает путь для планомерной координации действий коллектива, но и дополняет первую — интегративную, обеспечивая устойчивость возникающих понятий»⁸².

«Голосодвигательные возбуждения», таким образом играют роль механизма формирования понятий, первою функцией речи признается «интегративная», т. е. объединение представлений в понятие в сознании индивида. Коммуникативная функция оказывается вторичной. Сформированное в сознании индивида понятие с помощью речи передается другим и превращается в «устойчивое понятие» с закрепленным за ним определенным значением.

Говоря далее о стадиях развития речи и стадиях развития мышления, В. В. Бунак пишет: «Если стадия общими представлениями соответствует стадии лалий (переходная предречевая стадия. — В. К.), то стадии слитных понятий равнозначны с периодом изолированных речений, за которыми следовали стадии синтагматических слов и понятий. Парное сочетание слов переходило в тройное и более сложное. Связанные между собой слова становились предложениями, полными выражения мысли и ее логической структуры»⁸³.

Достоинство этой концепции — стремление рассматривать взаимодействие мышления и речи в развитии, дифференцировать стадии и фазы этого развития, и следовать связи между строением мозга и гортани, мыслительной и речевой деятельностью. Нельзя, однако, не отметить тенденцию к преувеличению роли мыслительных и речевых действий индивида, что выдвигает на первый план индивидуальные психические процессы и оставляет в тени социальную основу. Хотя трудовая деятельность становящегося человека рассматривается как основа развития речи и мышления, конкретный механизм их взаимодействия нуждается в дальнейшем исследовании⁸⁴.

Анализ имеющихся в литературе точек зрения показывает, что изобразительная деятельность в период становления человека в большинстве случаев рассматривалась лишь в рамках искусствоведческой проблематики (например, с точки зрения развития и смены стилей) и мало изучалась как автономное средство коммуникации и мышления. Таким средством, по мнению некоторых исследователей, являлась (и является сейчас) звуковая речь: «Язык возник, развился и укрепился как система устной коммуникации между людьми, как средство, дающее возможность говорить... Несмотря на колоссальное развитие письменности, язык и сегодня воспринимается нами как

речь и должен в целом рассматриваться как акустическое средство общения»⁸⁵.

Некоторые исследователи само наличие изображений трактуют как подтверждение существования речи. «Лишь овладев словом, люди открыли иные формы общения, используя не только возможности человеческой гортани, но и многообразные искусственные средства сигнализации, вплоть до различных способов письма и изобразительного искусства»⁸⁶. Но появление письма уже предполагает развитую способность изображения, которая не зависит непосредственно от речи. Тем более это верно в отношении изображений предметов.

Подобная трактовка оставляет открытым вопрос о взаимодействии различных систем коммуникации. Археологи находят огромное количество изображений — на скалах, в пещерах, на керамике, оружии и т. д. Любое изображение само по себе есть средство общения, средство сохранения информации. В то же время пока нет и в обозримом будущем не предвидится возможности восстановить звуки, произносимые нашими предками тысячи лет назад. И даже после появления письменности невозможно восстановить звучащую речь⁸⁷

По сути дела мы не знаем, как говорили древние греки или римляне и более близкие нам по времени люди, скажем XV—XVI и даже XIX веков, вплоть до появления звукозаписывающих аппаратов. Гипотезы о развитии средств коммуникации, познания и мышления, построенные на основе представления о доминирующей роли устной речи, не принимают во внимание непосредственно участвовавшие в процессе коммуникации изображения, служившие и служащие сейчас средствами познания и мышления.

При анализе взаимодействия и взаимообусловленности устной речи и мышления известную, а может быть, и решающую роль играет представление о некоей изначальной связи сознания и мышления человека с языком в форме устной речи. К такому представлению пришел, например, в результате детального исследования проблемы известный советский историк и философ Б. Ф. Поршнев, сформулировав его в следующих словах: «Не речь — орудие мышления (эта иллюзия долго мешала понять фундаментальное значение речи), но мышление — плод речи. Все высшие психические функции человека не гетерогенны, но гомогенны: они все — ветви и плоды одного дерева, ствол и корень которого — речь»⁸⁸.

Как известно, идея о производности мышления по отношению к речи развивалась известным советским психологом Л. С. Выготским⁸⁹. Правда, Выготский считал вполне вероятным существование «зрительной речи», подобной языку жестов глухонемых.

Можно высказать предположение, которое позволяет выявить существенные черты развития средств коммуникации в антропосоциогенезе и обусловленную этим развитием диалектику формирования мышления. В общей форме представление о предметности мышления, о его зависимости не только от материальной сферы жизни вообще, но и от тех материальных предметов — вещей, которые непосредственно связаны с мыслительными операциями, общепризнано. Но его конкретизация требует выявления специфического характера этих связей.

В. И. Ленин писал, что одна из основных особенностей диалектики — «раздвоение единого и познание противоречивых частей его...»⁹⁰. Следовательно, наше познание будет успешным, если мы сумеем обнаружить, открыть такие противоположные стороны в изучаемом явлении, противоречивые отношения которых являются источником его движения и развития. Если под этим углом зрения посмотреть на проблему генезиса средств хранения и передачи информации в обществе, то будет разумным предположить, что их развитие происходило в рамках противоречивого взаимодействия двух систем коммуникации — звуковой и изобразительной⁹¹. На разных этапах взаимодействия складывались неоднозначные ситуации. В одних случаях доминировала устная речь, в других — изображение. В процессе развития происходило не только взаимное отрицание, но и взаимное обогащение двух разных по своим функциональным и субстратным характеристикам типов знаковых систем.

Периодизация этапов такого взаимодействия, разумеется, может быть представлена здесь лишь в самых общих чертах. В первом и достаточно гипотетичном приближении можно выделить несколько важных узловых пунктов, наметить схематическую линию взаимодействия двух систем коммуникации в обществе. Такая периодизация отнюдь не претендует на полное совпадение с реальным процессом развития, особенно в плане точной хронологии.

В последние годы внимание исследователей, занимающихся проблемами возникновения систем коммуникации в обществе, вновь привлекает гипотеза о зрительно воспринимаемом языке жестов как исторически первичном звене этих систем⁹². Поэтому можно предположить на первых

этапах сосуществование двух находящихся на примитивном уровне систем — языка жестов и унаследованной от животных предков звуковой сигнализации. На этом этапе (продолжительном в историческом плане) две названные системы (и два способа) коммуникации развивались параллельно.

Решающее влияние на совершенствование средств коммуникации оказывала трудовая деятельность. Особую роль при этом играли орудия труда. Помимо своей непосредственной функции они служили также средством сохранения и передачи социально важной информации о технологических параметрах производственного процесса. Такую информационную функцию имеют не только орудия труда, но вообще все предметы, подвергнутые обработке, — жилье, одежда, посуда и т. д.

По мере усложнения производственной деятельности происходило совершенствование этих систем. Зрительно воспринимаемые жесты подготовили почву для перехода к изображению (рисунку, скульптуре) объектов внешнего мира, звуковые средства развивались в направлении к членораздельной речи. Это развитие, конечно, нельзя представлять в виде плавной эволюции.

У нас нет прямых данных о характере взаимодействия средств общения в начальный период становления человеческого общества. Если обратиться к эпохе появления *Homo sapiens* и последующим этапам, то первые данные, на которые можно опереться, относятся к началу верхнего палеолита, когда стала быстро прогрессировать изобразительная деятельность. Это определенно говорит о доминировании в ту эпоху изобразительных средств коммуникации, в частности палеолитической живописи (а также скульптуры, особенно малых форм, различных знаков, обозначающих, по мнению некоторых исследователей, числа, орнамента и т. п.)⁹³. Палеолитическая живопись достигла своего наивысшего расцвета 10—12 тысяч лет назад.

Начало следующего этапа характеризуется резким исчезновением, распадом палеолитической живописи, на смену которой через какой-то промежуток времени пришли примитивные схематизированные изображения. Можно предположить, что это было началом периода доминирования устной речи, связанного с новой перестройкой материального производства и социальных отношений первобытной общины⁹⁴. Возможно, именно тогда появилась по настоящему членораздельная речь и начали формироваться понятия⁹⁵. На этот период прямые данные есть лишь об одной системе коммуникации — изобразительной, вос-

становить же характер речевого общения можно лишь по косвенным данным.

Разрешение противоречия между возросшими потребностями общения и имеющимися средствами хранения и передачи информации произошло путем синтеза устной речи и изображения — появились изображения, передающие не предметный мир, а речь. Сначала идеография, возникшая из пиктографии, затем слоговое и, наконец, алфавитно-звуковое письмо позволили передавать содержание речевых комплексов — изображать звуки речи. Такое взаимодействие устной речи и изображения привело к быстрому прогрессу языка.

Эти тенденции продолжали развиваться и привели в конце концов к появлению школы как специализированного института, обеспечивающего обучение письму (и счету), и затем, в более позднее время, книгопечатания, оказавшего колоссальное воздействие на все стороны жизни общества.

Социальная память: система хранения и преобразования информации в обществе

Из предшествующего изложения видно, что исследование того комплекса информационных связей, который охватывается понятием социальной памяти, ставит целый ряд задач: вычленение определенной сферы действительности (в нашем случае социальной); формулирование теоретических положений, объясняющих закономерности функционирования данного социального образования; выявление структуры этого комплекса информационных связей; анализ взаимодействия с другими сторонами жизни общества; изучение развития исторических форм исследуемой системы.

Естественно, что разные задачи определяли и различные подходы к проблеме. Прежде всего это стремление обнаружить и объяснить эмпирические проявления социальной памяти. В. А. Ребрин дает такое ее определение: «Социальная память — это осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире. Хранящиеся в книгах и в других средствах социальной памяти»

ти сведения тем или иным путем выдаются для «переписывания» в память индивидов и, следовательно, для использования людьми в их разнообразной деятельности. Эта память — неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания»⁹⁶.

Отметим важные для дальнейшего изложения особенности воспроизведенного выше понимания и определения социальной памяти. В нем выделены функции, средства и содержание социальной памяти. Функция — это фиксация, систематизация, хранение и выдача сведений. К средствам «фиксирования, хранения, передачи, распространения тех или иных знаний... несомненно относятся произведения литературы и искусства, памятники духовной культуры, в которых «материализуется», опредмечивается и передается от одного поколения к другому общественное сознание». Все это составляет «предметный аппарат отражения» общественного сознания. Содержание социальной памяти — это «теоретически обобщенный коллективный опыт человечества», результаты деятельности в сфере науки, философии, искусства — «знания и образные представления о мире»⁹⁷.

Реальное содержание социальной памяти включает не только указанные компоненты (которые составляют ее теоретическое ядро), но также и информацию, которая зафиксирована в предметах материальной культуры, в сложившихся социальных отношениях, в практических нормах поведения, навыках трудовой деятельности и в других воспроизводимых с помощью традиции социальных связях и структурах.

Такая прямо невоспринимаемая информация оказывает на человека воздействие, степень которого трудно измерить, но влияние которого на мировосприятие личности неоспоримо. «Неявная» информация связана с носителями «явной» информации — миром культуры в целом и в особенности со знаковыми системами. Одни и те же изображения (картины, скульптуры, тексты) «прочитываются» неодинаково в разные исторические эпохи. Объем получаемой при восприятии текста или изображения информации зависит также от уровня усвоения культуры. Поэтому информация, «недоступная» для одного человека, оказывается доступной другому.

В связи с изложенным очевидна необходимость комплексного анализа функций и структуры социальной памяти, средств и способов (методов) хранения и переработки информации. Выяснение исторических форм существования средств и способов ее хранения и переработки состав-

ляет одну из важнейших задач исследования социальной памяти.

Проблемам социальной памяти посвящены многие работы Я. К. Ребана, одним из первых в нашей стране начавшего исследования в этой области⁹⁸. Он ставит задачу «показать, что функционирующие в человеческом обществе механизмы информации образуют своеобразную «социальную память» — хранилище прошлого опыта, являющегося базой формирования индивидуальных сознаний и дальнейшего развития познания»⁹⁹. Важнейший исходный пункт — положение о невозможности существования знаний «в чистом виде». Знания «должны опредмечиваться»¹⁰⁰. Социальная память, по мнению Я. К. Ребана, — «это своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания. Социальная память охватывает значительно большую сферу, чем сфера передаваемых из поколения в поколение знаний, навыков, умений»¹⁰¹.

Содержание социальной памяти, согласно Я. К. Ребана, составляют: «1) Накопленные знания. 2) Логическая структура мышления, понимаемая в широком смысле (включая мыслительные операции, категориальную структуру, математический аппарат и т. д.)... 3) Формы общественного сознания. 4) Социальные ценности»¹⁰². Существенна здесь связь социальной памяти с «логической структурой мышления». Ее важнейший компонент — «категориальная структура», или «категориальный строй мышления», который «не может быть отождествлен ни с грамматическим, ни с семантическим строем языка, а как бы стоит «за языком» в качестве понятийного инварианта»¹⁰³.

При этом Я. К. Ребана рассматривает социальную память как определенный социальный институт, в котором реализуется информационное обеспечение общества. Социальную память он исследует не только на уровне содержания и функций, но и фиксирует ее структуру и способы переработки информации, отмечая важное значение для понимания этих сторон социальной памяти представления о «категориальном строе мышления». Это открывает возможность выдвижения гипотез о структурах социальной памяти на разных этапах исторического развития в их сопоставлении с фактами из истории науки и культуры в целом. Именно исследование изменения, развития, переходов одной исторической формы социальной памяти в дру-

гую и позволяет выявить ее специфические особенности, обнаружить источники развития, конкретизировать ее роль в жизни общества.

Я. К. Ребане отмечает, что на основе совокупности систем информации 1) формируется психика и сознание человека как исторически-конкретного социального существа; 2) осуществляется исторически развивающийся процесс человеческого, т. е. общественного, познания¹⁰⁴. Действительно, обмен информацией — необходимое условие осуществления процессов, протекающих в обществе. Он базируется на универсальной информационной системе, охватывающей важнейшие стороны общественной жизни, — социальной памяти.

Я. К. Ребане выделяет «три большие группы носителей социальной памяти: 1) орудия производства и овеществленные результаты труда, часто обобщаемые в понятиях «материальная культура» и «вторая природа»; 2) объективные социальные отношения, базирующиеся, в конечном счете, на производственных отношениях; 3) язык в широком смысле, т. е. «естественные» языки, их различные технические видоизменения, а также внеязыковые семиотические средства»¹⁰⁵. Формирование сознания и процесс познания реализуются на основе этих материальных носителей информации.

В одной из последних работ Я. К. Ребане исследует социальную память в ином плане. Он предлагает использовать понятие социальной памяти «как определенный вспомогательный философско-методологический принцип», как схему для анализа человеческого познания в целом, как определенный эвристический принцип¹⁰⁶. Использование принципа социальной памяти, по его мнению, будет способствовать комплексному, интегративному подходу к исследованию социальной детерминации познания.

При обсуждении проблем социальной памяти возникает вопрос о статусе этого понятия: является ли оно принципом, философской категорией, общенаучным или частонаучным понятием? В качестве принципа обычно выступает философская категория, выполняющая интегрирующую функцию по отношению к другим категориям и законам. «В логическом смысле принцип есть центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован»¹⁰⁷. Вероятно, подобная трактовка понятия социальной памяти шире сферы его реального применения.

Философские категории, как известно, обладают ярко

выраженной диалектичностью. «Сосуществование двух взаимно-противоречащих сторон, — отмечается в «Нищете философии», — их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения»¹⁰⁸. Философская категория — это «категория, полагающая себя и противопологающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы...»¹⁰⁹.

Речь идет в данном случае не о той сфере социальной реальности, которая охватывается понятием «социальная память» (наличие диалектических противоречий в ней вряд ли нуждается в доказательстве), а о том, схвачены ли, зафиксированы ли эти противоречия в понятии «социальная память» на сегодняшнем этапе развития его содержания. Анализ имеющейся литературы показывает, что на данном уровне применения этого понятия и исследования его методологических и эвристических возможностей такое утверждение будет преждевременным.

Если иметь в виду степень общности и сферу применения понятия «социальная память», то, по всей вероятности, его следует отнести к числу общенаучных понятий¹¹⁰. «В последние годы, — пишет В. С. Готт, — советские философы показали, что в понятийном аппарате науки идет становление новой понятийно-логической формы мышления, так называемые общенаучные понятия. Общенаучные понятия образуют специфически-интегративный по характеру общности уровень концептуального отражения действительности. Им присущи как некоторые свойства, характерные для философских категорий, так и для частнонаучных понятий...»¹¹¹ С философскими категориями эти понятия сближает гносеологическая и методологическая значимость, интегративная функция по отношению к частнонаучному знанию, широта применения. Скажем, понятие социальной памяти тесно связано с такими философскими категориями, как отражение, общественное и индивидуальное сознание, познание, истина и т. д. В то же время понятие «социальная память» и близкие по значению понятия «историческая память», «внешняя память», «память мира» и другие, о которых говорилось выше, широко используются в исторических, лингвистических, социологических исследованиях и теориях. Общенаучные понятия приобретают «первостепенное значение в научном познании и оказывают существенное влияние на развитие философии. Общенаучные категориальные структуры играют заметную роль в процессах интеграции научного знания. Мы имеем в виду комплекс весьма широких понятий, сформировавшихся главным образом на основе интенсивного развития

теории информации, кибернетики, семиотики, системных и структуральных исследований»¹¹².

Судьбу общенаучных понятий можно проиллюстрировать на примере понятия системы. Системный подход, в котором это понятие является центральным, формировался в начале своего пути (несколько десятилетий назад) именно как междисциплинарный, общенаучный, единый подход к проблемам некоторых наук, прежде всего биологии, социологии, психологии¹¹³. В соответствии с этим и самому понятию системы приписывается междисциплинарный, общенаучный статус. На современном этапе развития понятие системы, по мнению ряда авторов, вышло далеко за рамки междисциплинарного употребления, существенно обогатило свое содержание и превратилось в философскую категорию. Это обстоятельство кажется совершенно очевидным А. Н. Аверьянову, вынесшему утверждение о принадлежности понятия системы к разряду философских категорий в название своей работы¹¹⁴. Он пишет: «...в процессе системных исследований... обнаружили закономерности и оформились понятия, которые выходят по своей общности за рамки специальных дисциплин. Они утрачивают свой первоначальный смысл в какой-то узкой части конкретного знания и начинают отражать явления или процессы, присущие материи в целом, иначе говоря, становятся философскими категориями»¹¹⁵.

Описывая современный уровень научного исследования, В. П. Кузьмин указывает, что «анализ сложных явлений... опирается на структурный, вероятностный, функциональный и системный анализ... В связи с этим вокруг «классической» системы категорий материалистической диалектики вырастает обширный новый слой методологических понятий, без которых сегодня уже наука обходиться не может. Большинство этих понятий не имеет родового (категориального) статуса всеобщности, но заключает в себе мощь породивших их методов научного познания»¹¹⁶.

В нашу задачу не входит детальное воспроизведение и анализ дискуссий вокруг понятия системы и системного подхода. Вопрос об отнесении того или иного понятия к совокупности категорий диалектического и исторического материализма затрагивает самые коренные философские проблемы, в частности проблему предмета философии, основания построения системы категорий и т. д.

Нельзя не согласиться с А. Н. Аверьяновым, когда он говорит о необходимости «включения новых понятий в арсенал марксистской философии», замечая, что при этом

«нужна определенная осторожность, тщательный и всесторонний анализ сути нового закона или понятия»¹¹⁷.

Хорошо известно, что любое понятие, отражающее те или иные социальные реальности, способно выступать в методологической функции. Однако его методологическое значение существенно зависит от степени концептуальной, содержательной «насыщенности». Разработка понятия социальной памяти в этом плане, по-видимому, находится на начальном этапе. С одной стороны, это открывает довольно широкие перспективы применения данного понятия в философско-методологических исследованиях, с другой — требует всесторонней теоретической разработки и экспликации его эвристической и методологической функции.

Подчеркивая отсутствие непреодолимой грани между общенаучными понятиями и философскими категориями, В. С. Готт и Ф. М. Землянский пишут: «...логично предположить, что в принципе возможно движение понятий, связанное с превращением тех или иных общенаучных понятий в философские категории. С этой точки зрения общенаучная понятийная форма мышления может с известным основанием рассматриваться как особая форма становления новых философских категорий»¹¹⁸.

Методологическая значимость и эвристический потенциал того или иного понятия выявляются лишь в процессе его применения в практике научного исследования. Это в полной мере относится и к понятию социальной памяти, которое постепенно завоевывает все более прочные позиции и в собственно философских исследованиях, в частности при изучении социальной обусловленности познания, исторических этапов его развития. Естественно, что это не проходит бесследно для самой философии. Наметившаяся тенденция к расширению сферы применения понятия социальной памяти направлена на дальнейшее углубленное исследование его функций и содержания, на реализацию заложенных в нем потенций и на выявление таких специфических особенностей, которые, возможно, поставят его в ряд философских категорий.

Обсуждение содержания понятия социальной памяти, его роли в исследовании познания, анализ той реально функционирующей системы, которая обозначается этим понятием, требуют также его соотнесения с понятиями стиля мышления и парадигмы. Как известно, эти понятия характеризуют некоторые устойчивые черты процесса познания и структуры научного знания на том или ином этапе его исторического развития.

По мнению Ю. В. Сачкова и М. Ф. Веденова, стиль на-

учного мышления проявляется в принципах логического построения теории¹¹⁹. Он «отражает основные, определяющие черты познания на том или ином этапе его развития, а потому его знание позволяет «схватить» особенности постановки и анализа соответствующих исследовательских задач». Интеграция научного знания приводит к тому, что стиль мышления «все более определенно связывается с характеристикой внутренней структуры систем знаний, с раскрытием особенностей внутреннего категориального построения ведущих теоретических форм выражения знаний»¹²⁰.

С точки зрения И. Б. Новика, понятие «стиль мышления» охватывает следующие методологические черты современной науки: «расширение сферы применимости категорий дискретности, системы и вероятности, формализация описания объектов науки и интеграция различных, подчас кажущихся весьма отдаленными областей научного знания... эти методологические черты в своей совокупности представляют лицо современного научного познания, или стиль научного мышления на данном этапе»¹²¹.

Б. А. Парахонский предлагает трактовать стиль как компонент духовного производства в целом. «Стиль в этом плане, — пишет он, — представляет собой культурную форму организации «языкового» мышления, поэтому при его изучении оказывается невозможным абстрагироваться как от знаково-символических, так и конструктивно-методологических моментов. При этом в последние входят не только операционально-технологический базис мышления, но и категориально-логический, и мировоззренческий уровни его организации»¹²². Стиль при таком понимании охватывает всю совокупность норм и форм организации мыслительных процессов данной эпохи.

Термин «парадигма» получил широкое распространение после выхода в свет работы Т. Куна «Структура научных революций». «Под парадигмами, — пишет он, — я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹²³.

Если рассматривать понятия стиля мышления, парадигмы и социальной памяти с точки зрения тех особенностей познавательного процесса, которые фиксируются с их помощью, то можно высказать следующие соображения. Понятие стиля мышления позволяет, вероятно в наиболее общем виде, описать совокупность чаще всего используемых в данный период развития науки методов исследования и формирования научных знаний.

Что же касается понятия парадигмы, то его обычная интерпретация состоит в рассмотрении какой-либо теории как образца, модели, которой следуют все или большинство теоретических построений в данный период развития науки. При таком подходе вопрос о смене парадигм (доминирующих теорий-образцов) рассматривается как «отступление», отход от господствующей парадигмы и переориентация на другую теорию (другой тип теорий) в качестве образца научной работы. Возникает вопрос: по какому «образцу» формируется эта новая теория? Т. Кун считает, что в периоды научных революций происходит борьба двух парадигм, но само возникновение новой парадигмы рассматривает как иррациональный процесс¹²⁴. В связи с этим можно сформулировать вопрос: а не является ли сама новая теория результатом изменений в методах научного исследования (изменения стиля научного мышления)?

Хотя иногда указывается на недостаточную четкость понятий стиля мышления и парадигмы¹²⁵, эти понятия, на наш взгляд, позволяют выявить весьма существенные стороны развития познания. Причем понятие стиля мышления, по-видимому, является более общим (и, следовательно, более абстрактным) по отношению к понятию парадигмы. В свою очередь понятие социальной памяти представляет наименьшую степень общности в цепочке «стиль мышления — парадигма — социальная память», поскольку его конкретное содержание — механизмы и способы переработки информации, обусловленные мировоззренческими установками.

При соотнесении этих понятий речь идет лишь об одной из сторон содержания каждого из них. Поэтому и различение этих понятий по степени общности относится только к названной стороне их содержания, связанной с приемами, методами построения систем знания. Если взять другие стороны содержания (значения) этих понятий, то их иерархия будет иной, возможно, обратной. Такой результат получится, если рассматривать социальную память как термин для обозначения всей наличной информации, имеющейся в обществе. Понятие парадигмы при этом будет фиксировать относительно крупные блоки информации (теории-образцы и теории, построенные по образцу), а понятие стиля мышления будет охватывать лишь сравнительно небольшие по объему блоки информации, фиксирующие методы научной работы.

Значительно более широким, чем парадигма и стиль мышления, представляется понятие эпистемы у М. Фуко

которое охватывает у него практически всю сферу общественного сознания, процесс познания вообще. Формулируя основные идеи своего подхода, он пишет: «...здесь знания не будут рассматриваться в их развитии к объективности... нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, *эпистему*, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их нарастающего совершенствования, а, скорее историей условий их возможности; то, что должно выявиться в ходе изложения, это появляющиеся в пространстве знания конфигурации, обусловившие всевозможные формы эмпирического познания. Речь идет не столько об истории в традиционном смысле слова, сколько о какой-то разновидности «архологии»»¹²⁶.

Бросающееся в глаза подчеркнутое отрицание историчности и объективности человеческого познания остается скорее декларацией, чем последовательно проводимым принципом. На самом деле Фуко, конечно, исследует именно исторически меняющиеся познавательные структуры, «схемы восприятия», развитие которых определяется приближением к объективности. Если этого нет, то каким образом разные типы эпистем «утверждают свою позитивность»? Выделение «эпистемологического поля», поля познания, имеющего определенную «конфигурацию», позволяет найти тот стоящий за языком, над языком фактор, который порождает «всевозможные формы эмпирического познания». Это доминирующие в данный исторический период схемы познавательных процессов, проявляющиеся прежде всего в организации текстов, в которых закреплено знание¹²⁷. Хотя М. Фуко рассматривает эти схемы в более широком плане, материалом его анализа почти исключительно служат тексты.

М. Фуко придает «схемам», которые он иногда называет «основополагающими кодами культуры», самодовлеющее значение. «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»¹²⁸.

Надо, разумеется, объяснить, почему эти «коды» приобретают такое значение, почему они определяют «эмпирические порядки». Н. С. Автономова, автор предисловия

к русскому переводу книги М. Фуко, полагает, что «попытка Фуко вычленил общие, исторически меняющиеся схемы, обуславливающие отдельные конкретные идеи, концепции, понятия, может быть интерпретирована в русле Марксовой проблематики «объективных мыслительных форм», развиваемой им в «Капитале»»¹²⁹.

Хотя у К. Маркса речь идет о категориях буржуазной политической экономии, само сопоставление, предложенное Н. С. Автономовой, кажется перспективным. Именно в категориях в конечном счете отображаются «мыслительные схемы». Однако эти мыслительные схемы имеют и другие формы проявления. Их можно вычленил подобно тому, как это делает М. Фуко в структуре текстов, в способах видения мира и формировании представлений, в организации средств хранения информации — тех исторически меняющихся социальных институтов, средств и нормативов познания, в которых реализуется социальная память. При этом, конечно, нельзя забывать о метафизичности многих выкладок у Фуко.

Говоря об особенностях социальной памяти, надо иметь в виду, что социальная память — это прежде всего функционирование средств сохранения социально значимой информации, без которого невозможно существование коллективов, социальных групп и всего общества в целом (разумеется, невозможно и существование индивидов, составляющих это общество). Сохранение и передача информации может осуществляться с помощью различных средств. В развитии общества и человека сложились способы и средства реализации этой функции, носящие гетерогенный характер, — обработанные человеком предметы, а также жесты, звуковая речь, изображения, имитация действий и другие формы «социального наследования». На разных исторических этапах информационный комплекс преобразовывался, менялась роль тех или иных средств в жизни общества, их соотношение внутри коммуникационной сферы, их роль в познании и мышлении.

ГЛАВА III

ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ — НОСИТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Исследование информационных взаимодействий в обществе привело нас к знаковым системам — важнейшему средству человеческого общения. Возникновение и последующее развитие знаковых систем, их функции и структура, их связь и взаимодействие с другими сторонами жизни общества, в первую очередь с материальным производством, — вот те проблемы, без анализа которых невозможно выяснить реальную роль звуковой речи и изображения (в частности, письма и книгопечатания) в коммуникации и познании, в развитии общества в целом.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в этой области 10—15 лет назад, И. С. Нарский писал: «...с одной стороны, назрела необходимость диалектического анализа знаковых систем вообще и систем национальных языков в частности; с другой — этому анализу приходится теперь оперировать такими категориями и понятиями, как «система», «структура», «знак», «значение», «обозначение», «имя» и т. д., которые требуют развития, а в этом смысле — усовершенствования и изменения понятийного аппарата самой диалектики, происходящего в сторону освоения и осмысления с марксистских позиций обширного семиотического материала»¹. Хотя с тех пор проделана значительная работа, задача остается актуальной и в наши дни.

Основные характеристики знака

Проблема знака — одна из «вечных» философских проблем. Как отмечает В. П. Топоров, уже в древних философских системах, например в индийской философии, были поставлены вопросы о природе имени, разрабатывалась теория символа и т. д. Все это свидетельствует об исключительном развитии понимания знаковой сущности проявлений древнеиндийской культуры. Эти проблемы занимают заметное место в трактатах Платона и Аристо-

теля²⁻³, а стойки (Хрисипп и др.) создали уже детально разработанную концепцию знака⁴.

С тех пор созданы, вероятно, тысячи трудов, в которых в той или иной форме и степени затрагивалась проблема знака. В конце XIX в. были заложены основы общей теории знаков, получившей название семиотики (от греческого *semeiotos* — обозначенный), основоположником которой считают американского философа и логика Ч. С. Пирса⁵.

Семиотика понимается некоторыми авторами как методологический подход, связывающий явления духовной жизни общества (идеи, представления, образы, смысловые значения и т. п.) с их предметными дериватами. Семиотика в таком понимании изучает развитие и взаимодействие всего круга представлений, обрядов, традиций с их вещественно-знаковым и речевым выражением в рамках глобальных культурно-исторических процессов (как это делается, например, в работах В. В. Иванова, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова).

В более узком смысле семиотика представляет науку, изучающую происхождение, структуру и функционирование знаковых систем, их инструментальную роль в коммуникации, познании и мышлении.

Знак — это прежде всего материальный носитель информации. И все те процессы и вещественные комплексы, которые имеются в виду, когда говорят о сигналах и кодах, могут служить и служат материальной основой знака.

Хотя специально задача логической дифференциации понятий сигнала, кода, знака не ставится, их различие оказывается необходимым при обращении к эмпирической реальности, отображаемой этими понятиями⁶. Стремление провести такое различие и специфицировать понятие знака применительно к задачам работы нельзя расценивать как самоцель. Вполне оправдано использование терминов в их устоявшемся значении. Но такое использование часто оказывается невозможным по нескольким причинам.

Во-первых, большинство упомянутых терминов не имеют однозначного употребления. В разных работах они приобретают различающийся смысл, зависящий от специфики предметной области исследования, теоретических построений и методологических установок. Во-вторых, сама логика исследования приводит нередко к необходимости выделить, подчеркнуть признаки, которые остались в тени у других авторов либо вообще не выделены. Естественно,

что выявленные признаки могут находиться в оппозиции к уже зафиксированным в литературе. Эту оппозицию вряд ли правомерно рассматривать исключительно как отрицание иных взглядов. Разумнее видеть в ней дальнейшее развитие и обогащение содержания данного понятия и уточнение сферы его применения. В-третьих, не существует, по-видимому, такого способа научного познания, который не был бы связан с анализом и уточнением используемых понятий. Как писал В. И. Вернадский, «при анализе старых понятий создается новая наука»⁷.

Все эти обстоятельства необходимо учитывать при сопоставлении разных трактовок одних и тех же терминов. Признавая правомерность и обоснованность какой-либо из них, не обязательно отказываться в содержательности другим. Такой подход, вероятно, больше соответствует реальному положению дел в современном научном познании, характерная черта которого — взаимопроникновение идей, теорий и методов разных наук и, как следствие этого, широкая экспансия понятий из одной сферы научного знания в другую, что ведет и к терминологическим трудностям, и к расширению содержания понятий, и в конечном счете к совершенствованию понятийного аппарата науки.

Представление о знаке прежде всего как о материальном, чувственно воспринимаемом предмете, замещающем в общении другие предметы, общепризнано⁸. «Функциями знаков могут по соглашению между людьми наделяться любые материальные предметы, обладающие большей или меньшей «жесткостью» и непременно отличающиеся от того, что они обозначают или выражают». Д. П. Горский подчеркивает, что в общем плане «знак может рассматриваться в зависимости от контекстов как *sign-token* (то есть как физический объект со всем множеством принадлежащих ему свойств) и как *sign-type* (как знак, рассматриваемый с точностью до абстракции отождествления, то есть как «абстрактный знак»), а также... может рассматриваться автономно, то есть в отвлечении от его значений, и притом он может истолковываться в зависимости от решаемых задач то как *sign-type*, то как *sign-token*»⁹.

Поскольку знак появляется лишь с установлением определенных отношений людей, объективирует их, он, следовательно, может рассматриваться как содержащий эти отношения в себе, так сказать, в свернутом виде. Знак обладает определенным строением, структурой, которая включает материальную форму, воспринимаемую с помощью органов чувств; замещаемый (обозначаемый) предмет (денотат); значение (или смысл) знака, определяе-

мое, в первом приближении, как отношение человека, воспринимающего знак (и, следовательно, получающего информацию), к тому, что он замещает (обозначает), включая познавательное, ценностное, эстетическое и предметно-практическое отношение.

Невозможность хотя бы в малой степени охватить многочисленные варианты знаковых теорий и тем более их эволюцию вынуждает ограничить обсуждение сравнительно небольшим кругом работ, преимущественно относящихся к последнему десятилетию. Это прежде всего работы Л. А. Абрамяна, А. А. Брудного, А. А. Ветрова, А. М. Коршунова, А. Ф. Лосева, В. В. Мантатова, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского, А. Ф. Полторацкого, М. В. Поповича, Л. О. Резникова, Ю. С. Степанова, В. С. Тюхтина, Л. В. Уварова, В. С. Швырева.

А. Ф. Лосев анализирует более десяти разновидностей концепций знака и предлагает «аксиоматический» подход к построению знаковой теории языка. Он также формулирует свыше двадцати положений, которые он называет аксиомами «общей и специальной информации». Эти положения фиксируют существование знака как отражения действительности, соотношение «между фактом и носителем знака и самим знаком» и «с окружающим его знаковым или внезнаковым фоном». Ставятся вопросы о «специфике языкового знака, о стихийности возникновения и развития языка, об его коммуникативной функции... и... о функции конструктивно-технической...»¹⁰. В конечном счете выдвигается задача построения универсальной теории знаковых систем (прежде всего естественного языка).

Необходимость построения общей теории знаковых систем и трудности на пути ее создания общеизвестны. Например, в Философском словаре говорится, что «задача построения синтетической концепции знака до сих пор не решена. Это обусловлено прежде всего тем, что знак принадлежит к сложным структурным образованиям, методы исследования которых пока еще не разработаны в достаточной мере. Для построения синтетической теории знака необходим детальный анализ структуры и функций общественно-производственной деятельности, порождающей множество знаковых систем, в первую очередь естественные языки»¹¹.

Язык (и любая знаковая система вообще) служит средством коммуникации, средством передачи информации. Это положение общепризнано. Различия во взглядах обычно обнаруживаются по вопросу о том, является ли коммуникативная функция языка первичной. На наш

взгляд, представление об исходной коммуникативной функции языка имеет убедительное историческое обоснование. Именно эта функция фигурирует как исходная в известном высказывании Ф. Энгельса о генезисе языка: «...развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*»¹².

Эта функция и логически выступает как исходная. Помимо средства коммуникации язык признается также средством формирования и выражения мысли. Если взять эти две важнейшие функции в их логической соотнесенности, то выведение второй из первой представляется более обоснованным, поскольку мышление человека складывалось как результат социальных взаимодействий, к числу которых относится и коммуникация.

Функция передачи информации, функция коммуникации является исходной для языковых знаков и для знаковых систем вообще. Отсюда следует, что первым критерием «знаковости» является функция передачи информации.

Обратимся к другой функциональной характеристике знака. Речь пойдет о «свертке, хранении и воспроизведении информации»¹³. Информация может храниться в обществе двумя способами: во-первых, в памяти индивидов, базирующейся на нейропсихических механизмах; во-вторых, с помощью внешних индивиду средств, созданных человеком для хранения информации и обеспечивающих длительное сохранение материальной формы знака.

Чрезвычайно важна функция, обозначенная как «свертка информации». Возможно, этот термин не очень хорошо отражает существо дела, как, впрочем, и другие, например «сжатие», «конденсация», «минимизация» информации¹⁴. Эти термины по причине пока еще редкого употребления в новом для них смысле (и неизбежного отбора) вызывают ассоциации с неким механическим действием. Суть же преобразования информации, о котором идет речь, в переводе ее на более высокий качественный уровень, позволяющий сократить до минимума количество хранимой информации. Эта «свернутая», «сжатая», а лучше сказать, преобразованная информация позволяет при необходимости восстановить по известным правилам опе-

рирования значительно больший объем информации, чем непосредственно зафиксированная.

Речь идет о системах классификации, о научных законах, математических уравнениях и о любых других операциональных структурах, позволяющих как бы восстанавливать огромное количество конкретной информации. Вообще говоря, восстановить с полной достоверностью утраченную информацию о конкретных фактах невозможно (это хорошо знают историки). В «свернутом» виде может храниться лишь обобщенная информация, которая в случае необходимости может быть «развернута» с использованием другой конкретной информации, аналогичной той, которая подвергалась «минимизации».

Существеннейшей чертой знака является наличие у него значения. Выражение «знак имеет значение» можно принимать и использовать лишь при одном условии — помня, что знаков без значений не бывает. Соотношение материальной формы знака и его значения, пожалуй, центральная проблема семиотики, имеющая уже не специально-семиотический, а более широкий теоретико-познавательный, философский характер. Как пишет И. С. Нарский, «проблема значения принадлежит к наиболее важным и интересным в философском отношении проблемам нашей эпохи и является одной из самых спорных в современной философской литературе»¹⁵.

Исходным видом значения принято считать предметное значение. Оно проявляется в ситуации, когда один предмет (знак, или, точнее, материальная форма знака) замещает в коммуникации другой предмет, обозначая его для производящего и воспринимающего знаки человека.

Представление о предметном значении как генетически исходном для любых знаковых систем требует уточнения. Устная речь на первоначальном этапе своего формирования, вероятно, выполняла лишь функцию побуждения к действию. Предметы, на которые это действие направлялось, были даны в конкретной ситуации. Лишь на последующих этапах в речи дифференцировалось обозначение действия и обозначение предметов. Для образительных знаковых систем характерно, по-видимому, обратное соотношение. Предметное значение для них было, бесспорно, исходным, ибо изображение возникло именно как изображение предмета. В последующем развитии изображения приобрели и свойство обозначать действия.

В качестве значений знаков выступают также психические образы, зрительные и слуховые символы, понятия, взаимозаменяемость знаков, реакция на знак и т. д. Сре-

и существующих трактовок значения есть ориентированные на понимание значения как отношения. Они исходят из представления об информационной природе значения, согласно которому функцией знака является передача информации.

Большим эвристическим потенциалом обладает представление о «моделирующем функционировании» знака. ...Всякий знак, — пишет А. Ф. Лосев, — обязательно есть порождающая модель (он говорит сам за себя; он требует от нас признания той вещи, которую он обозначает; он демонстрирует и манифестирует эту вещь для нас; и без обозначения вещи мы бы даже и не знали об ее существовании, не только что об ее свойствах)...»¹⁶. Хотя речь идет здесь о «порождении» предметного значения (А. Ф. Лосев относит все другие виды значений уже не к знаку, а к символу, причем последний в этом смысле противопоставляется знаку), логично предположить, что он может порождать в определенной ситуации и все другие виды значений. И то, какое из возможных значений данного знака обнаруживает себя, зависит от конкретной ситуации общения. Именно конкретная знаковая ситуация актуализирует одно из возможных для данного знака значений или «порождает» новое¹⁷.

Знак может транслироваться из одного «возможного мира» его существования в другой, функционируя всякий раз в соответствии с ситуацией, складывающейся в каждом из «возможных миров». Поясним это примером. Один и тот же знак (т. е. материальное «тело» знака) или комплекс таких знаков, например чертеж древнеегипетской пирамиды, приобретает разное значение в разных «мирах». При постройке пирамиды он был средством управления определенным видом деятельности, а будучи открыт археологами через несколько тысяч лет, стал историческим источником. Разумеется, и в том и в другом случае он является прежде всего носителем определенной информации о структуре пирамиды, информации, которая в основе своей остается неизменной. Именно на эту особенность значения обращает внимание И. С. Нарский, трактуя значение как «инвариант информации, переносимый словесным или несловесным знаком или сочетаниями таковых. Значение — это то, что устойчиво сохраняется при преобразованиях информации, в некоторой аналогии с тем, что стоимость — это то, что инвариантно при эквивалентном обмене различных потребительских стоимостей»¹⁸.

Многообразные особенности знаковых систем невозможно «втиснуть» в рамки единственной теоретической

конструкции. Лишь в отличающихся друг от друга теоретических концепциях, построенных на прочном фундаменте материалистического понимания истории и ленинской теории отражения, вскрывается многообразие связей и отношений, в которых функционируют знаковые системы. Поэтому подход к различным трактовкам проблем знака и значения не должен сводиться к их взаимоисключающему противопоставлению. Исследования, ориентированные в идеале на приближение к уровню, на котором раскрывалась бы «вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим»¹⁹, — вот наиболее приемлемый, критерий их оценки. Такой подход может рассматриваться и как применение принципа дополнительности, позволяющее проникнуть глубже в сущность явления²⁰.

Истинность того или иного теоретического положения обосновывается «с двух сторон» — со стороны уже подтвержденных общих положений и со стороны конкретных интерпретаций. Естественно, что наибольший вес имеют именно конкретные факты, поскольку они добываются в практической деятельности. Поэтому построение конкретных интерпретаций служит средством доказательства и подтверждения теоретических положений. Для этого нужны «переходные» теоретические концепции, фиксирующие такие свойства знаковых систем, которые поддаются прямому сопоставлению со знаковыми системами, реально функционирующими в человеческом общении.

Дифференциация знаков-моделей и знаков-символов, описанная в конце данной главы, как раз и есть вариант «переходного» построения, позволяющего обнаружить непосредственное эмпирическое бытие таких знаков.

Возникновение и функционирование знаковой ситуации

Требование интерпретируемости на реальном эмпирическом материале тех или иных теоретических построений (в частности, относящихся к знаку) — одно из условий адекватного воспроизведения объекта в знании²¹. Наибольшей степенью достоверности обладают такие теоретические построения, которые могут найти эмпирическое подтверждение на разных исторических этапах исследуемого объекта, т. е. воспроизводят это развитие в теоретической (логической) форме. Однако конкретно-историческая интерпретация не во всех случаях оказывается возможной. Ее нельзя осуществить, если не зафиксирована в сколько-нибудь детальном виде эмпирическая история объекта исследования.

Подобные черты имеет ситуация, сложившаяся в исследованиях знаковых систем. Как известно, в рамках языкознания, логики и семиотики созданы фундаментальные теории знака и значения, в которых глубоко разработаны семантика, синтактика и прагматика естественного и искусственных языков и другие проблемы. Эти теории, однако, в большинстве случаев не рассматривают эволюцию, развитие знаковых систем, а берут их как уже сформировавшиеся.

Среди причин такого положения немаловажную роль играет почти полное отсутствие эмпирических (исторических) данных о начальных этапах развития языка (членораздельной речи), которые позволили бы воспроизвести его теоретически.

Из этого вытекает, что генезис знака должен рассматриваться на довольно высоком уровне абстракции, позволяющем выделить общие характеристики этого процесса. Но знак, как и любое социальное явление, возникает не на абстрактном уровне. Он возникает, когда определенные предметы в конкретных условиях начинают замещать в коммуникации другие вещи (процессы). Поэтому анализ неизбежно должен опираться на вполне конкретные факты из истории общества, позволяющие представить некоторый (гипотетический) путь формирования знаковой системы.

Каков же исходный пункт развития изобразительных знаковых систем, играющих важнейшую роль в сохранении социально значимой информации? Очевидно, что с точки зрения материалистического понимания истории корни любого социального явления, социальнойности вообще лежат в конечном счете в процессе производства материальных благ, в тех тенденциях, которые определяются имманентно присущими этому процессу закономерностями. Отметим также, что любое социальное явление в принципе носит интересубъективный характер и поэтому неизбежно опосредствуется предметным, вещным миром, в котором живет человек. Появление этого предметного мира, мира предметов, созданных человеком (прежде всего орудий труда), и рассматривается как начальный пункт социализации.

В эпоху, когда появились первые достаточно совершенные изображения (так называемое палеолитическое искусство), основой жизни общества была охота. Переход от собирательства к охотничьему хозяйству потребовал существенной перестройки всей общественной жизни. По-видимому, именно эта перестройка, вызванная изменивши-

мися природными условиями (ледниковый период), привела к развитию более активных, чем раньше, способов овладения природными богатствами, заложила фундамент современного общества. Именно в этот период сформировались важнейшие социальные факторы, обеспечивающие дальнейшее развитие общественных отношений.

Некоторые достижения времен верхнего палеолита, несомненно, превосходят по своему уровню то, что было создано позднее. Это касается прежде всего охотничьего оружия. Особенно интересны в этом плане оружие типа бумеранга и разнообразные ловушки для зверей. Их отличительная черта — автоматическое действие. Каждое из этих орудий выполняло сложную программу действий без непосредственного участия человека²². Создание таких устройств, вероятно, является результатом достаточно развитой способности к абстрактному мышлению, которая в свою очередь может сформироваться, лишь опираясь на определенные особенности процесса производства материальных благ.

Основная особенность указанной эпохи, как уже говорилось, — превращение охоты в главный источник получения материальных благ — пищи, одежды и т. д. Но успех охоты существенно зависит не только от качества оружия и быстроты реакции, но и от умения обнаружить, найти объект охоты. И здесь на первый план выдвигается умение распознавать следы, оставленные животным.

По аналогии с современными охотничьими и скотоводческими народами логично предположить, что охотники палеолитической эпохи знали многие сотни следов, умели «читать» их, связывать с определенным видом животных, узнавать по следам особенности животного и т. д. То же самое относится и к следам человека²³.

Материальная форма знака (какой-либо чувственно воспринимаемый предмет) и обозначаемая вещь (явление, процесс) сопоставляются человеком, и в силу социальной значимости это сопоставление закрепляется в виде устойчивой связи в его сознании. Объективно эта связь закрепляется в культуре с помощью традиции, передаваемой из поколения в поколение как связь материальной формы знака и компонентов практической деятельности (в первую очередь орудий, предмета труда и направленных на него действий). Это отношение не носит характера естественной, скажем физической, причинно-следственной связи. Его причинный характер лежит в качественно иной, социальной сфере и существенно отличается от связей, изучаемых естественными науками.

Если проанализировать связь «след — охотник», описанную выше, то становится ясным, что она содержит в себе существенную часть знаковой ситуации. Как уже упоминалось, знаковая ситуация — это определенный набор взаимосвязанных элементов, т. е. она представляет систему, в которой и становится возможным появление у предметов знаковой функции.

«Знаковая ситуация, — пишет И. С. Нарский, — это структура поля функционирования знака. Мы полагаем, что в описание этой структуры... целесообразно включить по крайней мере десять элементов: 1) предмет (явление, состояние, событие, процесс); 2) предметный контекст, т. е. систему предметов, в различных связях с которыми находится данный предмет; 3) результат воздействия предмета на первого интерпретатора; 4) контекст деятельности первого интерпретатора; 5) материал знака; 6) знаковый контекст, т. е. определенную знаковую систему; 7) вызываемое знаком изменение в состоянии второго интерпретатора; 8) контекст деятельности второго интерпретатора; 9) реакцию второго интерпретатора на применение знака первым интерпретатором и ее последствия; 10) предметный контекст реакции второго интерпретатора на знак и последствий этой реакции»²⁴.

Такая глубокая дифференциация знаковой ситуации позволяет детально исследовать влияние каждого из факторов на формирование значения и способы интерпретации знака. В зависимости от целей и уровней анализа знаковая ситуация может быть представлена в более крупных блоках, объединяющих группы указанных элементов. Минимальный набор таких блоков, с нашей точки зрения, включает в себя: людей, осуществляющих коммуникацию, т. е. производящих и воспринимающих знаки; предметы, выступающие в функции знаков; вызываемое знаком действие или обозначаемый знаком предмет; системообразующие связи.

На последнем компоненте необходимо остановиться подробнее. Понятие «системообразующая» относится прежде всего к связи знака и обозначаемого предмета (действия), в простейшем случае — к связи двух предметов. Они могут и не иметь никакой известной человеку природной, естественной связи, но между ними устанавливается в производственной деятельности связь иного характера. Хотя эта связь использует биологические свойства индивида (например, слух, зрение, память и т. д.), в целом она носит не биологический, а социальный характер, поскольку опирается на «вторую природу» — вещный мир, созданный че-

ловеком, и формируется в практике материального производства²⁵. Знаковая ситуация формируется, и знак появляется лишь тогда, когда какой-либо предмет производится (или используется) целенаправленно в качестве знака, т. е. замещает в общении людей какие-то другие предметы (свойства, отношения, действия).

В силу этого ситуация «охотник — след», конечно, не содержит необходимого набора элементов, чтобы превратиться в знаковую. Нет главного элемента — человека, продуцирующего знаки. Но в ней заключены предпосылки, приводящие в дальнейшем к ее развитию в знаковую ситуацию — «предмет» (след), воспринимаемый человеком не только в его физических свойствах, но и относимый к некоторому другому «предмету» — животному, «узнаваемый» как его обозначение.

Надо заметить, что при анализе здесь не может быть использовано представление о соотношении части и целого, как иногда это делают. Часть обладает свойствами целого. След (для человека) не обладает свойствами животного. С ним нельзя действовать как с животным (его нельзя убить, снять шкуру, съесть мясо и т. д.), т. е. у него нет таких свойств, благодаря которым он мог бы непосредственно удовлетворить потребности первобытного охотника. И тем не менее охотник (и не только первобытный) извлекает из «следов» колоссальную по объему информацию. Работы этнографов полны описаний этой поразительной способности, сохранившейся и ныне у людей, живущих в джунглях, тайге, диких степях.

Что же побуждало и поддерживало такое восприятие следа животного? Ответ известен — жизненная потребность, производственная необходимость. Миллиарды раз повторяясь в конкретных условиях трудового процесса, эта связь (между следом и оставившим его животным) закрепились в сознании первобытного человеческого коллектива и стала передаваться из поколения в поколение. Важнейшей составной частью обучения охотничьему искусству всегда была выработка умения «читать» следы.

Так сформировались первоначальные компоненты знаковой ситуации — предмет, замещающий (в качестве источника информации для человека) другой предмет, и человек, не только воспринимающий этот первый предмет в его внешних формах, но и «видевший» за этими формами свойства замещенного. Для формирования знаковой ситуации необходим был следующий шаг — продуцирование знаков, т. е. производство предметов, совершенно непригодных для удовлетворения материальных потребностей

человека ни прямо, ни косвенно, как, скажем, орудия труда. И мы знаем, что шаг этот был сделан. Причем сделан он был, по-видимому, людьми, которые уже хорошо умели «читать» следы.

Шаг этот состоял в том, что охотник стал воспроизводить следы с целью «обмануть» животное и повысить эффективность охоты. О широком распространении подобной практики свидетельствует этнографический материал. Но и здесь мы не имеем еще сложившейся знаковой ситуации. Воспроизводя след животного, охотник, естественно, и адресовал его животному. Способность продуцировать знаки, как и способность их воспринимать, сформировалась в процессе материального производства.

На описанном этапе с формальной стороны уже есть все необходимые компоненты знаковой ситуации. Но один из этих компонентов, так сказать, неполноценен. Охотник не знает, как животное воспринимает имитируемые им следы. Он знает только непосредственную реакцию животного, которая совпадает (в случае достаточно верного воспроизведения) с реакцией на «естественные» следы животных.

Дальнейшее развитие в этом направлении неизбежно привело к тому, что охотник стал воспроизводить следы для того, чтобы с их помощью сообщить нечто другим людям, скажем, людям враждебного племени, чтобы ввести их, например, в заблуждение. По внешним параметрам действий такое использование следов ничем не отличается от продуцирования следов в расчете на их восприятие животными.

Но существуют принципиальные различия между следом, оставленным животным и обнаруженным животным; между следом животного, воспроизведенным специально человеком и «воспринимаемым» животным; между следом животного или человека, намеренно произведенным человеком и воспринимаемым человеком. Ф. Энгельс отмечал: «...когда животные оказывают длительное воздействие на окружающую их природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к самим этим животным чем-то случайным. А чем более люди отдаляются от животных, тем более их воздействие на природу принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных, заранее известных целей»²⁶.

Решающим признаком, позволяющим отличить биологическое от социального, оказывается целенаправленность деятельности, наличие в действиях целесообразности. При-

чем в нашем конкретном случае первая ситуация (животное — животное), конечно, не несет на себе печати целесообразности; вторая (человек — животное) целесообразна с точки зрения человека, воспроизводящего (или уничтожающего) следы; наконец, третья (человек — человек) предполагает наличие определенной цели и у человека, производящего следы, и у того, кому они адресованы. Она представляет собой социальную по своим параметрам и, следовательно, знаковую ситуацию.

Переход от «производства следов» для животных к «производству следов» для человека имеет принципиальное значение. Это по сути дела переход от досоциального к социальному, ибо, изображая следы, предназначенные для восприятия другим человеком, первобытный охотник тем самым формулировал сообщение, имеющее определенную смысл, значение и для адресата, и для него самого. Продуцент опирался в этом случае уже не на знание биологически обусловленной реакции животного на след, а на знание социальных закономерностей жизни человеческого коллектива (традиций, нравов, обычаев, правил). Восприятие человеком следов, намеренно произведенных другим, приводило в движение целую систему общественных, социальных связей.

Так, по-видимому, сформировался последний необходимый элемент знаковой ситуации. Человек, производящий и воспринимающий знаки, стал вкладывать в них смысл, зависящий не от инстинктивной биологической реакции, а от той системы общественных связей, в которую он включен.

Анализ функций денег в «Капитале» К. Маркса и социальная природа знака

Основой для диалектико-материалистического понимания генезиса и функционирования знаковых систем, знаковой ситуации, значения знака, его социальной природы служат положения, сформулированные К. Марксом в «Капитале» и в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» при анализе генезиса и функций денег в процессе обмена.

«Стоимость, — пишет К. Маркс, — это общественное отношение товаров, их экономическое качество... Как стоимость, товар есть *деньги*»²⁷. В процессе обмена «товар приобретает двойное существование, наряду со своим натуральным существованием приобретает чисто экономическое существование, в котором он — всего лишь знак,

символ производственного отношения, всего лишь знак своей собственной стоимости»²⁸. Меновая стоимость, как известно, выражает соотношение, в котором разные товары вступают в эквивалентный обмен. «Меновая стоимость товара как особое наряду с самим товаром существование есть *деньги*, та форма, в которой все товары приравниваются друг к другу, сравниваются, измеряются, в которую все товары превращаются и которая превращается во все товары, — всеобщий эквивалент»²⁹.

Этот всеобщий эквивалент не просто какой-то третий товар, помогающий вступить в обмен двум другим, хотя внешне он может выступать как особый товар, пользующийся всеобщим признанием. Суть дела, по К. Марксу, в том, что в процессе приравнивания каждого из обмениваемых товаров к чему-то третьему «это третье, отличное от обоих товаров, так как оно выражает некоторое отношение, существует сначала только в уме, в представлении, как и вообще отношения можно только *мыслить*, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся между собой в тех или иных отношениях»³⁰.

Отделить отношение от субъектов, реализующих его, можно лишь в абстракции, мысленно. В то же время по условиям обмена это отношение не только должно быть отделено от его носителей, но и должно получить чувственно воспринимаемое существование. Это противоречие и разрешается с помощью денег. «Для одного лишь сравнения или оценивания продуктов, для идеального определения их стоимости достаточно произвести эту трансформацию мысленно (трансформацию, при которой продукт существует лишь как выражение количественных производственных отношений). Для сравнения товаров этой абстракции достаточно; в действительном обмене эта абстракция должна быть, в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством какого-либо знака»³¹.

Как видно, знак здесь рассматривается как средство овеществления абстракции и, следовательно, как средство самого процесса абстрагирования. Исторически процесс абстрагирования формируется в сфере предметно-практической деятельности как ее мысленное, идеальное воспроизведение и осуществляется при опоре на предметы-знаки. К. Маркс неоднократно подчеркивает наличие у знака материальной, чувственно воспринимаемой формы: «...этот символ, этот материальный знак меновой стоимости есть продукт самого обмена, а не осуществление какой-то а priori формулированной идеи»³²⁻³³.

Отсюда вытекают важные теоретические предпосылки, которые составляют методологическую основу анализа проблем знака. Прежде всего это положение о социальной природе знака. Знак (знаковая система) порождается социальными потребностями людей, он связан с материальным производством, а также с распределением и обменом и в конечном счете есть продукт этих процессов. «Все свойства товара как меновой стоимости выступают в *деньгах* как отличный от него предмет, как отделенная от его натуральной формы существования социальная форма существования»³⁴. В знаках овеществляются, закрепляются общественные отношения людей. Знаки выступают как средство абстрагирования, средство мышления. Значения знаков обусловлены общественной практикой и развиваются исторически.

К. Маркс останавливается также на вопросе о материале знака (символа). «Материал, в котором выражается... символ, отнюдь не безразличен, какие бы разнообразные виды его ни встречались в истории. Развитие общества вырабатывает вместе с символом также все более и более соответствующий ему материал, от которого оно затем стремится снова отделаться. Символ, если он не произволен, ставит известные условия тому материалу, в котором он представлен. Так, например, знаки, обозначающие слова, имеют свою историю, буквенное письмо и т. д.»³⁵.

Отметим наиболее важные для нас положения. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что К. Маркс говорит здесь не только о «знаках денег», но и о письме, о знаках, обозначающих слова. Следовательно, высказанные им положения могут быть отнесены и к другим знаковым системам. Во-вторых, отношение «знак — материал», в котором он выражен не произвольно, а обусловлен исторически, социально. В-третьих, отсюда вытекает задача исследовать эту исторически меняющуюся связь, исследовать историю языка и знаковых систем.

В «Капитале» К. Маркс, продолжая анализ функций денег, воспроизводит исторически складывающуюся многоступенчатую иерархию отношений «знаков денег» и обозначаемой ими стоимости. На первоначальном этапе выделяется особый товар, служащий эквивалентом всех других товаров, — золото. Как посредник в обмене оно вначале выполняет эту функцию потому, что реально обладает стоимостью. Однако функция средства обмена не требует, чтобы оно реально обладало стоимостью. Это «естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотое бытие монеты в видимость золота, т. е. сде-

лать из монеты лишь символ ее официального металлического содержания...»³⁶. В конечном счете в историческом процессе развития форм обмена «монетное бытие золота окончательно отделяется от его стоимостной субстанции. Благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, — бумажки, получают возможность функционировать вместо золота в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью»³⁷.

Отношение бумажных денег к товарным стоимостям «состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение»³⁸. Таким образом, для существования символа (знака) необходим чувственно воспринимаемый предмет, обозначающий, символизирующий другой предмет, в данном случае — золото. А в золоте идеально выражаются стоимости. Общественное отношение находит свое идеальное³⁹ выражение во вполне реальном предмете — золоте или в его символических заместителях, опять-таки имеющих чувственно воспринимаемую форму выражения.

«Куски золота остаются только монетами, или только средством обращения, лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении»⁴⁰. Выходя из обращения, золото теряет свою посредническую функцию, приобретая другие (например, служит средством накопления богатства). Но какая-то часть золота (золотых монет) всегда находится в обращении, т. е. фактически служит только средством сравнения, определения количества стоимостей товаров и, главное, средством обмена. Если процедура сравнения может быть осуществлена и в представлении, лишь мысленно, то для обмена нужен носитель этой функции, однако не обязательно имеющий соответствующую собственную стоимость. «Поэтому в процессе, в котором деньги переходят из одних рук в другие, достаточно чисто символического существования денег. Функциональное бытие денег поглощает, так сказать, их материальное бытие. Как мимолетное объективированное отражение товарных цен, они служат лишь знаками самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками. Необходимо лишь, чтобы знак денег получил свою собственную объективно общественную значимость, и бумажный символ получает ее при помощи принудительного курса»⁴¹.

Иерархия знаковых реализаций денег, следовательно, может быть представлена рядом переходов от слитков зо-

лота (выполняющих функцию меры стоимости и средства обмена по причине действительно имеющейся у них стоимости) через золотые монеты, которые сначала в силу изнашиваемости теряют часть своей реальной стоимости, но продолжают участвовать в обмене как сохранившие ее полностью, к монетам из других металлов, реально обладающих лишь незначительной долей той стоимости, которую они представляют в обмене, и далее к бумажным деньгам, реальная стоимость которых вообще несопоставима с той, которую они обозначают. Для того чтобы в этих условиях бумажные деньги могли выполнять функцию средства обмена, их соотношение со стоимостями товаров (золота) должно быть закреплено определенными социальными нормами (например, установлено государством в виде принудительного курса).

Это положение имеет силу для любых знаковых систем, функционирующих в обществе. Значение того или иного знака и способ его употребления задаются определенными социальными нормами, которые участник информационного взаимодействия не может менять по своему произволу. Изменение значений знаков либо происходит исторически, как стихийный процесс, либо должно быть санкционировано каким-либо социальным институтом⁴².

Остановимся теперь в связи с изложенным на проблеме идеальных знаков. Как уже говорилось, К. Маркс подчеркивает наличие чувственно воспринимаемой материальной формы знака. Отношение знака (предмета) и его значения может воспроизводиться в мышлении. Тогда это отношение существует лишь мысленно, абстрактно. Такое мысленное воспроизведение охватывает и предмет, выступающий материальной формой знака. В мышлении в этом случае воспроизводится знаковая ситуация в целом. Представление о мысленных образах как знаках внешних предметов, связей и т. д. возникает, очевидно, в силу возможности такого идеального воспроизведения знаковой ситуации в целом. Но эта возможность относится к любому внешнему предмету, явлению, процессу, а не только к тем предметам, которые функционируют в качестве знаков.

Положение о социальной природе знаковых систем получает дополнительное обоснование при сопоставлении условий их функционирования со способами передачи информации у животных и процессом чувственного отражения мира человеком. Поскольку знак возникает и существует только в обществе и, следовательно, специфичен именно для общества, отметим некоторые особенности социального вообще. Важнейшим признаком социального вы-

ступает его опосредствованность, его проявление не через «самого себя», а через какой-либо предмет, вещь, включенную в систему общественных отношений (и строящую эту систему). В историческом плане социальное, как известно, надстраивается над биологическим, преобразуя его. Знаки (знаковые системы) «надстраиваются» над системой биологических связей и «животнообразного», «инстинктивного» труда.

Появление знаковых средств коммуникации, вызванное усложнением и совершенствованием орудий труда и всего процесса производства, является одной из важнейших характеристик общества и человека. Эта мысль была сформулирована еще Декартом: «...все люди, даже самые глупые и самые безумные, даже те, которые лишены органов языка и слова, пользуются знаками, тогда как животные ничего подобного не делают, и в этом истинное различие человека от животного»⁴³.

Разумеется, из утверждения громадного значения знаковых систем в становлении общества и их принципиального отличия от биологических способов передачи информации ни в коей мере не следует, что возникли они на пустом месте. Уже на пути биологической эволюции начала проявляться тенденция к опосредствованности. На этом пути складывались чрезвычайно сложные формы поведения животных.

Существует, однако, принципиальное отличие систем передачи информации у животных от систем коммуникации в обществе. Это отличие заключено в употреблении для этих целей предметов, производимых с помощью орудий. Животные тоже используют предметы окружающей среды для передачи информации другим особям. Но это использование носит эпизодический характер, и, главное, эти предметы не производятся с помощью орудий специально для целей коммуникаций. Существенно также, что подобные «предметы» тесно связаны с биологической жизнедеятельностью животного, являются ее непосредственным проявлением⁴⁴.

Человек же, производя предметы, несущие информацию другому человеку, во-первых, использует для этого орудия, подобные орудиям труда (или просто те же самые); во-вторых, овеществляет, закрепляет в предмете не биологические, а общественные связи. Созданные человеком предметы могут передавать и передают в этом случае информацию, не имеющую отношения к непосредственным биологическим потребностям.

Марксистская теория антропогенеза рассматривает становление средств коммуникации и хранения информации в обществе в единстве с формированием коллективной (орудийной) трудовой деятельности, общественного и индивидуального сознания, надбиологических, исторически развивающихся типов общности людей.

Можно привести имеющее отношение к данной проблеме замечание Гегеля, сделанное, правда, в контексте рассуждений о химических процессах. Поскольку объекты химического процесса «в [своем] существовании противостоят друг другу, — говорит Гегель, — то их абсолютное единство также есть *отлично* от них *существующая*, еще формальная стихия, — стихия *передавания*, в которой они вступают во внешнюю *связь* друг с другом. Так как реальное различие свойственно крайним членам, то этот средний член есть лишь их абстрактная нейтральность, их реальная возможность, — как бы *теоретическая стихия* существования химических объектов, их процесса и его результата; в сфере телесного *вода* исполняет функции этой среды; в сфере духовного, поскольку в ней имеет место нечто аналогичное такому отношению, им следует считать *знак* вообще и, точнее, *язык*»⁴⁵⁻⁴⁶.

Следовательно, «знак вообще» и язык рассматриваются Гегелем как стихия, в которой протекают процессы духовной жизни общества. Притом, если принять предложенную аналогию, это «стихия передавания», посредством которой устанавливается связь между взаимодействующими объектами, это среда, играющая ту роль, которую в химических процессах играет вода. Вода, как известно, является идеальной средой для протекания большинства химических процессов. «Знак вообще» является наиболее эффективным посредником, средством существования духовных процессов.

В некоторых работах проводится линия на использование категорий семиотики, прежде всего центрального для нее понятия знака при анализе чувственной стороны познания. При этом признается наличие в чувственном отображении действительности «знакового компонента».

Проблема соотношения уровней и форм в чувственном отображении, в том числе и вопрос о наличии «знакового компонента», достаточно сложна и требует дальнейшего изучения. В предварительном порядке можно высказать такие соображения. Известно, что знак является средством межличностной коммуникации в обществе в силу объективности своего существования. Психический образ, принадлежа субъективной сфере индивида, таковым быть

не может. Возникает вопрос: следует ли называть компоненты ощущений, которые в силу своей субъективности не могут служить средством коммуникации в обществе, знаками, считать, что они образуют знаковые системы? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то тогда общепринятое понятие знака должно быть серьезно модифицировано.

Предложенный выше вариант понимания знака расширяет применение термина, но обедняет содержание понятия. Знак «теряет» многие свойства, выявленные в исследованиях многообразных знаковых систем, функционирующих в обществе, такие, например, как свойство быть средством межличностной коммуникации в обществе, способность сохранять длительное время информацию и передавать ее из поколения в поколение. Становится невозможным осуществлять с известной произвольностью выбор знаковой формы (материала, «тела», знака), теряет смысл понятие знаковой ситуации. Остается лишь одно свойство, одна функция — способность замещать, обозначать какие-либо внешние воздействия на органы чувств человека. При этом возникает вопрос: для кого (или, может быть, чего) такой «знак» замещает объект? Если для человека (а другой ответ невозможен), то выходит, что «внутри» человека, в его психике существуют психические процессы, которые обозначают нечто внешнее человеку — какие-либо воздействия на его органы чувств — и должны в свою очередь восприниматься, по-видимому, с помощью других психических процессов.

Знаковая ситуация предполагает наличие производящего знаки человека и получателя знаков, интерпретирующего их, т. е. минимум две автономные системы, способные производить и воспринимать знаки. В случае использования термина «знак» для обозначения компонентов психики такая ситуация не может возникнуть, поскольку весь процесс происходит «внутри» психики индивида.

Главный вывод, вытекающий из приведенного рассуждения, состоит в следующем. Марксов анализ функций денег, выступающих в обмене (и других процессах) как материализация, овеществление (и обозначение!) общественного отношения (стоимости), служит методологической основой исследования знаковых систем. Другой, более частный вывод — изучение проблем, которые возникают при распространении понятия знака (и описания в терминах семиотики) на поведение животных и ощущения человека, — говорит о необходимости более четкой дифференциации понятий сигнала, кода, знака и обосновывает

точку зрения на знаковые взаимодействия как на разно видность и важное звено социальных отношений.

Знаки-модели и знаки-символы: различие функций

Фундамент социальности — производство. С этой точки зрения все знаковые системы, функционирующие в обществе, оказываются, конечно, связанными с процессом производства.

Уже говорилось, что можно констатировать чрезвычайно тесную связь с производством знаковых систем, которые названы изобразительными. Они играют роль основного средства коммуникации на многих этапах процесса производства, поскольку изображение позволяет моделировать продукт труда. Модель, выступая как образец продукта, позволяет соотнести с ней результат производственного процесса и, следовательно, нормирует сам процесс, обеспечивая его стабильный характер.

В этой связи необходимо остановиться на функции модели в сопоставлении со знаком. Моделирование — воспроизведение каких-либо сторон, свойств объекта в другом, намеренно созданном предмете. Поскольку в объекте содержатся самые различные свойства, связи и отношения, характер которых зависит от уровня сложности объектов, возможны модели различных типов — структурные, функциональные и т. п.

Среди важнейших свойств вещей, которые неизбежно должен был фиксировать человек на ранних этапах общественного развития, были материал и форма предметов. С развитием производства необходимостью стало поддержание определенного стандарта. В простейшем случае роль эталона выполнял человек, на опыте обнаруживавший пригодность или непригодность произведенного продукта для удовлетворения какой-либо потребности. По мере усложнения продукта появилась необходимость контролировать не только результат процесса труда, но и его ход. Особенно важным такой контроль оказался при изготовлении орудий труда, требующем жесткого соблюдения последовательности большого числа операций.

Процесс труда, в котором предмет создается в соответствии с имеющимся образцом, регулируется структурой образца (в простейшем случае — его формой). Подобный способ организации трудового процесса можно назвать модельным. Речь идет, конечно, только о технологической стороне этого процесса, а не о всем процессе в целом,

как это было при ритуальном способе организации труда. Модель дает возможность воспроизводства предметов, возможность восстановить все необходимые операции и в случае пространственно-временных разрывов в процессе труда, т. е. позволяет поддерживать производство в более сложных условиях.

Выяснение особенностей такого функционирования затрагивает проблему соотношения знака и модели. В отношениях модели и моделируемого объекта на первый план выдвигается структурное подобие, описываемое законами физики, химии, геометрии и т. д. Отношение знака и обозначаемого им предмета, процесса или действия — это отношение, не связанное жестко с теми или иными естественными свойствами материальной формы знака и объекта обозначения.

Проследим в общих чертах один из вероятных путей возникновения модели в процессе материального производства. Можно предположить, что в силу случайных обстоятельств (ошибка в выборе материала и т. п.) иногда производились предметы, совпадающие с предполагаемым продуктом по форме, но непригодные для удовлетворения той или иной потребности (производственной или индивидуальной). Естественно, что эти предметы не потреблялись и поэтому иногда сохранялись дольше, чем стандартный продукт труда.

Рано или поздно было замечено, что такие предметы, не обладая необходимыми для потребления свойствами, в то же время способны служить образцом для воспроизводства «нормальных» продуктов труда. Это «открытие» позволило затем перейти к намеренному изготовлению предметов, заведомо непригодных для потребления, но сохраняющих информацию о форме продукта. По-видимому, именно так появились различные мерки, шаблоны, литейные формы и многое другое. В развитии технологии появилась тенденция, которая позднее получила выражение в категориях формы и материала, субстанции и формы.

Какие же функции выполняет шаблон (и другие предметы подобного рода), воспроизводящий форму предмета, на изготовление которого нацелен данный трудовой процесс? Очевидно, что он может обозначать, указывать на предмет, производство которого нормируется с его помощью. Обозначение, замещение одного предмета другим в коммуникационных процессах говорит о том, что шаблон выступает как знак.

От предмета, функционирующего в качестве материальной формы знака, как известно, не требуется сходст-

ва, подобия с обозначаемым предметом. Развитие этой функции привело к потере такого сходства с обозначаемым предметом.

Некоторые типы знаков, по-видимому, развились из внешней формы модели. По ряду причин (например, вследствие ошибок при изготовлении или использовании неподходящего материала) складывались ситуации, когда эта форма переставала отвечать требованию сходства (геометрического подобия) с оригиналом и, следовательно, не была его моделью. Но в силу закрепившейся социальной практики «бывшая» модель стала восприниматься в связи с объектом, который она фактически уже не воспроизводила, а лишь обозначала. Для познания и воспроизведения свойств объекта эта форма уже ничего не дает. Модель же в предельном случае просто повторяет объект.

Таким образом, на первый план выдвигается эта форма сама по себе, и центр тяжести переносится не на соответствие формы объекту, а на то, чтобы отличить друг от друга формы, связанные с разными объектами. Как только такое различие достигнуто, материальное наполнение формы (теперь уже — знаковой формы) становится безразличным (по отношению к обозначаемому объекту) и определяется только удобством использования. Возможно, что от шаблона (в самом широком смысле как воспроизведения формы в другом материале) путь ведет к рисунку, а от него к иероглифам и далее к абстрактным символам.

Но у шаблона, как уже говорилось, есть и другая функция — он нормирует процесс труда, обеспечивая соответствие продукта определенным требованиям (в простейшем случае позволяет придавать ему необходимую форму). Эти две противоположно направленные тенденции формируются на самых ранних этапах развития изобразительной деятельности человека. Для одной — «модельной» — характерно стремление ко все более полному подобию с объектом, для другой — «символической» — такое сходство становится несущественным. Они зафиксированы в работах исследователей палеолита, расценивающих изобразительную деятельность древнего человека как средство совершенствования мышления.

Б. А. Фролов считает исходным пунктом развития изобразительной деятельности древнего человека графику. «Активная познавательная деятельность палеолитических людей отразилась особенно ярко в реалистически точных образах животных конца ледниковой эпохи, созданных в

подавляющем большинстве средствами графики... графика развивалась как основное средство выражения, фиксации мыслей и чувств первобытного человека... Скульптура развивалась также под определенным влиянием графики, о чем свидетельствуют хотя бы разнообразные графические приемы в передаче украшений, причесок, одежды на фигурах Венер, меха и шерсти на скульптурных изображениях зверей. Графика, таким образом, была для палеолитического мастера универсальным средством фиксации его представлений об объектах и явлениях окружающего его живого мира, мира людей и животных»⁴⁷

Основным элементом графики является линия. Найденные при раскопках «трубчатые кости животных с правильно расположенными параллельными нарезками из мустьерского слоя Ла Ферраси и Ле Мустье» рассматриваются Б. А. Фроловым как доказательство того, что древним человеком уже около 50 тыс. лет назад стал воспроизводиться этот «выделенный им самим элемент — прямая линия, абстрактный в смысле отвлеченности его ради этого геометрического свойства от всех других качеств создаваемых до той поры предметов (например, прямое лезвие орудия, прямое древко и т. п.)»⁴⁸. Поскольку линия хронологически появилась раньше рисунка, развитие можно представить в виде перехода от линии к рисунку, а затем к заполнению линейного контура штрихами.

А. Д. Столяр полагает, что исходным пунктом изобразительной деятельности была примитивная скульптура. Выделяя три основные группы древнейших памятников этой деятельности: сюжетную, знаковую (или символическую) и ритмичную (или орнаментальную), он считает, что наиболее древний из известных «раннеориньякский каноничный рисунок зверя» имеет своим предшественником так называемый «натуральный макет», при создании которого использовались части туши добытого на охоте животного, и затем глиняную скульптуру, которая, эволюционируя, через барельеф приводит к контурному рисунку⁴⁹. Предельная абстрактность графических изображений предполагает, как считает А. Д. Столяр, наличие предшествующих форм изобразительной деятельности, носящих чувственно-конкретный характер.

Надо отметить, что переход к графическому изображению зверя на плоскости и от прямолинейных нарезок на кости, и от глиняной скульптуры достаточно сложен и требует дальнейших исследований как в плане интерпретации археологических данных, так и в плане гносеологического анализа. Имеющийся археологический материал

говорит нам о том, что уже очень давно человек использовал и объемное воспроизведение объекта в другом материале, сохраняя при этом в максимально возможной степени сходство, подобие с оригиналом, и абстрактное графическое изображение, воспроизводящее лишь форму, спроецированную на плоскость. По-видимому, развитие моделирующих способов отражения действительности следует рассматривать во взаимодействии и между собой и с другими средствами коммуникации, прежде всего с устной речью, хотя реализовать это пожелание невероятно трудно из-за невозможности восстановить сколько-нибудь удовлетворительно характер устной речи той эпохи. Каждая из описанных систем (символически-знаковая и модельно-знаковая) обладает определенными достоинствами и определенными недостатками.

Остановимся на тех особенностях, по которым можно отличить эти два типа знаковых систем. Общая для них функция обозначения, позволяющая воспроизводить мир, реализуется по-разному. Когда человек строит модель какого-либо объекта, то такая модель при любом варианте ее материального воплощения всегда аналогична по известным свойствам объекту-оригиналу (в том числе и создаваемому в процессе труда). Когда такая связь используется человеком, мы имеем дело со знаком-моделью, или со знаковым моделированием.

В случае, когда сходство знака и обозначаемого объекта не играет существенной роли, а на передний план выступает и доминирует другая, функциональная связь замещения — способность знака любой материальной природы обозначать любой объект (в том числе и мыслимый) и выражать понятие, соответствующее этому объекту, мы имеем дело со знаком-символом.

Предлагаемое деление на знаки-модели и знаки-символы развивает некоторые характеристики знака, выявленные Ч. Пирсом и другими исследователями. В то же время в отличие от трактовки Ч. Пирсом иконических знаков знаки-модели не включают метафоры, выражаемые с помощью речи и поэтому относящиеся скорее к символическим знаковым конструкциям. Другое, принципиальное отличие состоит в том, что в данной работе знак-модель рассматривается с позиций теории отражения прежде всего как чувственно воспринимаемый предмет, имеющий материальное существование. Согласно Ч. Пирсу, иконический знак, «строго говоря, существует только в сознании...»⁵⁰.

Итак, знак-модель — это знак, либо обладающий геометрическим или другим зрительно воспринимаемым сходством с обозначаемым объектом, либо воспроизводящий некоторые его свойства в зрительно воспринимаемом виде. Знак-символ — это знак, не имеющий сходства с обозначаемым объектом или его свойством, например звучащее слово.

Абсолютизация такого отношения приводит к «тотальному символизму». Например, С. К. Лангер, рассматривая «естественные» знаки, речь и изображение, приходит к выводу о их сугубо символическом характере. Мокрые улицы — знак прошедшего дождя, стук дождевых капель — знак идущего сейчас дождя, падение барометра — знак того, что дождь пойдет, и т. п.⁵¹

«В фундаментальной категории символизации, — утверждает С. К. Лангер, — мистической, практической или математической безразлично — мы имеем ключевое понятие для всех проблем человека». По ее мнению, идея такого «тотального символизма» настолько плодотворна, что «будет порождать действенные методы, разрешать безысходные парадоксы души и тела, рассудка и эмоций, свободы и закономерности, будет преодолевать решающие аргументы прежних эпох, отбрасывая сам их язык...»⁵². Очевидна, конечно, теоретическая несостоятельность таких глобальных претензий⁵³. Дать научное решение проблем человека можно на одном пути — на пути диалектико-материалистического понимания мира, человека и общества.

Доведенная до логического конца, эта точка зрения приводит к представлению о мире в целом как о символической конструкции, каждая деталь которой (вещь, предмет) символизирует, представляет (и скрывает за собой) нечто другое (звук капель — дождь; солнце — день; зеленый цвет — траву и т. д.). Тогда на место исследования вещей, явлений, раскрытия их причинных связей, их взаимной обусловленности ставится угадывание того, что данная вещь символизирует. С. К. Лангер настойчиво подчеркивает отсутствие всякого сходства изображения с объектом (картина — «символ, а не дубликат того, что она репрезентирует») ⁵⁴. В таком случае остается загадкой, как мы все-таки узнаем то, что изображено на картине.

Основная особенность знака-модели состоит в том, что в определенных пределах с ним можно оперировать таким же образом, как и с обозначаемым (и одновременно моделируемым) объектом. Например, по изображению животного можно, как и при непосредственном наблюдении,

установить, к какому роду оно относится, что и делают ученые-биологи, изучая, например, изображения ныне исчезнувших животных на фресках палеолита. Причем эти изображения настолько точны даже в передаче деталей, что ученые могут определить по ним не только род, но и вид животного (в системе биологической классификации). К тому же древние художники-охотники умели фиксировать и передавать в рисунках такие движения животных, которые современные люди могут увидеть лишь с помощью рапидной киносъемки.

В противоположность знаку-модели знак-символ может быть соотнесен с обозначаемым объектом лишь при условии, если известно, какой именно предмет он обозначает в рамках семантики данной знаковой системы. Оперировать с ним можно лишь по правилам соотнесения значений в данной знаковой системе, а не так, как можно оперировать с обозначенным предметом. По произнесенному слову «единорог» или «грифон» нельзя узнать, о каких реальных объектах идет речь.

Различение знаков-символов и знаков-моделей проведено здесь по функциональному признаку. Одна и та же материальная форма (определенного знака) может функционировать и как символ, и как модель⁵⁵. Однако материальная форма не безразлична к функции. Переработка информации, сообщаемой с помощью знаков, осуществляется всегда путем перестройки самих знаков, их пространственного расположения и (или) временной последовательности.

Две знаковые системы — модельная и символическая, различаясь по характеру и способам отображения действительности, в совокупности обеспечивали потребности общества на ранних этапах его развития. Абстрактно их функции можно разграничить как отображение пространственных (изображение) и временных (речь) связей и отношений.

Разумеется, эти системы функционировали параллельно в рамках синкретических форм общения первобытных коллективов. Усложнение форм общения вело к совершенствованию этих систем. Однако вряд ли это был путь прямой и гладкой эволюции. Именно противоречивым взаимодействием двух знаковых систем, точнее говоря, определенным результатом этого взаимодействия на одном из этапов можно объяснить (парадоксальное с точки зрения внутреннего развития изобразительной системы) внезапное исчезновение полихромной палеолитической живописи в момент ее наивысшего расцвета. На смену ей

пришли примитивные графические изображения, напоминающие предшествующий ее зарождению и расцвету этап.

Этот трудно поддающийся пониманию момент находит свое объяснение в следующем предположении. Изобразительная система в силу своей способности сохранять длительное время довольно точное воспроизведение структуры объектов производственной деятельности (для человека той эпохи основной предмет труда — животные) получила доминирующее положение в родовой общине. При этом в оперативной коммуникации возросла роль жеста и различных видов имитации внешнего вида, криков, поведения животных (например, переодевание в шкуры животных, использование других частей убитых животных для маскировки и т. п.). Как следствие стали сужаться возможности развития и совершенствования конкурирующей дискурсивно-символической знаковой системы — звуковой речи.

Но эти две знаковые системы имеют объективно различающиеся параметры. Поэтому каждая из них давала наибольший эффект в разных сферах жизнедеятельности родовой общины. Говоря кратко, изобразительная обеспечивала технологическую сторону процесса производства (создание орудий труда, жилищ, одежды и т. п.), а символическая — организацию и сплочение коллектива. И то и другое было жизненно необходимо. Попытки охватить весь комплекс социальных связей родовой общины с помощью какой-то одной из знаковых систем неизбежно приводили к кризисным ситуациям. Нарастание кризисных ситуаций в этой сфере совпало с серьезными социальными сдвигами, результатом которых и стали распад и деградация полихромной живописи — наиболее развитого звена в изобразительной системе.

«Палеолитическое искусство возникает как яркая вспышка пламени в глубине веков. Необычайно быстро развившись от первых робких шагов к полихромным фрескам, искусство это так же резко и исчезло. Оно не находит себе непосредственного продолжения в последующие эпохи. ...Остается загадкой, как палеолитические мастера достигли столь высокого совершенства и какими были те пути, по которым в гениальное творчество Пикассо проникли отголоски искусства ледникового периода»⁵⁶.

Вслед за временем расцвета палеолитической живописи, по-видимому, наступил период доминирования устной речи и соответственно развития дискурсивной сферы мышления. Однако присущие этой знаковой системе осо-

бенности привели к новому кризису в развитии средств коммуникации. Разрешение этого кризиса происходило в иных формах, чем предыдущего. Кризис разрешился не новым перераспределением ролей, а синтезом двух разноплановых, но одинаково необходимых для общества знаковых систем — изобразительной и речевой. Синтез состоял в появлении изображений, передающих речь. Это был революционный шаг в развитии коммуникативных систем общества.

Отметим одну весьма интересную особенность взаимодействия речи и изображения, указывающую на траекторию развития коммуникативных систем. На некоторых произведениях эпохи полихромной палеолитической живописи у копытных животных, переданных в целом исключительно реалистически, вместо копыт изображены их отпечатки, воспроизведены следы, которые оставляет это животное⁵⁷.

Одно из возможных объяснений этого факта: след животного под его изображением играл роль, аналогичную или по крайней мере близкую текстовой подписи под рисунком у современных художников. «Рисуя или созерцая след ноги или отпечаток руки, примитивный художник видит мысленным взором весь объект в целостности, с его индивидуальными чертами конкретного человека или животного определенного вида»⁵⁸.

Как уже упоминалось, охотник знал, мог легко узнавать следы разных видов животных. Тогда допустимо предположение, что звучащее слово, обозначающее данный вид животных, связывалось в первую очередь со следом животного и через след (а не прямо, непосредственно) — с самим животным. Такого рода связи проявлялись в использовании изображения следа как опознавательного знака⁵⁹.

При этом связь «след (его изображение) — слово (речь)» в силу многократного повторения могла закрепиться в сознании, выделиться и стать относительно самостоятельной, положив таким образом начало передаче речи с помощью изображения.

Возникновение письма означает новый этап в развитии мышления человека. Чтобы понять сущность этого этапа, необходимо обратиться к намеченной в предыдущем изложении специфике взаимодействия речи и изображения, выяснить его характер и, главное, роль этих двух знаковых систем в мышлении и познании.

ГЛАВА IV

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ПОРОЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

В философской литературе последних лет все большее внимание привлекает взгляд на познание как на разновидность орудийной деятельности. В частности, выяснилось, что продуктивное изучение развития методов и форм научного познания, смены стилей мышления и других методологических проблем науки возможно лишь при условии включения в орбиту исследования совершенствования средств познавательной деятельности. Как пишет Ю. В. Сачков, не принимая во внимание орудия исследования и их смену, нельзя серьезно говорить о научном методе и его развитии¹.

Специфика средств научного познания, уровень их развития, способы применения определяют существенные черты научного познания. По аналогии с материальным производством эти способы складываются в определенную технологию познавательной деятельности, в рамках которой реализуется научный метод². Сам метод зависит и от теоретических предпосылок, и от уровня развития средств познания.

Доминанты мышления: линейная дискурсия или континуум?

В марксистской философской и психологической науке познавательная деятельность и мышление рассматриваются в своем генезисе и развитии как возникающие из труда и фундаментально связанные с материальной производственной деятельностью в своем функционировании. Из всего многообразия видов мыслительной деятельности здесь затрагиваются лишь некоторые: познание, конструирование и принятие решений. Очевидно, что их соотношение не укладывается в рамки видовой дифференциации в пределах одного логического рода. Эти термины скорее обозначают определенный ракурс видения проблемы. Существуют, как известно, и другие способы расчленения мыслительной деятельности, например по соотношению нового и

имеющегося знания на продуктивную и репродуктивную³, по сферам приложения — производство, искусство, наука, обучение и т. п., по степени кооперирования — индивидуальная и коллективная и другие деления⁴.

Мышление — логически организованные акты сознания (организованные не только в формально-логическом смысле, но и в более широком смысле соответствия закономерностям диалектической логики), результаты и ход которых реализуются, опредмечиваются, выражаются, объективируются в знаковых системах различных типов. Механизмы мышления необходимо рассматривать как интериоризацию предметной деятельности человека (при непрерывном условии ее постоянного актуального воспроизведения), включающей не только оперирование предметами с целью удовлетворения материальных потребностей, но и оперирование вещественно-знаковыми системами (в первую очередь изобразительного характера) с целью получения информации, знания.

Мышление всегда совершается в рамках актуальной знаково-предметной деятельности, имеющей две основные разновидности (два типа) — речевую и изобразительную. На некоторых исторических этапах обнаруживается доминирование какого-либо одного типа знаковой деятельности, но абсолютное доминирование практически не встречается, да, вероятно, и невозможно.

Как можно было увидеть из предыдущего изложения, чрезвычайно существенным для понимания механизмов мышления является выяснение особенностей его связей со средствами объективации мыслительных процессов. Основная связь, подвергаемая анализу, — специфика типов мыслительной деятельности, различающихся по используемым знаковым системам. Естественно, что выводы, к которым приводит анализ, характеризуют именно эту связь и лишь через нее — мыслительные процессы в целом. Учет этого обстоятельства необходим, чтобы правильно представить место исследуемой проблемы в познании мышления.

Обсуждая очерченную выше проблему соотношения видов познавательной (мыслительной) деятельности, необходимо выяснить вначале саму возможность мышления без слов⁵. К этому вопросу обращается Д. И. Дубровский. Говоря о форме существования непосредственно данного нам знания о собственных состояниях сознания, он выделяет несколько взглядов на эту проблему. Во-первых, «непосредственное знание о собственных сознательных состояниях всегда так или иначе вербализовано»; во-вторых, ««непосредственно данное» есть совершенно особый

вид знания, которое всегда существует в невербализованном виде»; в-третьих (этот взгляд разделяет Д. И. Дубровский), «непосредственно данное» всегда частично вербализовано, а частично не вербализовано... между этими его «частями» существует связь, в силу которой непрерывно «движущееся» содержание «непосредственного данного» выступает в качестве динамической двумерной структуры»⁶. Приведя основательную, на наш взгляд, аргументацию, Д. И. Дубровский приходит к выводу: «...внесловесная мысль существует... она объективирована в мозговых нейродинамических системах (кодах) определенного типа, отличных от кодов внутренней речи... она представляет собой специфическую разновидность и неотъемлемый компонент субъективной реальности»⁷ Эта «внесловесная» мысль формируется до ее речевого выражения, она направляет поиск словесных средств ее выражения и т. д.

Вместе с тем, говоря о «невербализованных состояниях сознания», Д. И. Дубровский отмечает, что «их рефлексивность выражена гораздо слабее, чем на уровне внутренней речи», а «автономность невербализованных уровней мышления» относительна. Из этого вытекает, что наивысший уровень рефлексивности достигается в вербально-дискурсивных мыслительных процессах, обладающих также большей автономностью по сравнению с невербализованным мышлением. Рассматривая мышление как внутренний диалог, он пишет: «Естественно, что общение невозможно без языка, а это значит, что и мышление невозможно без языка»⁸. В соответствии с таким представлением внутреннее общение, т. е. мышление, есть некоторое подобие диалога говорящих (и слушающих) людей.

Понимание мышления как диалога может быть существенно расширено, если не ограничивать его только сферой внутренней речи, а представить как диалектическое взаимодействие вербализованных и невербализованных средств его реализации. При этом «повышается» статус невербальных компонентов мыслительных процессов, они становятся равноправными участниками диалога.

Внутренняя речь, как принято считать, есть результат интериоризации внешней речи. Внешняя речь, которую часто называют просто языком (что не всегда правомерно), — это знаковая система межличностной коммуникации. Общение людей осуществляется в этом случае путем продуцирования объективно существующих звуковых колебаний воздуха, представляющих материальную фор-

му речевых знаков. В процессе интериоризации происходит преобразование внешней речи в некоторый внутренний нейропсихический носитель информации. На базе этой внутренней речи и реализуется вербально-дискурсивное мышление.

Аналогичные отношения можно предположить и между невербальными средствами коммуникации и соответствующими нейропсихическими структурами. «Эти «внутренние» невербальные средства представлены скорее всего не меньшим числом кодовых форм, чем невербальные средства внешней межличностной коммуникации», к которым относятся «жест, ритм, пауза, мимика, выражение глаз и т. д.»⁹ Такие средства общения обычно называют экстралингвистическими. Они составляют вспомогательный арсенал речевой коммуникации, служат дополнением к ней, не обладая сколько-нибудь существенным самостоятельным значением.

В этом пункте и обнаруживается возможность углубления «диалогической» концепции мышления путем включения в сферу анализа обширного класса изобразительных знаковых систем — широко используемого средства коммуникации, самостоятельность которого по крайней мере сопоставима с автономностью устной речи (правильнее, вероятно, говорить о степени относительности такой самостоятельности и в том и в другом случае). Поскольку процесс межличностной коммуникации протекает в этом случае с использованием изображений, можно предположить по аналогии, что его интериоризация приводит к формированию нейропсихических кодов модельно-изобразительной природы, на базе которых осуществляются невербальные компоненты мыслительных процессов. Как и внутренняя речь, эти коды представляют собой сложную иерархическую систему¹⁰.

Следует заметить, что исследователи отмечают ограниченность представления о внутренней речи как «проговаривании». Опираясь на результаты экспериментов, Н. И. Жинкин пришел к выводу, что «внутренняя речь» представляет собой «предметно-схемный язык», что «зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде», а «механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях — предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь)»¹¹. При таком понимании «внутренней речи» сам термин приобретает противоречивый смысл, поскольку «предметно-схемный язык» не является речью ни в прямом, ни в переносном

смысле, так как не обладает ее важнейшим свойством — линейно-дискурсивным характером.

Серьезные аргументы, подтверждающие фундаментальное значение изобразительной деятельности и изображений в становлении и функционировании мышления человека, дают психология и нейропсихология¹².

В современной психологии широко применяются так называемые проективные методы. Проективный метод, использующий изображения в качестве основного средства исследования и опирающийся на изучение изобразительной деятельности человека, «является едва ли не единственным собственно психологическим методом проникновения в наиболее интимную область человеческой психики»¹³. Отсюда вытекает, что деятельность по созданию и восприятию изображений связана с глубинными фундаментальными психическими свойствами личности.

Л. М. Веккер считает, что «структура мысли как высшей, но частной формы познавательных информационных процессов с необходимостью включает пространственно-временные компоненты»¹⁴. По его мнению, «наличие речевого опосредствования является, по-видимому, необходимым, но недостаточным условием опосредствованности как характеристики мысли». Опираясь на примеры, демонстрирующие наличие «образно-пространственных структурных компонентов» мышления и их чрезвычайно важную роль в синтезирующей деятельности мышления, и на экспериментально выявленные характеристики взаимодействия разных типов и уровней психических процессов, Л. М. Веккер формулирует гипотезу, в которой мышление рассматривается по аналогии с переводом с одного этнического языка на другой. «...Есть основания, — пишет он, — предположить, что искомая информационно-психологическая специфичность мышления заключается в том, что оно представляет собой процесс непрерывно совершающегося обратимого перевода информации с собственно психологического языка пространственно-предметных структур (и связанных с ними модельно-интенсивностных параметров), т. е. с языка образов, на психолингвистический, символически-операторный язык, представленный речевыми сигналами»¹⁵.

Этот «перевод» здесь описан как выражение в речи содержания психических образов. В других местах работы Веккер неоднократно подчеркивает, что пространственно-образные компоненты мышления охватывают все уровни мыслительных процессов, включая и самые высшие. Имея в виду символически-операторные (речевые)

основные формы психического отображения, Л. М. Веккер говорит, что они, «будучи частной формой кодов, относящихся к временной ветви спектра (психических процессов. — В. К.), воплощают в себе структуры естественного языка, т. е. языка в исходном, лингвистическом и психолингвистическом смысле этого понятия...»¹⁶.

Характеризуя затем «фигуративную форму отображения отношений», он пишет, что «они представлены теми частными видами кодов, которые являются вместе с тем изображениями, или образами, в том конкретном смысле этого понятия, что они воспроизводят или сохраняют инвариантными конкретные черты симультанно-пространственной картины внешних объектов. И эта специфическая образная форма кодов также является языком, потому что... и изображения служат орудием межиндивидуальной передачи информации, например в изобразительном искусстве, театре или в современных средствах массовых коммуникаций (телевидение, кино). Это отвечает наиболее общему функциональному смыслу понятия «язык»».

Общекодовый уровень, т. е. «единая пространственно-временная структура психических сигналов», обобщая эти частные формы, «отвечает общим принципам организации языка, но уже в семиотическом и общекибернетическом смысле этого понятия»¹⁷.

Как видно, объективный ход исследования психических процессов неизбежно приводит к выявлению двух принципиально различных, несводимых друг к другу способов, механизмов отображения реальности¹⁸, которые, однако, всегда проявляются в динамическом взаимодействии как диалектически противоположные полюсы единого процесса мышления. Диалогичность мышления тогда предстает как диалектическое взаимодействие внутренней речи и модельно-изобразительных кодов, воспроизводящее взаимодействие соответствующих средств межличностной коммуникации, а не как диалог только в рамках внутренней речи. Подходы к выявлению механизма интеллекта должны опираться на изучение взаимосвязи вербальных и невербальных средств в общении и познании. Анализируя их взаимоотношения в социальных процессах, мы получаем ключ к пониманию места и роли соответствующих им компонентов в процессах познания и мышления.

Исторический процесс развития средств коммуникации нельзя сводить лишь к последовательному совершенствованию этнического языка (речи). Речь развивалась в постоянном взаимодействии с другими средствами коммуникации и познания, прежде всего с изображением, на базе

которого складываются автономные системы коммуникации. Велика и все более возрастает роль изображений в современной системе средств массовой коммуникации. Поэтому условием объективного исследования затронутых выше проблем становится выявление роли изображения в познании и мышлении в сопоставлении с устной речью.

Говоря о возможности воспроизведения структуры мира в структуре языка, Б. Рассел утверждает, что «слова (за исключением звукоподражательных) не имеют сходства с тем, что они обозначают», однако в «предложениях часто бывает структурное сходство между предложением и тем, что оно утверждает». В качестве иллюстрации он приводит такой пример: «Допустим, что вы видите, как лиса ест гуся, и затем говорите: «Лиса съела гуся». Реальное событие состояло в некотором отношении лисы к гуся, а предложение создает отношение между словом «лиса» и словом «гусь» тем, что ставит между ними слово «съела»¹⁹. Вообще говоря, отношение реальной лисы к реальному гуся не может описываться словом «съела», ибо последнее означает уничтожение гуся и, следовательно, аннигиляцию существовавшего в момент действия отношения.

Если допустить возможность сходства структуры предложения естественного языка со структурой того фрагмента реальности, который оно обозначает (как в приведенном Б. Расселом примере), то возникает вопрос: как можно говорить о структурном сходстве предложений и отношений между предметами, скажем, в инкорпорирующих языках, в которых предложение является одним сложным, нерасчлененным словом?

«Исторически складывающаяся система знаков естественного языка, — считает М. С. Роговин, — имеет в познавательном плане полный приоритет перед всеми другими системами знаков и обозначений. Слово — это знак знаков»²⁰.

Особенности довольно распространенного представления об уникальной роли звуковой речи в мышлении и познании очень выпукло зафиксированы в высказываниях М. С. Роговина. Возьмем прежде всего утверждение, что звуковой язык (речь) «ближе всего к собственно психическому содержанию, к мыслям, чувствам, потребностям, впечатлениям»²¹. Можно поставить вопрос: разве чувства, потребности и тем более впечатления не могут существовать без звуковой речи? Вряд ли можно найти убедительные аргументы, исключаяющие такую возможность.

Если же говорить о средствах, позволяющих обозначать и выражать «психическое содержание» в процессах коммуникации, то разве картина, рисунок, скульптура или музыкальное произведение не передают чувства и впечатления, не прибегая к помощи звукового языка? Конечно в общении и познании существует взаимодействие знаковых систем разных типов. Но вопрос, какая из этих систем является генетически исходной, не может быть решен априорно. Вполне возможно, что в результате исследования обнаружится, что знаковые системы разных типов складывались одновременно, взаимодействуя между собой. Именно такой вывод кажется наиболее вероятным.

Говоря о соотношении объективной реальности и языковых значений, М. С. Роговин отмечает «иной, чем у материальных объектов и событий, принцип построения (высказывание есть развертка во времени события или факта временные параметры которых совершенно иные, и последовательность речевых единиц не есть прямое отражение их реального членения)...»²². Логично предположить, что знаковые системы, обладающие свойствами, близкими имеющимся у «материальных объектов и событий», будут в этом случае более эффективными средствами коммуникации и познания. Именно так обстоит дело, когда в качестве средств познания и коммуникации используются изображения разных типов.

Утверждение о «полном приоритете» «системы знаковое естественного языка» привлекает возможностью свести все многообразие знаковых систем к звуковой речи и с точки зрения простоты представляет заманчивую перспективу создания теории знаковых систем, построенной на «естественном» основании. Но достигнуть этого можно, только уложив в прокрустово ложе звуковой речи все другие типы знаковых систем. При этом оказывается невозможным описать и понять такие качества изобразительных знаковых систем, как, например, способность передавать пространственную структуру явлений и объектов (их взаимное расположение, форму), цвет, динамику изменения интенсивности процессов, геометрическое подобие и большое количество других связей и отношений, которые просто не могут быть переданы с помощью звуковой речи или переданы крайне неэффективно. Знаковые системы изобразительного типа позволяют передавать указанные связи и отношения с высокой степенью точности и в очень короткий промежуток времени за счет существенно более высокой (по сравнению со звуковым) информационной емкости зрительного канала.

Очень интересен пример, приведенный М. С. Роговым для иллюстрации положения, что для каждого языка «существуют общие когнитивные закономерности внутренней для него динамики средств и целей или же перевода его на другой язык...»²³. Выбор падает не на «звучащее слово», которому, как мы помним, отдан «полный приоритет», а на изобразительную знаковую систему: «...в доренессансный период изображение понималось как обозначение предмета и его признаков, а не как оптическое подобие. Живописец воспроизводил не столько реальный мир, мир видимый, сколько зрительно обозначал то, что в нем почиталось важным и интересным, то, о чем шла «изобразительная речь». Этому противопоставляется понимание своих задач художником послеренессансного периода, для которого «передать видимое — значит передать то, что можно увидеть (или вообразить увиденным) в один момент времени и с одной точки зрения, но зато передать это одновременно и пространственно ограниченное явление в его зрительной полноте...»²⁴.

Описанное изменение представлений о целях построения изображений связано с установлением существенных различий между изображением и звучащим словом, между изображением и написанным (т. е. тоже изображенным) словом, или, говоря иначе, между изображением и текстом. В доренессансную эпоху изображение строилось и воспринималось подобно тексту. Изображаемые предметы не моделировались, а именно обозначались. Правда, надо помнить при этом, что такой тип изображений не является генетически исходным. Как уже говорилось, палеолитическая живопись настолько верно передавала натуру, что биологи по этим изображениям могут определить не только род, но и вид животного. Можно предположить, что господство, так сказать, «символической изобразительности» представляет собой один из этапов развития знаковых систем. Взаимодействие двух принципиально различных типов знаковых систем — символических (устная речь) и модельно-изобразительных (живопись, рисунок, скульптура) — развивалось как борьба противоположных тенденций не только вне, но и внутри каждой из них²⁵.

Исследование взаимодействия устной речи и изобразительных знаковых систем как средств воспроизведения мира в сознании человека ставит проблему соотношения речи и мышления. Сторонники представления о языке (звуковой речи) как единственном средстве мышления нередко ссылаются на замечания В. И. Ленина, сделанные им

при чтении книги Гегеля «Лекции по истории философии». Вот эти замечания: «Всякое слово (речь) уже *обобщает...*»; «Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»²⁶. Понять суть этих высказываний можно лишь с учетом контекста, в котором они сделаны. Перед этими словами В. И. Ленин выписывает имеющийся у Гегеля отрывок из Секста Эмпирика, передающий взгляд Горгия: «Речь, посредством которой должно быть сообщено о том, что есть, не является тем, что есть, — то, что сообщается, это не самый предмет, а только речь» — и последующие суждения Гегеля: «Сущее постигается также не как сущее, а его постижение есть превращение его во всеобщее».

...«Это единичное совершенно не может быть высказано»...²⁷

Приведенные замечания относятся к разделу, посвященному философии софиста Горгия, но сделаны они при чтении следующего раздела о сократиках.

При чтении раздела о сократиках В. И. Ленин высказал еще несколько замечаний по этой же проблеме. Он выписывает из Гегеля: «Вообще язык выражает в сущности лишь общее; но то, что мыслится, есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить в языке то, что мыслится». И далее добавляет: «(„Это“? Самое общее слово)»²⁸.

Против этих слов стоит: «...в языке есть только *общее*»²⁹. Надо полагать, что здесь фиксируется точка зрения Гегеля. Затем В. И. Ленин записывает: «Кто это? Я. Все люди я. *Das Sinnliche*? Это есть *общее* etc. etc. „Этот“?? Всякий есть „Этот“». Далее В. И. Ленин подчеркивает: «Почему нельзя назвать отдельного? Один из предметов данного рода (слов) именно отличается от остальных тем-то»³⁰. В. И. Ленин, таким образом, возражает против мнения Гегеля, что «в языке есть только общее».

В другом месте «Философских тетрадей» (конспект «Науки логики» Гегеля) В. И. Ленин формулирует вопрос: «история мысли=история языка??»³¹. По-видимому, вполне допустимо трактовать этот вопрос как сомнение в возможности сведения мышления к языку.

Хотя язык в современном обществе давно перестал быть только устной речью, поскольку его развитие неотделимо от письма и книгопечатания, тем не менее во многих случаях к нему продолжают подходить только как к устной речи.

Роль изображения в познании и коммуникации исследовалась преимущественно психологами и искусствоведами, часто с использованием семиотических представлений³². При этом неизбежно затрагивались и общепhilософские, в частности гносеологические, проблемы. В некоторых работах эти проблемы рассматриваются специально.

К исследованию гносеологической функции изображения обратился Е. Я. Басин. В его статье зафиксированы некоторые существенные особенности изображения. «...Об изображении всякий раз говорится тогда, — пишет он, — когда какой-либо объект находится в отношении сходства с другим объектом». Отметив затем, что «наличие определенного сходства между объектом и оригиналом еще не делает объект изображением» и что «нецелесообразно называть всю систему изображением, когда в ней воспроизводятся, сохраняются подобными лишь отдельные свойства оригинала», Е. Я. Басин приходит к следующим «онтологическим характеристикам» изображений: «Они должны быть: 1. Материальны. 2. Макроскопически-непрерывны. 3. Иметь известное сходство с другим предметом. 4. Степень этого сходства может быть выражена — во всяком случае, для большинства изображений — в понятии подобия»³³.

Если первые два требования представляют собой необходимые условия зрительного восприятия, то два последних могут быть приняты лишь с серьезными оговорками, ибо существует значительное число изображений, не имеющих сходства «с другим предметом», например различные схемы, изображающие, скажем, структуру информационных, или логических, или управленческих связей (это затруднение может быть преодолено, по Е. Я. Басину, введением понятия «репрезентатор», предложенного еще Ч. Пирсом).

В их число входит изображение, обладающее сходством с репрезентируемым предметом, и знак, не обладающий таким сходством. В литературе по проблемам семиотики изображение обычно рассматривается как знак, что подчеркивает существенное свойство изображения — способность обозначить предметы и иметь определенное значение. Именно такие функции изображения отмечает и Е. Я. Басин, предлагая сосредоточить внимание «на рассмотрении таких изображений, причинная связь которых с оригиналом опосредствована психическим отражением и практической деятельностью субъекта».

Признавая, что изображение может вызвать в сознании образ, который «всегда будет абстрактным отображением оригинала», Е. Я. Басин в то же время подчеркивает, что «изображение всегда единично, его денотат (реальный или воображаемый) — всегда индивидуальная вещь»³⁴.

Трудности, с которыми сталкивается анализ изображения, связаны, на наш взгляд, с его недискретной природой, усложняющей применение известных положений семиотики. Один из возможных путей преодоления части затруднений связан с выделением элементарных знаков, из которых строится изображение. Элементарные знаки (линии, точки и т. д.) обозначают отдельные свойства объекта, не имея с ним сходства. Но построенное из таких знаков изображение может обладать сходством с оригиналом.

Изображение — созданный человеком с помощью ручных орудий труда или более сложных технических средств предмет, отображающий в зрительно воспринимаемой форме пространственное расположение вещественных компонентов объекта (внешнюю форму или внутреннее строение), либо структуру (схему) функциональных или иных связей элементов объекта, либо динамику протекания процессов (скорость, характер, направление), либо иные характеристики объекта. Хотя выработка универсальной дефиниции изображения вряд ли может быть основной целью обсуждения, выделение его существенных черт и свойств будет способствовать более четкой постановке проблемы.

По своим средствам изобразительная деятельность распадается на два принципиально различных вида. В первом случае используются орудия, непосредственно формирующие изображение, — карандаш художника-графика или инженера-конструктора, рейсфедер чертежника или кисть живописца, игла гравера или резец скульптора. Изображение здесь объективирует мыслительный образ, возникший в сознании человека, который всегда абстрактен в смысле закрепления в изображении лишь тех сторон и свойств объекта, которые выделены абстрагирующим человеком.

В другом случае используются, как правило, более сложные технические средства — фото-, кино-, телеаппаратура и некоторые другие технические средства. В этом случае изображение формируется без непосредственного участия деятельности человеческого мышления, по естественным законам физики (оптики), электродинамики, хи-

мии. Такие технические средства не формируют непосредственно изображение, а воспроизводят то, что находится перед объективом камеры. Поэтому здесь мыслительная деятельность человека может проявиться в характере изображения путем перестройки самого изображаемого объекта (как это, например, делается при съемках художественных кинофильмов) и путем модификации параметров аппаратуры³⁵.

Хотя подавляющее большинство изображений такого рода создается с помощью сложной аппаратуры, они не отличаются принципиально от изображений, полученных с помощью более простых средств (например, путем непосредственного контакта с материалом, воспринимающим его форму, вообще любой след, оставленный одной вещью на другой). Такие процессы могут происходить без участия человека (например, оттиск листа дерева в окаменевшей породе). Они могут носить и более сложный характер.

С гносеологической точки зрения важно подчеркнуть принципиальное отличие двух указанных разновидностей изображений: первые непосредственно воспроизводят результат абстрагирующей деятельности человеческого мышления, вторые воспроизводят объект в соответствии с законами физики, химии и т. д., на основе которых создана применяемая аппаратура. Эта аппаратура, конечно, может быть использована для хранения, репродуцирования и передачи изображений первого рода. В последнее время появились технические устройства (дисплеи), позволяющие человеку строить изображения непосредственно на телеэкране.

Изображения, как уже говорилось, обычно относят к иконическим знакам. Иконические знаки, по Ч. С. Пирсу, делятся на три группы, одна из них есть собственно изображения (*images*). Такие знаки «имеют природу явления (*арреагансе*)», являются «непосредственным образом»³⁶. Эти утверждения целиком могут быть отнесены лишь к изображениям, полученным «механическим» путем, т. е. в результате действия естественных законов. Но такие изображения по сути дела не являются знаками. Тот факт, что, скажем, фотографии широко представлены в книгах, журналах, газетах и т. п., еще не говорит о том, что с их помощью возможно общение. Если вы рассматриваете снимок незнакомого вам города или неизвестных вам людей, то, вообще говоря, никакого сообщения от человека, сделавшего эти снимки, вы не получаете (они вообще могут быть сделаны без участия человека, с помощью автоматических приборов). То, что может быть

высказано об этом городе или людях (или вообще сообщено другим с помощью знаков), будет сообщением, сформулированным вами.

Мнение, что «любой иконический знак (фотоснимок, картина и т. д.) в отношении содержания остается в пределах изображаемого»³⁷, верно по отношению к фотографии, но вряд ли может быть отнесено к картине. Остается ли, например, содержание картины В. И. Сурикова «Меншиков в Березове» «в пределах изображаемого»? То есть воспринимаем ли мы ее только как изображение группы людей, или она имеет для нас смысл, несводимый непосредственно к «пределам изображаемого»? Понятно, что смысл картины несводим к тому, что непосредственно изображено. Именно этим и отличается картина от фотографии, которая всегда остается в «пределах изображаемого» и не может выйти за эти пределы без дополнительной информации.

Фотография, кинофильм сами по себе являются лишь результатом взаимодействия нескольких материальных систем в рамках законов физики, химии и т. д. Коммуникация — это социальный процесс, изготовление снимка — физико-химический. «Человеческий глаз видит реальную действительность по-человечески, то есть со всем присущим человеку зарядом эмоций, идей, предрассудков, культуры. Он наделен мгновенной избирательной реакцией, умеет выделять особо поразившие его элементы... У объектива кинокамеры нет такой избирательной способности, он выполняет чисто математическую функцию — просто фиксирует то, что столь изменчивый в своем движении луч света «подставляет» ему мгновение за мгновением»³⁸.

Специфические функции изображения в коммуникации и познании зависят от того, каким способом и какими средствами оно создано. Изображение, созданное непосредственно рукой человека, направляемой идеальным образом, есть материализация этого образа, абстрагированного из объективной реальности. Изображение может быть также продуктом воображения, фантазии. В этом случае связь с объективной реальностью носит более сложный характер. Созданное с использованием фото-, киноаппаратуры изображение воспроизводит лишь то, что имеет предметное существование. Современная телеаппаратура позволяет строить, как уже говорилось, изображения и того и другого рода.

Многие виды изображений, созданных непосредственно рукой человека, несут информацию о пространственной структуре элементов объекта или передают в виде обла-

дающего пространственными параметрами изображения его функциональные (или иные) связи. Большое значение придавал таким изображениям Ч. Пирс, исследовавший их существенные свойства. Как отмечает Ю. К. Мельвил, Пирс считал «самым важным подклассом иконических знаков... наглядные схемы, ибо именно на них зиждется вся математика». К таким схемам Пирс относил геометрические чертежи, диаграммы, алгебраические формулы. По его мнению, «всякое алгебраическое уравнение есть иконический знак, поскольку оно *показывает* с помощью алгебраических знаков (которые сами не являются иконическими знаками) отношения рассматриваемых величин». «...Важнейшее отличительное свойство иконического знака состоит в том, что путем его прямого наблюдения могут быть открыты другие истины, касающиеся его объекта, истины, отличные от тех, которые были достаточны для его построения...»³⁹

Пирс видит в схемах прежде всего инструмент мысли, и сам процесс мышления (в частности, абстрагирования) имеет, по его мнению, ценность как средство построения схем. «Мы, — отмечает он, — действительно рассуждаем (reason) только посредством иконических знаков, и абстрактные положения не имеют ценности для рассуждения, исключая тот случай, когда они помогают конструировать наглядные схемы». В другом месте он говорит: «Главная необходимость в иконических знаках состоит в том, чтобы показать формы синтеза элементов мысли»⁴⁰.

Действительно, схематизированные изображения разных типов являются очень эффективным средством объективации мыслительного процесса, например процесса абстрагирования. «...Абстракцией может быть, — писал Э. В. Ильенков, — не только понятие, не только мысленное отвлечение, но и чувственно-наглядный образ (например, геометрический чертеж, схема или произведения так называемой абстрактной живописи)»⁴¹. Как видно, Э. В. Ильенков, признавая очевидную абстрактность некоторых видов изображения, в то же время оговаривается, что в этом случае отсутствует «мысленное отвлечение». Но без него нет и абстракции, ибо она и есть мысленное отвлечение, которое объективируется в устной речи или изображении.

В этом смысле любое созданное непосредственно человеком изображение абстрактно, ибо оно обозначает выделенные, отвлеченные человеком свойства объекта. В этой своей функции изображение не отличается от слова. Как слова, так и изображения могут выражать понятия

разных уровней абстрактности. Схема, геометрический чертеж в этом смысле выражают наиболее высокий уровень абстрактности, и поэтому их принадлежность к знаковым средствам выражения абстрагирующей деятельности мышления более очевидна⁴².

Абстрагирующая функция изображения активно исследуется учеными, занимающимися анализом психологии изобразительной деятельности. Американский психолог Р. Арнхейм, разрабатывающий проблему визуального мышления, подчеркивает его универсальность: «Все и всюду прибегают к визуальному мышлению. Оно направляет фигуры на шахматной доске и определяет глобальную политику на географической карте»⁴³. Рассматривая визуальное мышление как сочетание, соединение чувственного восприятия и мыслительных процессов, Р. Арнхейм пишет: «Я утверждаю, что операции познания, называемые мышлением, не являются привилегией умственных процессов, которые происходят выше или ниже восприятия, а представляют собой важные ингредиенты самого восприятия. Я имею в виду такие операции, как активное исследование, отбор, усвоение главного, упрощение, абстрагирование, анализ и синтез, завершение, исправление, сравнение, решение задач, а также сочетание, расчленение и постановку в контекст»⁴⁴.

Мыслительная основа зрительного восприятия, по Арнхейму, проявляется уже в том, что «наблюдаемый объект нужно абстрагировать из его окружения». Исследуя восприятие формы в трехмерном пространстве, он указывает: «...нельзя не заметить, какой высокой разумности оно (восприятие. — В. К.) требует; рядом с этой разумностью часто оказывается нечего поставить в области высшей умственной деятельности»⁴⁵.

Понятия, по Арнхейму, имеют не только словесное выражение. Они с таким же и даже гораздо большим успехом могут быть выражены в изображении: «...графические изображения представляют собой удобные средства для абстрактного мышления...» Проанализировав затем эксперименты, выясняющие роль изображений в мышлении, Арнхейм пишет: «Остается признать, что воспринимаемые и изображаемые формы — это... плоть и кровь самого мышления...»⁴⁶ В конечном счете Р. Арнхейм приходит к выводу: «...только то, что по крайней мере в принципе доступно наглядному воображению, может, по-видимому, поддаваться и человеческому пониманию»⁴⁷.

В подходе Р. Арнхейма просматривается явный и к тому же весьма эмоционально выраженный перекокс в сто-

рону гипертрофирования «визуального мышления», связанный с методологическими установками гештальтпсихологии. Это, по мнению В. П. Шестакова, приводит иногда к отождествлению процессов, протекающих в мозгу, с объективными свойствами реальных явлений⁴⁸. Явно выражена и тенденция сводить все многообразие мыслительных процессов к рамкам восприятия.

Рациональный смысл концепции Р. Арнхейма состоит в анализе некоторых сторон «визуального мышления» в его связи со зрительными восприятиями. Действительной основой этих чрезвычайно сложных мыслительных процессов являются, конечно, не только восприятия сами по себе, но и порождающее их предметное оперирование с изображениями разного рода.

Многие типы изображений (географические карты, диаграммы «состав — свойство» в аналитической химии, функциональные схемы и т. п.), будучи теоретическими моделями, аналогичны по некоторым функциям теоретическим построениям, выраженным в высказываниях или алгебраических формулах⁴⁹. Они позволяют предсказать параметры движения моделируемой системы, объяснить ее «поведение», открыть ранее неизвестные явления. Скажем, многие географические открытия были сделаны с помощью карты. Так была открыта расположенная в густонаселенной полосе ныне известная каждому школьнику Средне-Русская возвышенность. В восьмидесятых годах XIX в. по материалам инструментальных съемок были построены карты Европейской России, в корне изменившие представление о строении рельефа поверхности этой части страны. «В частности, взамен ранее предполагавшихся Урало-Балтийской, Урало-Карпатской возвышенностей А. А. Тилло установил существование возвышенности, простирающейся в меридиональном направлении, которую Тилло назвал Средне-Русской возвышенностью»⁵⁰. Примечательно, что это открытие нельзя было сделать эмпирически — эта особенность объекта не улавливалась путем прямого наблюдения.

В процессе абстрагирования реализуется ряд последовательных переходов от слитного, нерасчлененного восприятия объекта к его расчленению на отдельные стороны, свойства, связи, отношения. Средствами этого расчленения и закрепления его результатов, а также последующего синтеза служат знаковые системы — устная речь или изображение каких-либо черт, свойств, особенностей объекта (например, его внешней формы, или структуры внутренних связей, или положения в пространстве

и т. д.), а также запись (изображение) словесно выраженных понятий и суждений.

На разных этапах способы абстрагирования, обусловленные соответствующими средствами, взаимодействуют друг с другом, позволяя в конечном счете достичь очень высоких ступеней абстракции, на которых формируются понятия предельной степени общности (мир, Вселенная, разум и т. д.). Понятия синтезируют результат взаимодействия двух мыслительных механизмов — дискурсивно-вербального и модельно-изобразительного — и могут быть выражены любым из двух типов соответствующих знаковых систем. Выражение понятия в произнесенном слове — не единственный способ его функционирования в коммуникации и познании. Верно, конечно, что слово связано с понятием, выражает понятие, но вряд ли правомерно абсолютизировать эту связь, утверждать невозможность выражения понятия другими, несловесными средствами.

Справедливость этого положения видна в элементарных ситуациях познавательной и мыслительной деятельности. Чтобы мыслить треугольник, не обязательно произносить слово вслух или воспроизводить соответствующую артикуляцию в редуцированной форме внутренней речи⁵¹. Эта мысль может опираться на изображение фигуры. Тем более это верно в отношении преобразований фигур. Чтобы провести, скажем, биссектрису, нет необходимости описывать это действие словесно, не обязательно знать словесное выражение термина⁵². Но преобразование формы — это важнейшее составное звено почти любого трудового процесса, и целенаправленность такого преобразования свидетельствует о его осмысленности.

Процесс познания имеет большое число этапов, на каждом из которых он опирается либо на словесные, либо на изобразительные средства фиксации информации, либо на те и другие. Движение познания оказывается, таким образом, связанным со взаимодействием этих средств и обусловленным этим взаимодействием, воспроизводящим в мышлении практически-предметное, орудийное отношение человека к миру.

Взаимодействие устной речи и изображения в коммуникации и мышлении обнаруживает закономерности, характеризующие системы с рефлексией, т. е. такие социальные системы, которые могут воспроизводить в изменениях своей собственной структуры и функций структурно-функциональные особенности других систем, взаимодействующих с ними. Устная речь под воздействием изображения стремится преодолеть свою дискретность, например, пу-

тем длительного непрерывного речепроизводства⁵³ или путем выработки особых, амбивалентных типов повествования, допускающих «сжатие» или «растяжение» за счет исключения или включения различного рода подробностей или целого ряда эпизодов. Это хорошо видно в традиционных типах повествования — былине, саге, сказании, эпосе вообще, а также в современных литературных произведениях, когда их «растягивают» на длительный срок, публикуя последовательно по частям в периодических изданиях или передавая по радио и телевидению. Но в силу имманентно присущей ее организации дискретности это стремление не может выйти за рамки линейного развертывания, которое строится из дискретных элементов.

Сам перевод устной речи в написанный (напечатанный) текст «снимает» исключительно линейную последовательность ее восприятия. Он позволяет синхронно обозреть довольно большие фрагменты, выявить содержание отдельных отрывков, не считывая последовательно все составляющие эти отрывки речевые единицы. Взаимодействие написанного текста и мыслительных процессов иное, чем в случае устной речи. Оно включает механизмы, действующие при производстве и восприятии изображений в двухмерном или трехмерном пространстве. Звучащую речь можно воспринимать только как линейную (одномерную) последовательность речевых единиц — фонем.

В свою очередь изображение стремится под воздействием речи к символической дискретности, когда, например, картина распадается на отдельные символические фигуры, когда восприятие картины приближается к восприятию рассказа⁵⁴. Но опять-таки в силу присущих изображению качеств полное отождествление с речью не может быть достигнуто.

На разных исторических этапах развития общества это взаимодействие, включенное в общую ткань социальной деятельности людей, прежде всего в систему общения, проявляется в разных сферах общественной жизни и в разных обличьях.

Развитие пространственного, модельно-изобразительного отображения мира и временного, дискурсивно-символического и соответствующих средств фиксации и передачи (изображение и звуковая речь) шло параллельно.

М. В. Попович, анализируя пути развития знаковых систем в связи с появлением письма, выделяет три направления этого развития. Первое — «движение ко все большему соответствию знакового (письменного) и зву-

кового ряда, что породило финикийский, а затем и греческий алфавит, уже полностью ориентирующийся на фонемы». Второе направление основывается «на эквивалентности знака и понятия...». Это направление реализуется в математике, «где важным является соответствие цифры и числа, т. е. знака и понятия». Третье направление опирается на «принцип иконического сходства знака и обозначаемого», т. е. на сходство пространственных структур. Этот принцип широко используется при построении «схем разного рода, вплоть до географической карты, чертежей и графов»⁵⁵.

Вполне вероятно, что сейчас общество переживает очередной такой переход, когда на первый план вновь выдвигаются средства коммуникации, имеющие изобразительный характер. Этим мы обязаны кино и широкому распространению телевидения. Факт колоссального воздействия телевидения на жизнь общества общепризнан. Сила этого воздействия настолько велика, что породила даже теории, объясняющие сам характер воздействия исключительно спецификой техники, используемой для передачи информации, а не конкретным содержанием сообщения. Например, известный на Западе теоретик средств массовой коммуникации М. Маклюэн утверждает, что средство (или носитель) сообщения и есть сообщение⁵⁶. Хотя каждое новое техническое средство увеличивает возможности передачи информации и влияет на ее восприятие, характер воздействия всегда обусловлен содержанием сообщения.

Очевидное возрастание роли изображения в современной жизни, хотя и проявляется наиболее ярко в проникновении телевидения во все сферы жизни современного общества, не сводится только к этому явлению. Здесь лишь наиболее наглядно выступает общая тенденция, в основе которой лежат, по-видимому, более глубокие социальные процессы, порождаемые научно-технической революцией. Развитие науки и техники, расширение масштабов производства технически сложных изделий, формирование крупных человеко-машинных систем, бурное развитие средств массовой коммуникации приводят к росту объемов передаваемой и перерабатываемой человеком информации. Характеризующаяся последовательностью продуцируемых дискретных единиц звуковая речь и другие воспринимаемые с помощью слуха способы передачи информации оказываются в этих условиях гораздо менее эффективными, чем системы передачи изобразительной информации, обеспечивающие синхронное генерирование и

прием значительно большего количества единиц информации.

Наличие такой тенденции зафиксировали прежде всего исследователи средств массовой коммуникации, в частности кино и телевидения. Именно в их среде родилось еще одно определение нашей эпохи — «цивилизация изображения», схватывающее очевидный факт доминирования изображений в современной культуре. Искусствоведы зафиксировали важные стороны происходящих в этих сферах процессов и в поисках объяснений выдвинули интересные гипотезы. Н. А. Хренов отмечает такую особенность функционирования изображений: «Мы сейчас так привыкли к изображению, что мгновенно схватываем его смысл. Между тем было время, когда прочитывание изображения (даже самого простейшего) представляло трудности. Внедрение изображения в культуру — процесс все большего овладения языком изображения»⁵⁷. Изображение обладает свойствами знаковой системы — как и этническому (звуковому) языку, его восприятию и пониманию надо учиться. Подобно усвоению этнического языка этот процесс во многом протекает стихийно.

Проблема периодизации процессов взаимодействия речи и изображения требует углубленного исследования. В работах по теории и истории искусства намечены некоторые пункты такой периодизации. В качестве примера поисков глобальных схем развития искусства можно привести «циклическую теорию» Ф. И. Шмита⁵⁸. Отдельные соображения по этому поводу высказаны в работе Н. А. Дмитриевой, где античность рассматривается как век господства изобразительных искусств, век пластики; Возрождение характеризуется господством живописи; XVIII—XIX вв. — как время, когда «поэзия обгоняет изобразительные искусства»; XIX в. — как «преобладание словесных искусств над пластическими»⁵⁹.

Н. А. Хренов обращает внимание на важность выработки новых теоретических подходов к исследованию роли изображения в искусстве: «Чтобы получить новую информацию об изображении, необходимо смотреть на него шире, чем только с позиций эстетики и искусствознания, и уж тем более шире, чем с позиций эстетики и искусствознания того периода, когда они находились под воздействием обобщений, сделанных над функционированием словесного искусства»⁶⁰. Искусство, разумеется, не стоит особняком в историческом процессе развития общества, поэтому такое требование может быть отнесено не только к искусствоведческой проблематике, но и к философским,

гносеологическим исследованиям роли изображения в познании и коммуникации.

Взаимодействие, о котором говорилось выше, охватывало и другие стороны духовной жизни общества, прежде всего философию, науку и процесс познания в целом. В этих сферах мы также обнаруживаем периоды доминирования тех или иных приемов и методов описания и исследования, связанных с особенностями знаковых систем, используемых преимущественно в данный период. В развитии науки происходит «эскалация изображений», все более обнаруживает себя тенденция (имевшаяся и в прошлом) к возрастанию роли графических, изобразительных средств познания. Складывающиеся в связи с этим познавательные ситуации обладают ярко выраженной специфичностью. Обращение к некоторым фактам из истории науки в последующем изложении и ставит целью выявить «изобразительные» аспекты научного познания.

Изобразительная модель в научном исследовании и конструировании

Предметность мышления проявляется в специфических формах, обусловленных дифференциацией мыслительной деятельности на различные ее виды. Одни из них наиболее близки по своим параметрам процессу создания материальных благ, другие в ходе исторического развития утратили непосредственную связь с материальным производством. Некоторые из них обладают ярко выраженной предметностью. Это относится, в частности, к тем из них, которые связаны с построением и преобразованием чертежей, схем, графиков, диаграмм, используемых в познании и управлении.

Как высокоэффективные для объективного исследования и наглядного представления его результатов расценивал графические средства В. И. Ленин. Анализируя картину борьбы на II съезде РСДРП, он писал: «Чтобы сделать эту картину наглядной, чтобы получить настоящую картину, а не грудку бессвязных, дробных, изолированных фактов и фактиков, чтобы положить конец бесконечным и бестолковым спорам об отдельных голосованиях (кто за кого голосовал и кто кого поддерживал?), я решил попытаться изобразить все основные типы «разделений» нашего съезда в виде диаграммы. Такой прием покажется, наверное, странным очень и очень многим, но я сомневаюсь, можно ли найти другой способ изложения, действительно обобщающего и подводящего итоги, возможно более полного и наиболее точного»⁶¹.

Графические средства, как известно, широко применяются в конструкторской и исследовательской деятельности. Для специалиста, работающего в области конструирования техники, характерен такой специфический вид деятельности, которую обычно называют, с известной долей условности, инженерным мышлением⁶². Этот достаточно нечеткий термин скорее указывает лишь общую направленность деятельности технического специалиста. Одним из приемов, позволяющим более четко зафиксировать эту направленность, служит различие научного исследования и инженерного конструирования, деятельности ученого и инженера по определенным параметрам.

Научное исследование всегда направлено на познание свойств, функций какого-либо явления. «Научное исследование, — пишет, например, И. Г. Герасимов, — это такое систематическое и целенаправленное изучение объектов, в котором используются средства и методы науки и которое завершается формулированием знаний об изучаемых объектах»⁶³. Цель ученого в простейшем случае эмпирического исследования формулируется следующим образом: имеется некоторый объект, необходимо открыть, каковы его свойства, как он функционирует.

Перед инженером (в рассматриваемой нами связи) стоит задача противоположного плана. Он должен придумать, построить устройство, которое выполняло бы наперед заданные функции, обладало бы определенными свойствами. Поэтому важнейшей составной частью деятельности инженера выступает проектирование, конструирование самых различных машин, приборов, установок и т. п. Разумеется, указанное различие познавательной и конструкторской деятельности является абстрактным. В действительности любой ученый неизбежно должен быть и инженером, а любой инженер — ученым. Только такое сочетание, основанное на глубоком внутреннем единстве познания и практики, делает труд того и другого наиболее результативным в большинстве случаев.

Конструирование, рассматриваемое как определенный тип мышления, по своему генезису и характеру наиболее близко производственной деятельности человека. Эта близость, однотипность проявляется прежде всего в аналогичном использовании средств, с помощью которых осуществляются оба вида деятельности. Производя какую-либо потребительную стоимость, человек имеет дело с предметом труда и орудиями, которые опосредствуют его воздействие на этот предмет. В конструировании, которое представляется иногда как чисто мыслительная деятель-

ность, каждый шаг также материализуется с помощью определенных средств в виде графиков, схем, чертежей, которые выступают и как результат, продукт этой деятельности.

Однако график, схема, чертеж также способны фиксировать знание, полученное в научном исследовании, выступать в качестве его результата. Чем же в этом случае отличаются продукты (и, следовательно, цели) деятельности конструктора и ученого? Различие определяется неодинаковыми способами использования (потребления) этих продуктов.

Необходимым условием конструирования является актуальное (или хотя бы потенциальное) воплощение конструкции в материале, создание устройства, реализующего проект. И в этом случае чертеж, схема представляет первый шаг на пути реализации проекта. Можно сказать, что конструкция уже воплощена в некотором материале — в схеме, чертеже, только материал этот еще не обеспечивает реального функционирования устройства⁶⁴.

Если же чертеж или схема являются продуктом научного исследования, они служат лишь средством фиксации и хранения знаний. Машина, созданная по проекту, существует в виде определенного вещественного продукта. Знание, зафиксированное в материальной форме знаковых систем, есть идеальное отражение действительности познающим человеком. Напомним еще раз, что речь идет о дифференциации, связанной с различением функций одних и тех же материальных средств объективации мыслительных процессов в разных сферах человеческой деятельности.

С гносеологической точки зрения чертежи, графики, схемы и подобные им средства, широко используемые в конструкторской и познавательной деятельности, имеют различные функции. Например, функции чертежа, выполненного в ортогональной проекции и изображающего какой-либо механизм или деталь, существенно отличаются от функций принципиальной схемы, скажем, радиотехнического прибора. В первом случае отображается форма элементов и пространственная структура всего устройства, во втором — система функциональных связей, соединяющих элементы в единое целое.

Эти различия соответствуют историческим этапам развития средств отображения эмпирических и теоретических объектов в отдельных сферах науки и техники. Особенности эволюции таких средств отчетливо прослеживаются на разных этапах становления радиотехники.

История радиотехники демонстрирует такой путь развития, познания, который не укладывается в представление о последовательном переходе от чувственного к вербальному отображению как высшей ступени познания. Словесно-понятийное освоение оказывается лишь посредствующим звеном в ходе выработки более адекватных модельно-изобразительных средств. Они складываются тогда, когда данная область действительности подверглась предварительному изучению и когда сформирован понятийный аппарат для ее описания на естественном языке.

Процесс выработки эффективной системы графических знаков и соответствующих теоретических понятий по содержанию (и конечному итогу) — один из видов научной абстракции. Обусловленный объективно проявившимися в практике отношениями независимости функций от конструктивной формы элементов, этот процесс происходил в значительной мере стихийно.

Принципиальная схема, отображающая функциональные связи элементов радиоприбора, представляет собой сеть связей (граф), узлами которой являются элементы прибора, обозначенные условными знаками. По характеру замещения объектов это синтез пространственной графической модели связей и особого рода графических знаков — идеограмм, обозначающих эмпирические объекты и выражающих соответствующие теоретические понятия. Поскольку такая сеть не фиксирует жестко пространственного расположения деталей, она сохраняет связность при топологических преобразованиях.

Общий характер процесса формирования способов построения схем в радиотехнике соответствует в своих главных чертах процессу становления языка научной теории в других отраслях естествознания и техники⁶⁵. Радиосхема исторически сформировалась так, что она не просто моделирует какое-то устройство, но представляет собой отображение связей в системе теоретических или эмпирических понятий. Следовательно, пока соответствующие понятия не сложились, не было и основы для развития графической знаковой системы. Вместе с тем появление первых изображений радиотехнических устройств породило потребность в более совершенных схемах. Это в свою очередь способствовало формированию понятийного аппарата, т. е. происходило своеобразное взаимодействие словесных и изобразительных средств в рамках складывающейся теории.

Таким образом, развитие графических средств шло от передачи внешней пространственной формы (что соответствует по характеру рисунку или чертежу) к передаче, изображению функций. Однако и в том и в другом случае между этими различными способами изображения существует определенная общность. Эта общность может быть зафиксирована как принадлежность чертежа и радиосхемы (и некоторых других типов изображений) к классу знаковых моделей.

Знаковые системы, функционирующие в качестве моделей, требуют соблюдения некоторых условий. Во-первых, «элементарный знак знаковой системы, выступающей в качестве модели или выполняющей функции модели, должен обязательно иметь *предметное значение*, находиться в однозначном отношении к своему предмету и, следовательно, быть его заместителем... указанным предметным значением элементарный знак знаковой модели обладает только в контексте самой системы...». Во-вторых, существенным признаком знаковых моделей в отличие от других, по мнению В. А. Штоффа, служит то обстоятельство, что знаковая модель, «не являясь отображением объекта (моделируемой системы) на уровне элементов, представляет собой образ этой системы на уровне структурном. Структура знаковой модели представляет собой изображение структуры моделируемого объекта»⁶⁶.

Понятие знаковой модели может охватывать не только изображения, передающие структуру объекта, но и изображения, отображающие систему функциональных связей, формирующих целостность объекта. В некоторых случаях, как мы видели, не является обязательным и наличие предметного значения (в теоретических схемах).

Чем же объясняется высокая эвристическая ценность знаковых моделей, обеспечившая их широкое использование в практике инженерного конструирования и в практике научного исследования? Применение знаковых моделей позволяет заменить реальный объект (исследуемый или создаваемый), функционирующий по естественным, природным законам, моделью, правила построения и функционирования которой выбираются, задаются людьми. В каждом конкретном случае используются наиболее оптимальные правила построения таких моделей (скажем, вид проекции, в котором выполнен чертеж, тип условных знаков, приемы преобразования схем и т. д.). Вероятно, это один из важнейших факторов, обеспечивающих высокую эффективность графических средств в научном познании и инженерном конструировании.

Важнейший этап создания научной теории связан с формированием ее объекта. При этом используются различные методы, среди которых следует отметить две группы. Методы первой группы основываются на использовании различных видов абстракции, приводящей к выделению каких-либо (обычно немногих) важных в данном отношении свойств эмпирических объектов и отвлечению от остальных. Методы второй группы в отличие от первой носят конструктивный характер. Их важнейшая черта — формирование объекта теории из таких элементов, которые нельзя выделить путем абстрагирования из известных эмпирических свойств изучаемого объекта.

Между инженерной, конструкторской и исследовательской деятельностью существует, таким образом, фундаментальная связь. Понятия «конструирование», «конструкторская работа» характеризуют поэтому не только создание проектов, воплощаемых затем в реально существующих механизмах и устройствах. Они выражают и существенные черты научного познания. Именно в таком смысле использует их Ф. Энгельс в известном отрывке из «Диалектики природы». Анализируя формы, в которых совершаются научные открытия, он писал, что С. Карно «сконструировал идеальную паровую машину (или газовую машину)...»⁶⁷.

Чтобы выяснить специфику теоретического конструирования, обратимся к приемам построения умозрительных моделей, играющих важную роль при создании теории. Известно, например, что такие модели во многих случаях применял Дж. К. Максвелл. «Теория электричества, которую я лично предпочитаю, — писал он в одной из своих работ, — отрицает действие на расстоянии и приписывает электрическое действие натяжениям и давлениям во всепроникающей среде, причем напряжения принадлежат к тому же роду, который известен технике, среда же идентична той, в которой, как мы предполагаем, распространяется свет»⁶⁸.

Роль подобных моделей в формировании теории была в значительной мере вспомогательной, они служили своего рода искусственной конструкцией, позволяющей выявить закономерную связь явлений. Ученые редко описывают в своих работах такие вспомогательные построения. Возможно, поэтому они производят впечатление необычности. «Можно лишь поражаться, — отмечает Д. Томсон, — что Максвелл пришел к своим уравнениям с помощью рассуждений, где фигурировала сложная модель с вращающимися вихрями, изображавшими магнитные

силы; эти силы передавались частицами, игравшими роль свободных шестеренок в зубчатой передаче — аналоге электрического тока. Если бы такое доказательство кто-нибудь увидел сегодня, то хватило бы и беглого взгляда, чтобы, не колеблясь, выбросить этот труд в мусорную корзину. Подводя итоги, Максвелл отбросил почти весь этот механизм; в результате появилась теория...»⁶⁹

Отметим важные особенности описанных приемов научного исследования: идеальные модели конструируются из элементов, которым могут быть найдены аналоги в практической производственной деятельности («напряжения принадлежат к тому же роду, который известен технике»); эти модели, как и объекты теории вообще, занимают некоторое промежуточное положение, функционируют лишь как средство построения теории. Однако именно с ними связан творческий момент познания. Выполнив свою роль, они оказываются вне рамок теории, и их можно «отбросить» при переходе к математическим формулам.

Таким образом, для теоретического конструирования характерным является создание элементов, из которых строится объект теории, и правил оперирования с ними. Правила построения такого объекта выбираются ученым в зависимости от поставленной задачи. В приведенном примере эти правила (как и вся конструкция в целом) должны были обеспечить переход от эмпирически наблюдаемых фактов к математическому описанию.

В качестве моделей широко применяются изображения, в том числе геометрические построения, причем не только в науках, изучающих пространственные параметры объектов. Во многих случаях они используются для моделирования, например, химических и иных свойств вещества. Хорошо известен знаменитый менделеевский «пасьянс». Распределение информации о химических элементах по их атомным весам (и некоторым другим свойствам) на плоскости помогло увидеть связи между ними, объединить их в периодическую систему⁷⁰.

Д. И. Менделеев обращался к геометрическим построениям и в других случаях, в частности при поисках методов физико-химического анализа. Исследуя свойства растворов, он высказал идею о том, что «на кривых, выражающих свойства растворов в зависимости от состава, должны... быть «особые точки» в смысле геометрическом, т. е. максимумы, разрывы, переломы и т. п.»⁷¹.

Вот как характеризует метод физико-химического анализа один из его основоположников — Н. С. Курнаков: «В отличие от обычно применяемого «препаративного»

пути физико-химический анализ изучает не отдельные тела, а свойства полной равновесной системы, составленной из определенного числа компонентов. Получаемая при этом диаграмма состав — свойство представляет графическое изображение той сложной функции, которая определяет отношение между составом и свойствами однородных тел или фаз, образующихся в системе. Не зная в большинстве случаев алгебраического уравнения этой функции, мы можем выразить точно, графическим путем, взаимные соотношения состава и свойства, и притом не только качественно, но и количественно»⁷².

Геометрические построения, таким образом, рассматриваются как совершенно очевидное и эффективное средство изучения химических свойств вещества. Диалектика процесса познания такова, что непространственные, химические свойства находят свое наиболее адекватное отображение в пространственных, геометрических построениях. Геометрические изображения позволяют создать теоретическую модель химической системы. В конечном счете такой подход привел к разработке высокоэффективного метода физико-химического анализа.

Построение пространственных конфигураций не есть нечто второстепенное для научного исследования. Оно входит в самую ткань мыслительного процесса ученого. Менделеев не знал заранее, что получится из его «пасьянса», как не знали этого и другие ученые, строившие такие модели. Следовательно, в этих построениях реализуется важнейший этап научного исследования, этап, раскрывающий диалектику творческого процесса ученого.

Построение и перестроение геометрических фигур часто представляется как сугубо элементарная, не связанная с творческими мыслительными процессами деятельность. На самом деле она может опосредствовать самые глубокие, творческие шаги научного познания. Можно напомнить в этой связи данную Ф. Энгельсом характеристику становления тригонометрии: «После того как синтетическая геометрия до конца исчерпала свойства треугольника, поскольку последний рассматривается сам по себе, и не в состоянии более сказать ничего нового, перед нами благодаря одному очень простому, вполне диалектическому приему открывается некоторый более широкий горизонт. Треугольник более не рассматривается в себе и сам по себе, а берется в связи с некоторой другой фигурой — кругом... если гипотенуза = r , то катеты образуют синус и косинус... Благодаря этому стороны и углы получают совершенно иные определенные взаимоотношения, кото-

рых нельзя было открыть и использовать без этого отнесения треугольника к кругу, и развивается совершенно новая, далеко превосходящая старую теория треугольника, которая применима повсюду... Это развитие тригонометрии из синтетической геометрии является хорошим примером диалектики, рассматривающей вещи не в их изолированности, а в их взаимной связи»⁷³.

Проанализированные примеры относятся к XIX в., и может сложиться впечатление, что описанный метод теоретической работы характерен для науки прошлого века и не является эффективным для современной науки. Однако дело обстоит далеко не так. Среди самых впечатляющих открытий нашего века — раскрытие структуры ДНК в 50-х годах. И здесь на завершающем этапе был использован прием, чрезвычайно близкий описанным. Одна из принципиальных трудностей состояла в необходимости найти приемлемые способы сочетания четырех оснований (аденина, тимина, цитозина и гуанина) в структуре ДНК.

Вот как описывает решающий шаг один из авторов открытия, Д. Д. Уотсон. Вырезав точные изображения оснований из картона, он принялся раскладывать на столе пары оснований, соединенных в молекуле водородными связями. «И вдруг я заметил, — пишет Уотсон, — что пара аденин — тимин, соединенная двумя водородными связями, имеет точно такую же форму, как и пара гуанин — цитозин, тоже соединенная по меньшей мере двумя водородными связями». Затем была собрана конструкция, в которой макеты атомов были расположены в трехмерном пространстве, «как того требовали и рентгенографические данные и законы стереохимии. Получилась правозакрученная двойная спираль с противоположным направлением цепей»⁷⁴.

Таким образом, процесс научного исследования оказывается не только теоретическим воспроизведением материальной производственной деятельности, но включает в себя операции и процедуры, аналогичные по своим параметрам предметно-орудийной деятельности общественного человека. Наличие в процессе построения научной теории процедур, аналогичных конструированию и некоторым технологическим приемам, рассматривается как подтверждение единства принципов, на которых строится материальная производственная деятельность и познание. Ф. Энгельс писал о математических действиях, «допускающих материальное доказательство, проверку, — так как они основаны на непосредственном материальном созерцании, хотя и абстрактном...»⁷⁵. Абстрагирование, следо-

вательно, может строиться на «непосредственном материальном созерцании» и, разумеется, на оперировании с соответствующими предметами. В процессе познания оказываются неразрывно связанными сугубо теоретические приемы абстрагирования с приемами предметно-практической деятельности, обуславливающими созидательный, творческий характер мышления.

Наука развивается как социальный организм, и ученый работает по закрепленным в социальной памяти нормативам. Эти нормативы меняются от одного этапа развития науки к другому. В основе научного метода лежит опирающееся на многовековой опыт представление о том, что познание всегда имеет дело с объектами (вещами, свойствами, отношениями). Именно поэтому социально обусловленные нормативы, приводящие к получению знания, которое нельзя отнести непосредственно к эмпирическим объектам, и «вынуждают» ученого конструировать теоретический объект.

На некотором этапе развития какой-либо отрасли естествознания постепенно накапливаются новые факты, которые нельзя отнести к сформированным ранее теоретическим объектам. Такое «неорганизованное» знание начинает сдерживать дальнейшее движение в сфере научного познания. Чтобы организовать его, привести в систему, нужен переход к новому уровню. К уже сформированным объектам теории в такой ситуации подходят как к эмпирическим и строят из них, беря их в качестве элементов, новую организацию знания, объект нового уровня.

Подобного рода диалектические переходы составляют одну из существенных особенностей научного познания. В этой связи приемы построения теоретических объектов науки можно рассматривать как проявление в деятельности ученого диалектического взаимодействия способов и средств материального производства и научного познания.

ГЛАВА V
**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ**

Мышление человека, складывающееся в процессе активного преобразования природных и социальных явлений, по мере своего развития приближается ко все более адекватному отражению объективной реальности. При этом мировоззренческие установки составляют методологический фундамент, на котором формируется все многообразие мыслительных процессов, являясь необходимым компонентом познания и преобразования мира. Именно поэтому одной из важнейших задач коммунистического строительства является выработка научного мировоззрения у всех советских людей. В решениях съездов, в других партийных документах определены основные направления деятельности партии в этой сфере. «Сердцевиной всей идейно-воспитательной работы партии, — отмечалось на XXIV съезде КПСС, — является **формирование у широчайших масс трудящихся коммунистического мировоззрения**, воспитание их на идеях марксизма-ленинизма»¹.

Дальнейшее развитие и конкретизацию это положение получило на XXV съезде КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии было сказано: «В современных условиях, когда объем необходимых для человека знаний резко и быстро возрастает, уже невозможно делать главную ставку на усвоение определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации»².

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии поставлена цель: «...добиться на деле единства идейно-теоретической, политико-воспитательной, организаторской и хозяйственной работы партии»³. Партия последовательно проводит ленинскую линию на выработку диалектико-материалистического мировоззрения у всех советских людей. «Незыблемая основа коммунистического воспитания, — подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — **формирование марксистско-ленинского мировоззрения**. Важно добиваться глубокого усвоения всеми ком-

мунистами, трудящимися революционного учения Маркса, Энгельса, Ленина, дающего ключ к постижению и решению сложнейших проблем общественного развития»⁴.

Функции мировоззрения: картина мира или механизм управления!

Эффективность решения поставленных в партийных документах задач зависит, помимо прочих условий, и от уровня наших знаний о процессах формирования и функционирования мировоззрения и их использования в практической деятельности. В работах советских философов раскрыта взаимосвязь мировоззрения и практически преобразующей деятельности человека, его зависимость от всей системы социальных отношений, от степени усвоения культуры и других факторов. Однако многие проблемы требуют дальнейшего исследования. В частности, возникает необходимость изучения природы систематизирующих связей, интегрирующих получаемые субъектом знания в целостное мировоззрение, роли различных типов знания в его формировании, функций мировоззрения в социальной деятельности. В ходе исследования возникает также потребность в сопоставлении структурно-функциональных характеристик мировоззрения и социальной памяти на разных исторических этапах их развития.

Актуальность исследования указанных сторон диктуется также тем обстоятельством, что мировоззренческая проблематика служит ареной острой идеологической борьбы. В фокусе этой борьбы часто оказывается факт бурного роста информационных процессов в обществе, прежде всего количества передаваемой и используемой информации. Некоторые буржуазные философы, идеологи и политики пытаются превратно истолковать его и использовать в апологетических целях защиты капитализма.

Например, Ю. Хабермас и Н. Луман выдвигают тезис о принципиальной независимости коммуникационных процессов от других сторон жизни общества, утверждают, что коммуникация является определяющей силой «конституирования» общества⁵. Японский футуролог Д. Кишида предложил концепцию «многоалтарного общества», в котором каждый может поклоняться «своим» богам, ориентироваться на любые идеологические и ценностные установки. Благодаря развитию технических средств коммуникации каждый человек получает доступ к любым идеям, взглядам, ценностям, выбирает их по своему вкусу и строит в соответствии с ними свое поведение⁶. Понятно,

конечно, что, какого бы уровня развития ни достигли технические средства коммуникации (и техника вообще), само по себе это обстоятельство не может определять свободу выбора информации и тем более свободу выбора образа жизни.

Абсолютизацию роли информационной «составляющей» в жизни общества можно обнаружить также в работах М. Маклюэна, К. Дойча, Д. Ламбертона и других западных авторов⁷. Апологетическую направленность подобных построений ярко демонстрируют рассуждения Г. М. Энценбергера. Имея в виду средства массовой коммуникации, он говорит об «индустрии сознания», которая развивается быстрее всех других отраслей промышленности. Эта всепроникающая «индустрия сознания» изменяет представления человека о мире, разрушает традиции. Но в то же время, утверждает Энценбергер, в современных «обществах изобилия», к которым он относит и социалистические и капиталистические страны, сохраняется эксплуатация человека человеком. Под воздействием «индустрии сознания» меняются лишь наши представления о ней⁸. Как видно, рассуждения об «индустрии сознания» здесь используются, чтобы провести далеко не оригинальную «идею» об отсутствии принципиальных различий между социалистическим и капиталистическим строем.

Поэтому большое значение приобретает объективный научный анализ с позиций диалектического и исторического материализма действительного воздействия факта изобилия информации на жизнь общества, в особенности на формирование мировоззрения.

Каждый человек имеет представление о мире, о своем месте в нем, о смысле бытия и целях собственной деятельности. «Мировоззрение — совокупность принципов, взглядов и убеждений, определяющих направление деятельности и отношение к действительности отдельного человека, социальной группы, класса или общества в целом»⁹.

Помимо знаний в составе мировоззрения выделяют убеждения, которые рассматриваются в качестве непосредственных регулятивов деятельности¹⁰. Надо заметить, однако, что знания нередко направляют действия человека и не пройдя еще стадию превращения в убеждения. Так происходит в случае отсутствия достоверных и детальных сведений о каких-либо сторонах реальности. Естественно, что такая фрагментарная информация не превращается в убеждения. Однако в некоторых ситуациях человек вынужден опираться на подобного рода знания в своей деятельности, осознавая при этом их недостаточность.

Проанализировав имеющиеся в литературе определения понятия мировоззрения, В. Ф. Черноволенко выделяет три группы таких определений. К первой он относит определения, отождествляющие мировоззрение с философией; ко второй — такое понимание мировоззрения, которое включает все содержание общественного сознания, при этом философия остается ядром мировоззрения; третья группа занимает промежуточное положение¹¹. Не претендуя на подробный разбор, отметим, что во всех проанализированных В. Ф. Черноволенко случаях к мировоззрению подходят преимущественно со стороны его структуры, выделяя составляющие его части. Однако структура зависит от функции, и поэтому системная, целостная характеристика исследуемого объекта предполагает выявление его места и роли в том более сложном образовании, в состав которого он входит. Применительно к исследуемой проблеме такая методологическая позиция означает, что структура мировоззрения должна характеризоваться на базе предварительного выяснения его функции.

Вопрос о роли мировоззрения должен решаться на основе марксистско-ленинской теории отражения. Сознание, как общественное, так и индивидуальное, есть не что иное, как процесс сознательного отражения действительности субъектом — какой-либо социальной группой или (на этой основе) отдельным человеком. Соответственно и такой важный компонент общественного и индивидуального сознания, как мировоззрение, должен быть проанализирован с этой позиции.

Одним из важнейших принципов марксистско-ленинской теории отражения является принцип активности сознания. Конспектируя Гегеля, В. И. Ленин отмечал, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹². Активность сознания реализуется не сама по себе, а через систему практической деятельности. В системе практической деятельности субъекта она проявляется в том, что сознание выполняет две взаимосвязанные функции: познавательную (или отражательную) и регулятивную¹³.

Указанные функции тесно связаны между собой, поскольку сознание регулирует практическую деятельность субъекта на основе знаний, полученных в процессе познания действительности. Отображая окружающий мир, субъект получает знания, которые затем функционируют в качестве идеальных средств — программ, методов социальной деятельности.

Эта деятельность может быть как практической, так и теоретической. Например, в математике знание теоремы Пифагора может использоваться субъектом при доказательстве других теорем или при вычислении длины гипотенузы или катета. В медицине знание обменных процессов в организме и их нарушений при определенных патологических процессах позволяет осуществлять соответствующую терапию. В марксистской политэкономии знание механизма действия прибавочной стоимости необходимо порождает вывод о неизбежности революционного преобразования капиталистических экономических отношений и капиталистического общества в целом, т. е. является одной из теоретических основ программы практического революционного переустройства общества, которая была разработана классиками марксизма.

Исследование роли мировоззрения в регуляции практической и теоретической деятельности позволяет выявить малоизученные стороны проблемы, подойти к мировоззрению как к одной из важнейших функций общественного и индивидуального сознания. *«Мировоззрение представляет собой особую организацию сознания, которая выполняет функцию духовно-практического устройства и переустройства всего миропорядка, определения коренных целей и смысла человеческого существования»*¹⁴.

Мировоззрение, следовательно, непосредственно связано с регуляцией практической деятельности субъекта. Так, хорошо известно, что идейно-воспитательная работа КПСС, направленная на формирование у широких масс трудящихся подлинно научного, марксистско-ленинского мировоззрения, является одним из важнейших факторов социалистического и коммунистического строительства. Объясняется же это именно тем, что содержание мировоззрения того или иного человека определяет характер его практической деятельности, ее социальную сущность и направленность.

Выступая в качестве регулятора социальной деятельности личности, группы, класса, мировоззрение дает точку отсчета для сопоставления глубинных внутренних мотивов и внешних условий деятельности. Если люди обладают прочным марксистско-ленинским мировоззрением, для них внутренней необходимостью является активное и сознательное участие в строительстве нового общества. Для тех же, у кого преобладают мещанские, мелкобуржуазные взгляды, основным мотивом становится забота о своих эгоистических интересах, и участие в созидательном труде обусловлено лишь внешней необходимостью. Вме

сте с тем успешно решать сложные практические задачи современного экономического и социально-политического развития можно только в том случае, если эмоционально-волевая направленность людей опирается на глубокое понимание основных закономерностей развития действительности.

Основное направление деятельности индивида определяется теми реальными общественными отношениями, в которые он включен. Однако характер их воздействия на человека зависит также и от уровня осознания этих общественных отношений. При социализме необходимым условием продуктивной, творческой деятельности личности становится ясное понимание законов функционирования общества. Выработка глубокого осознания этих законов является целью усилий по формированию научного мировоззрения. Эти усилия опираются на коллективный разум общества, продукты которого — научные теории, идеи, взгляды, произведения искусства, хранящиеся в социальной памяти, составляют арсенал духовной жизни.

Коллективный разум — категория конкретно-историческая¹⁵. На разных исторических этапах развития общества роль его основного звена выполняли различные социальные образования, выражающие в идеологических формах господствующие в данном обществе экономические отношения. При первобытнообщинном строе это было мифологизированное сознание рода и племени — продукт коллективного творчества всех его членов. Разделение труда и выделение классов привело затем к появлению специфической прослойки людей — служителей религиозного культа, занятых производством религиозного сознания, отражавшего (и закреплявшего) классовое деление общества и идеалистически искаженное представление о мире в целом.

С появлением философии и науки (с выделением соответствующих видов деятельности, с созданием научных организаций и т. п.) стало формироваться секуляризованное сознание, серьезно потеснившее религиозное. Последующее развитие науки привело к коренным изменениям в содержании социальной памяти, где все большее место стало занимать объективное знание о мире. Прогресс в научном познании общества, связанный с созданием диалектического и исторического материализма, привел к пониманию неизбежности его революционного преобразования.

Победа социалистических общественных отношений впервые открыла возможность привести деятельность лю-

дей в соответствие с объективными законами истории, с задачами прогрессивного развития человечества. Однако эта возможность не реализуется автоматически. Направляя усилия ученых, в первую очередь обществоведов, на объективное исследование возникающих в ходе развития общества новых явлений, тенденций, противоречий, партия стремится к совершенствованию коллективного разума, выступая главной движущей силой его развития.

Усвоение накопленных в ходе исторического развития человечества научных знаний, этических норм, художественных ценностей — необходимое условие всестороннего развития личности. «Коммунистом стать можно лишь тогда, — подчеркивал В. И. Ленин, — когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»¹⁶. Обобщенный критерий усвоения этих богатств отдельным человеком — глубина, научность, целостность и диалектичность его мировоззрения, способность решать сложные практические и теоретические задачи.

Роль мировоззрения в познании

Итак, первая и основная функция мировоззрения — регуляция практической деятельности субъекта (личности, группы, класса). Необходимость такой регуляции обуславливает в значительной мере и сам ход формирования мировоззрения. Сложившееся мировоззрение охватывает своим «контролем» все сферы жизнедеятельности субъекта, включая и процесс познания объективной реальности. Это выражается в том, что оно дает субъекту общую схему и способы переработки всей поступающей к нему информации. Обсуждение этой стороны мировоззренческой проблематики представляется особенно актуальным в связи с фактом лавинообразного нарастания информационных потоков.

Необходимость анализа мировоззрения с указанных позиций диктуется помимо внутренней логики проблемы и тем обстоятельством, что современные буржуазные исследователи делают попытки трактовать некоторые категории марксистской философии с точки зрения системно-информационного подхода. Например, Ф. Гейер предлагает рассматривать отчуждение как общее понятие, указывающее на различные виды нарушений в процессе передачи информации, различные отклонения от оптимального функционирования человека как системы обработки информации¹⁷. Хотя проблема отчуждения, бесспорно, имеет информационный аспект, вряд ли она целиком может быть сведена к нему.

Проследив, хотя бы в самых общих чертах, процесс получения человеком представлений и понятий о мире, составляющих, как принято считать, его мировоззрение, мы прежде всего обнаружим, что ни один человек не изучает непосредственно, эмпирически «мир в целом». Большую часть знаний он получает из самых различных источников — книг, радио, телевидения, бесед с другими людьми и т. д. Во всех этих случаях он имеет дело не непосредственно с явлениями, а с их отображением, уже прошедшим через сознание людей и «записанным» в памяти общества¹⁸. Существование субъекта в информационном поле — общая закономерность, которая действует как в процессе формирования, так и в процессе развития и функционирования мировоззрения.

Наиболее существенная часть процесса переработки информации человеком, как уже говорилось, протекает на базе двух исходных знаковых систем — изображения и устной речи, а также различных их комбинаций. Перевод информации в знаковую форму позволяет выявить такие ее характеристики, которые легче поддаются классификации, оценке и отбору. Следовательно, условием такого индивидуального оперирования является перевод информации в общезначимую, социальную форму.

С учетом изложенного выше процесс функционирования мировоззрения в качестве метода познавательной деятельности можно понимать как процесс взаимодействия индивида с объективно существующей системой социальной памяти, с системой объективированных, воплощенных в знаковых образованиях знаний. Даже если представить процесс развития и функционирования мировоззрения как пассивное усвоение индивидом определенного количества информации, циркулирующей в обществе, то все равно возникает вопрос о природе селективного механизма, который отбирал бы из всего потока поступающей к человеку информации ту, которая войдет в его мировоззрение. Однако в силу активности процесса сознательного отражения правильнее говорить не только о механизме отбора, но и о механизме переработки информации, активной ее ассимиляции индивидом.

Какова же природа этого механизма? При характеристике процесса формирования методов практической деятельности субъекта отмечалось, что сущность этих методов определяется содержанием знаний, на основе которых они формируются. Та же самая связь имеет место и в процессе формирования методов познания. Способ, каким осмысливается и организуется вся вновь поступающая ин-

формация, зависит от исходных взглядов, с необходимостью формирующихся в массовом сознании под влиянием общественных отношений как объективных условий существования людей.

Какие же взгляды оказываются наиболее важными для формирующегося мировоззрения? Очевидно, те, которые отображают наиболее важные для практической деятельности субъекта стороны объективной действительности. Согласно материалистическому пониманию истории, самой важной стороной общественной жизни являются отношения производства материальных благ и отношения производства самого человека. Отображение этих сторон общественной жизни и составляет ядро мировоззрения, ту его основу, которая выступает средством организации и истолкования всей прочей информации, поступающей к субъекту. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹⁹. Очевидно, этот тезис имеет силу и применительно к мировоззрению. Попытаемся проследить, хотя бы очень бегло, как исторически сменявшиеся типы мировоззрений детерминировались определенными сторонами материального производства. Этот исторический экскурс тем более необходим, что «процесс воспитания (включая и формирование мировоззрения. — В. К.) есть в конечном счете процесс сокращенного и рационализированного воспроизведения развития человечества в развитии отдельных индивидов, социального филогенеза в социальном онтогенезе»²⁰.

Как известно, на первых этапах родового строя господствовало мифологизированное общественное сознание. Основной особенностью такого сознания было перенесение общинных кровнородственных связей на мир в целом. «В эпоху общинно-родовую, — пишет А. Ф. Лосев, — для всякого мышления понятнее всего именно родовые отношения... Когда такое мышление пытается понять окружающую природу, то родовые отношения одушевленных существ прямо переносятся на весь окружающий мир, так что весь мир является как бы огромной родовой общиной»²¹.

Люди той эпохи (не сознавая этого) видели мир через призму кровнородственных связей, воспроизводили их систему в другом (мыслительном) материале, включая в нее элементы как рационального, так и фантастического осмысления явлений. Изучение материальных общественных отношений родового строя и обусловленных ими форм сознания позволило выявить некоторые особенности этой детерминации. Исследователи родового строя установили,

что, во-первых, кровнородственные связи имели не только биологическую, но и социальную природу; во-вторых, осознавались эти связи (и соответствующая им структура) именно как кровнородственные; в-третьих, в таком виде они переносились на мир в целом, служили средством познания и объяснения мира. Знание о социальной структуре общества, полученное в повседневной практике, становилось, таким образом, средством познания всех других явлений, механизмом переработки всей получаемой человеком информации. Новая информация организовывалась в соответствии со схемой кровнородственных связей.

Подобные переносы знания об одних явлениях на другие вообще характерны для процесса познания. И на последующих этапах общественного развития сохранилось отмеченное взаимодействие, но уже при изменении конкретного содержания самой информации. Осознание фундаментального значения социальных отношений было неадекватным (превращение формы сознания). Вместе с тем эти превращенные формы выполняли функцию средств переработки информации о других (чаще всего несоциальных) явлениях. Ссылку на неадекватность воспроизведения социальных отношений в сознании нельзя понимать как недетерминированность и произвольность его форм. Наоборот, способы и формы осознания явлений действительности с необходимостью детерминированы объективно значимыми социальными связями, выдвинувшимися на первый план в результате прогрессивного развития общества.

Знание об основных компонентах социальной структуры общества служит схемой переработки информации о всех других социальных и природных связях и отношениях. Соотношение здесь аналогично тому, которое существует между теорией и методом познания в современной науке. Научная теория, когда она создана, начинает функционировать как средство дальнейшего познания объектов, которые описываются данной теорией. Причем сфера применимости теории часто существенно расширяется. Теория не только раскрывает сущность тех или иных явлений, объясняет их, но и становится мощным инструментом научного исследования. Она при этом выступает как схема организации больших массивов информации, полученной на эмпирическом уровне.

Такое представление дает возможность проанализировать исторические этапы развития познавательной деятельности человека в связи с изменением мировоззренческих установок. В частности, переход от мифологического к мета-

физическому типу мышления, метафизическому воззрению на мир объясняется качественно новым этапом общественной жизни. Начало перестройки связано с переходом от родового строя к рабовладению, изменившим социальную структуру и социальные связи общества. В мифологизированном сознании и реальное оперирование с чувственно-предметными элементами производства, и различного характера ритуальные действия представлялись как равнозначные и обязательные компоненты процесса труда. «Техника и технология в структуре архаических социальных организаций не осознавалась в качестве самостоятельного феномена». Технологические процессы, «растворенные в системе «естественных» действий, не могли быть организованы в такую упорядоченную систему технических средств, которые могли бы подвергаться сознательному совершенствованию и развитию»²².

Лишь постепенно, в ходе длительного развития и совершенствования производства выявлялись объективные связи этого процесса. Д. Д. Фрэзер, рассматривая переход от магии к религии, пишет: «Со временем проникательные люди, должно быть, заметили, что в действительности магические обряды и заклинания не приносят результатов, на которые они рассчитаны... Люди увидели, что принимали за причины то, что таковыми не являлось, поэтому все их старания действовать с помощью этих воображаемых причин оказались тщетными. Мучительный труд затрачивался даром, пытливая изобретательность расточалась бесцельно»²³. Различие между магией и религией, доходящее, по Фрэзеру, до противоположности, не исключает наличия у них общих черт. Одна из таких общих черт — ритуал, представляющий собой определенную последовательность (комплекс) стандартных действий, включенных в процесс производства, но объективно не связанных с предметом труда.

Отделение духовного производства от материального обусловило возможность (и необходимость) подходить к материальному производству и с технологической стороны. Технология, когда ее рассматривают дифференцированно от других социальных параметров материального производства, легче поддается рационализации. Возможно, именно это обстоятельство обусловило некоторые черты представлений о мире древнегреческих философов. Побуждаемые социальными причинами к борьбе против господства мифологизированного взгляда на мир, они стали представлять мир в целом как аналог технологического процесса.

Обостренное внимание к технологии стало (уже в новое время) стимулом развития естественных наук. Сложивши-

еся на этом этапе методы естествознания были обусловлены социальными факторами. Основные приемы познания науки того времени имели ярко выраженную аналитическую направленность (разложение сил в механике, анализ в химии). Как только наука (одна из наук, например механика) достигла некоторого совершенства, ее методы стали образцом научного исследования любых закономерностей (а не одних механических). Сформировался метафизический подход к объяснению явлений не только природы, но и общества.

Можно представить этот процесс в виде ряда переходов, превращений, конечный этап которых зафиксирован в форме определенного — метафизического мировоззрения. Первым звеном такой цепи выступают особенности процесса материального производства — расчленение, разделение трудовых операций и самого предмета труда. Второе звено — воспроизведение этой особенности в определенных социальных отношениях и затем в сознании (и поведении) людей. Третье звено — формирование естественных наук, которые переносят способ осознания социальной действительности (точнее, части этой действительности — материального производства, взятого с технологической стороны) на природу. И наконец, круг замыкается — метафизический подход обращается на само общество в целом.

Основная черта метафизического метода — расчленение мира или любого фрагмента действительности на части и изучение, исследование этих частей (вещей, предметов) в их неподвижности и обособленности. По своей сути это рационализированное воспроизведение структуры технологических процессов вообще и в особенности характерных для мануфактуры.

Источник метафизического подхода к объяснению мира лежит в особенностях процесса материального производства. Но этот процесс, с какой бы стороны мы его ни взяли, — явление изначально социальное. Хорошо известно, что, взятая в целом, в общем, технологическая сторона производства обуславливает социальную структуру общества и ее воспроизведение в сознании людей.

«Технология, — отмечал К. Маркс, — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из

данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»²⁴. Как видим, К. Маркс считает необходимым не просто обнаружить связь тех или иных форм общественного и индивидуального сознания, того или иного воззрения на мир с материальными отношениями. «Единственно научный метод» предполагает, по К. Марксу, выведение из «данных отношений реальной жизни» соответствующих мыслительных форм.

Но такой взгляд стал возможным уже с более высоких мировоззренческих позиций, именно с позиций диалектического и исторического материализма, рассматривающих различные стороны общественной жизни как взаимосвязанные и взаимообусловленные, а само общество — как сложную развивающуюся систему, имеющую целую иерархию структурных уровней и функций. Переход к системно-историческому, «формационному» представлению общества можно рассматривать как более высокий этап развития социального знания. На этом этапе основанием, источником такого знания становится не какая-то одна сторона общественной жизни, а совокупность общественных связей и отношений, в которой выделяются связи фундаментальные, системообразующие.

Конечно, общество в любую эпоху своего развития представляет собой сложную самоуправляемую систему. Однако его системные связи и отношения выдвигаются на первый план, становятся «видимыми» лишь на определенном этапе — этапе господства капиталистического способа производства. На этом этапе технологическая сторона процесса производства в какой-то мере теряет роль призмы, через которую люди смотрят на природу и общество. Теперь уже не знание о технологических параметрах производства, а знание о складывающейся в процессе производства между людьми системе («совокупности») общественных отношений становится методологической основой познания общества. Такой подход и был, как известно, реализован К. Марксом. Он выражается «в рассмотрении социальных явлений через базисные свойства соответствующей формации, т. е. через отнесение их к определенной системе и объяснение в рамках законов этой системы»²⁵.

Разумеется, описанными связями между практически-предметной, трудовой и познавательной деятельностью человека не исчерпывается диалектика их взаимодействия. Это лишь одно из звеньев такого взаимодействия, включающее в качестве своей основы не только технологическую

сторону процесса производства, но прежде всего складывающиеся в нем материальные общественные отношения. Исследование этого звена позволяет выявить еще одну сторону диалектической взаимосвязи практики и познания, реализуемой в мировоззренческих установках личности, группы, класса.

Целостность мировоззрения как проявление единства практики и познания

Ставя задачу выработки марксистского мировоззрения, В. И. Ленин характеризует его как целостное, научное, последовательно материалистическое²⁶ Целостность мировоззрения проистекает из органического сочетания социальной практики и познания в едином процессе преобразования мира и его отражения в сознании человека. Мировоззрение охватывает весь мир, ибо в нем воспроизводится, говоря словами И. Канта, и звездное небо над головой человека, и нравственный закон в нем самом, и все остальное, что может уместиться между этими крайними точками.

Вспомним в связи с этим мысль Ф. Энгельса о диалектике, которая «является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы. для переходов от одной области исследования к другой». Ф. Энгельс также говорит об аналогии «между процессами мышления и процессами природы и истории — и обратно...»²⁷⁻²⁸. Речь идет не о каком-то частном методе мыслительной деятельности, а о ее наиболее фундаментальных диалектических закономерностях, которые и составляют основу диалектико-материалистического мировоззрения.

Мировоззрение — это не сам мир, поскольку оно есть его отражение, но в то же время это не его статичная копия. Это именно аналог, в котором воспроизведены все основные компоненты мира и отношения между ними, т. е. «устройство» мира в целом, включая и природу, и общество, и мышление. Как и мир, оно устойчиво и определено; как и мир, оно подвижно и изменчиво; как и мир, оно и сохраняется и развивается. Поэтому любое новое явление, представшее перед человеком, находит в нем свое место.

Иногда мировоззрение называют моделью мира. Это верно лишь отчасти, ибо модель всегда охватывает одну из сторон реальности, в лучшем случае несколько таких сторон.

Мировоззрение воспроизводит общие черты мира в целом. Оно может быть ограниченным, и оно всегда неизбежно ограничено исторически. Но оно всегда целостно. Эта целостность детерминирована в двух отношениях. Во-первых, адекватное воспроизведение мира, важнейшим свойством которого является единство (состоящее, как известно, в его материальности), возможно только в системе, также обладающей единством, целостностью. Во-вторых, эта целостность производна от методологической функции мировоззрения.

Если первая связь реализуется на уровне системы научных знаний, то вторая обуславливает целостность мировоззрения любого уровня. Последнее может быть с объективной точки зрения (т. е. с точки зрения, внешней по отношению к носителям данного мировоззрения) фрагментарным, содержащим в качестве компонентов не только верное, но и искаженное, иллюзорное отражение действительности. Но с точки зрения его функционирования «внутри» личности или группы оно выступает как целостная система методологических установок, обеспечивающих единство человеческой деятельности.

Целостность мировоззрения отчетливо проявляется в действии механизма принятия решений. В первой главе был поставлен вопрос об этом механизме, необходимым и важнейшим звеном которого выступает процесс переработки имеющейся в распоряжении человека информации. Процесс переработки информации (на интересующем нас этапе) можно представить следующим образом. Вся поступающая информация, которая по каким-либо причинам оценивается предварительно как важная, фиксируется в знаковой (словесной или изобразительной) форме. Предположим, что принимаемое решение должно быть оценено с точки зрения его соответствия моральным нормам и правилам. В этом случае вербализованная информация, выражающая характеристики вытекающих из предполагаемого решения действий, сопоставляется с имеющимися у субъекта ценностными установками (этическими нормами) ²⁹.

Поскольку моральные нормы зафиксированы в соответствующих понятиях (совесть, честь, справедливость и т. д.), то можно предположить, что сравниваются, сопоставляются понятия различной степени общности, выраженные в слове. Конкретная информация формулируется в понятиях меньшей общности (меньшего объема — по логической терминологии). Если понятия, обобщающие конкретную социальную информацию по зафиксированным в них признакам социальной действительности, не противоречат призна-

кам, зафиксированным в соответствующей норме, информация оценивается положительно. Противоречие с нормой вызывает негативную оценку. Информация при этом сопоставляется со всеми наиболее существенными нормами.

Однако такой формально-логический способ переработки информации пригоден, вероятно, лишь в стандартных, многократно повторяющихся ситуациях. Усложнение, необычность ситуации приводят к тому, что возникает несоответствие между оценками одной и той же информации с позиций различных норм (например, долг — совесть, любовь — справедливость и т. п.).

Тогда-то и вступает в действие механизм более высокого уровня — мировоззрение. Мировоззрение, как известно, связано с философским осмыслением мира, с формированием системы общих методологических (т. е. определяющих содержание и формы деятельности) установок. При этом характер процесса переработки информации коренным образом меняется. Из формально-логического он превращается в диалектический. Обусловлено это качественным отличием мировоззренческих установок от понятий, которые, хотя и обладают достаточно высокой степенью общности, все же носят преимущественно односторонний характер, отражая какую-то одну сторону социальной действительности. На этом уровне оценки, полученные с помощью норм, и сами нормы вновь «пересматриваются». «Включенные» в континуум мировоззрения, они утрачивают свой жесткий, односторонний характер и, диалектически взаимодействуя с другими компонентами, в конечном счете позволяют найти решение. Решение это нельзя представить как результат «калькуляции». Оно формируется не только и, пожалуй, не столько конкретным содержанием противостоящих понятий, отражающих диалектические противоречия социальной действительности, сколько теми общими параметрами мировоззрения, которые сложились в единую, нерасчлененную «картину мира». В этой «картине», как в котле, «перевариваются» противоречащие друг другу понятия и рождается решение, которое при переходе в действие может быть выражено и в словесной форме.

Если попытаться представить этот механизм более детально, то можно сказать следующее (конечно, сугубо предположительно). Вербализованная информация, поступающая в «горнило» мышления, освобождается от словесной оболочки, переходя в нелинейную, континуальную форму. Именно с такой информацией и работает мышление. Деятельность мышления состоит в постройке конструкции, в которой эта информация нашла бы свое место. Или, мож-

но сказать по-другому, человек стремится «встроить» ее в здание мировоззрения, найти для нее соответствующее место в системе установок деятельности и в соответствующей этой системе «картине мира».

Как уже упоминалось, нет и не может быть личности, не имеющей каких-либо представлений о мире и месте человека в нем. Эти представления могут быть весьма примитивными, малообоснованными, ненаучными и т. п. Но они есть у каждого человека и при этом существуют в виде системы, сложившейся в процессе индивидуального развития. Система эта часто базируется не на логических связях между компонентами мировоззрения, а на связях, так сказать, исторических, обусловленных индивидуальной траекторией развития личности.

Понимание явлений внешнего мира, собственного поведения и поступков других людей — все это рассматривается и оценивается сквозь призму устоявшихся взглядов. Интерпретация всей поступающей к человеку информации оказывается такой, что она подтверждает или хотя бы явно не противоречит имеющимся у человека взглядам. Та информация, которая прямо противоречит мировоззренческим установкам, нередко просто не принимается во внимание как несущественная.

Поэтому каждое новое событие, если оно не выходит слишком резко за границу обыденного круга явлений, только упрочивает этот конгломерат взглядов, нередко противоречивых, но тем не менее спаянных в единое целое всем жизненным опытом субъекта. И лишь в случаях крупных социальных потрясений, когда разрушается весь привычный уклад жизни, возникает возможность коренной перестройки мировоззрения у больших групп людей. Обычно этот конгломерат является чрезвычайно устойчивым. Поэтому формирование научного мировоззрения — это не заполнение некоего духовного вакуума, а перестройка сложившейся системы взглядов, преобразование ее на научной основе.

Мировоззрение представляет собой единство не только «внутри» личности. Это внутреннее единство обусловлено наличием единства в воззрениях на мир той социальной общности (группы, общины, коллектива, наконец, класса), к которой принадлежит индивид. Такое целостное мировоззрение социальной общности является источником мировоззрения личности, а его структура служит схемой организации личностной системы взглядов на мир.

Абсолютная зависимость мировоззрения личности от мировоззрения той социальной общности, членом которой

является индивид, равная отсутствию личностного взгляда на мир (обусловленная отсутствием дифференциации личности от коллектива), характеризует, как известно, первоначальные этапы становления человеческого общества. Но и в современном обществе при всей бесконечной вариативности индивидуальных картин мира их основа, способы усвоения и интерпретации поступающей к индивиду информации «задаются» той социальной общностью, к которой он принадлежит.

Поскольку человек одновременно включен в общности и социальные группы разного типа — классовые, национальные, профессиональные, возрастные и д., его мировоззрение формируется на «пересечении» многих факторов, и очень трудно априорно выявить степень влияния того или иного из них. Ориентиром здесь служит то обстоятельство, что основополагающими всегда оказываются классовые социальные отношения, структура которых в «снятом» виде воспроизводится в мировоззрении, выступает как схема организации и переработки всей поступающей к человеку информации.

Перед человеком в процессе жизнедеятельности встают задачи самого различного характера — теоретические и практические, познавательные и оценочные, аналитические и синтетические и т. д. И каждый человек в меру своих сил и способностей и в соответствии с собственным мировоззрением решает любую из них, дает ответ на любой вопрос, поставленный жизнью. Это может быть неудовлетворительный ответ, неверное решение, но ответ всегда дается человеком, решение принимается личностью. Именно поэтому формирование личности — это прежде всего формирование мировоззрения.

В связи с анализом способов передачи производственной технологии уже упоминалось о роли традиции в обществе. Еще большую роль играет традиция в становлении мировоззрения личности. Традиция, собственно, и есть механизм социализации индивида, «внедряющий» в него социальную информацию и делающий его, таким образом, членом данного общества. Сама традиция — это *«определенным образом отобранный, упорядоченный, структурно организованный опыт*. При этом его структурная организация прямо или опосредованно отражает, удваивает важнейшие аспекты социальной организации. Можно сказать, что посредством традиции коллектив передает самому себе послание, необходимое для его выживания и самоподдержания. Традиция, следовательно, есть механизм *коллективной автокоммуникации»*³⁰.

Такой способ социализации доминировал практически на протяжении почти всей истории. Он и сегодня остается основным средством передачи и усвоения социального опыта для значительной части человечества. Однако ситуация начинает меняться при переходе от феодализма к капитализму, который на первых порах «изгоняет» традиционные способы социализации (т. е. в условиях антагонистических формаций — порабощения одного класса другим) и всеми силами насаждает и закрепляет капиталистический способ социализации, а затем стремится как можно быстрее и основательнее придать ему черты традиции.

Совершенно иное отношение к традиции складывается в социалистическом обществе. Социалистическое общество — динамичное, развивающееся общество. Общественная собственность на средства производства как основа экономической структуры, демократический централизм в политической системе, равенство прав наций и народностей и другие принципы социализма, составляющие его фундамент, открывают широкий простор для дальнейшего совершенствования общественных отношений и социальной структуры общества развитого социализма. Быстрыми темпами развивается экономика, повышается материальное благосостояние людей, их культурно-образовательный уровень, углубляются и расширяются межнациональные связи в рамках сложившейся новой исторической общности людей — советского народа. Все эти и другие социальные процессы, не меняя основных классовых параметров социальной структуры, приводят к изменению многих других сторон этой структуры (например, изменяется удельный вес различных слоев и групп в составе населения, происходит миграция из одного района в другой, идет процесс урбанизации и т. д.). К этому следует добавить бурный рост современных средств массовой коммуникации, прежде всего телевидения.

В этих условиях меняется сам механизм формирования мировоззрения. Если в предшествующие эпохи наиболее устойчивые мировоззренческие комплексы формировались под воздействием традиции, то теперь традиционным должно стать и становится изменение традиции. Конечно, и при этом сохраняется основа мировоззрения, воспроизводящая фундаментальные социальные параметры общества. Но это воспроизведение уже не выступает как единственный образец. Оно приобретает вариативный характер. Складывается некоторый набор вариантов, не выходящий, однако, за рамки основных социальных закономерностей. Каждый такой вариант проявляется в мировоззрении той или иной

социальной группы. Например, представления о закономерностях развития и о социальной структуре общества могут отличаться у разных возрастных групп населения, но скажем, общественная собственность на средства производства или равенство наций как принцип социализма неизбежно будут присутствовать в системе взглядов на мир у каждой из этих возрастных групп. Учет этого обстоятельства необходим при целенаправленном формировании мировоззрения.

«Материал», из которого строится мировоззрение, — это информация, поступающая к человеку в подавляющем большинстве случаев в обработанном виде, в знаковой форме. Она выражает самые различные, зачастую противоположные мировоззренческие установки и взгляды. Но у человека должно сформироваться и на определенном этапе развития (при определенном уровне развития) формируется свое собственное мировоззрение, представляющее единую, цельную систему взглядов на мир. Возникает вопрос: как из очень разнородных и разнообразных знаний, впечатлений, представлений, гипотез и т. п. складывается единое целое?

Действительно, рассматривая мировоззрение на уровне явления, можно обнаружить, что знания, некогда усвоенные человеком, оказываются включенными в его мировоззрение, «впаянными» в него. Но тогда, во-первых, само мировоззрение оказывается напоминающим незавершенную мозаику (незавершенную потому, что в ней всегда должны быть «свободные места» для восприятия новой информации), а не систему, обладающую целостностью и устойчивостью; во-вторых, встает вопрос о природе того «духовного цемента», который скрепляет его фрагменты.

Известно, что характер постановки вопроса определяет в значительной мере и характер ответа. Если ставить вопрос так, как это было сделано выше, то и ответ возможен приблизительно такой: человек, воспринимая разнородную информацию, «склеивает» эти кусочки с помощью некоего «духовного цемента» и таким образом создает нечто единое. Такой ответ, естественно, вряд ли может удовлетворить, поскольку схватывает преимущественно внешние признаки явления и не столько решает вопрос, сколько ставит новые проблемы.

Выяснение особенностей реального процесса формирования и функционирования мировоззрения как одной из фундаментальных характеристик общественного и индивидуального сознания и духовной жизни общества в целом возможно, по-видимому, лишь при условии переформули-

ровки самой проблемы. Это означает переход от рассмотрения мировоззрения как некоего статичного предмета, у которого отдельные составляющие его части могут меняться (заменяться другими), к представлению о мировоззрении как способе (методе, механизме) переработки всей поступающей к человеку информации.

Понимание мировоззрения как регулятива практической деятельности субъекта позволяет ответить на вопрос о его структуре. Основные компоненты мировоззрения формируются в соответствии с направлениями деятельности субъекта. Структура мировоззрения всегда имеет конкретно-исторический характер и определяется системой сложившихся на данном этапе общественных отношений, ибо всякая социальная деятельность осуществляется в рамках того или иного общественного отношения. Поэтому в составе мировоззрения можно выделить естественнонаучные, экономические, политические, правовые, нравственные, эстетические, атеистические (или их антипод — религиозные) взгляды.

В функциональном отношении мировоззрение аналогично научной теории. Так же как и научная теория, мировоззрение представляет известную систему взглядов, положений, объединенных в единую схему, которая служит средством анализа, систематизации и классификации всей информации, получаемой субъектом. Мировоззрение индивида — это, образно говоря, «индивидуальная теоретическая система», «сколок» духовной культуры общества. В отличие от научной теории она может включать не только научные положения, но и гипотезы индивидуального порядка, предубеждения и предрассудки. Эти последние правильнее рассматривать как реликты исторически существовавших типов мировоззрений, например мифологического.

В самом деле, мировосприятие ребенка, видимо, строится в значительной мере по принципам, характерным для мифологизированного сознания, сочетающего фантастическое и рациональное восприятие. Дети, например, без всяких затруднений включают в свое представление о мире и современный самолет, на котором они путешествовали, и Карлсона, живущего на крыше, с его «индивидуальным пропеллером». Причем и то и другое для них имеет, надо полагать, одинаковый статус реальности. Отдельные компоненты мифологизированного сознания продолжают сохраняться в качестве реликтов и в мышлении человека, имеющего вполне научное мировоззрение. Такой характер часто носит оценка событий, причинные связи которых известны нам недостаточно хорошо.

Если с этих позиций проанализировать процесс формирования мировоззрения личности в нашем обществе, то можно выявить некоторые его особенности. Формирование естественнонаучной подсистемы происходит на базе знаний, полученных в школе и вузе. Гораздо труднее складывается общественно-политическая (социальная) подсистема. Здесь мы имеем дело объективно с более сложными отношениями. К тому же социальное знание носит классовый характер, обуславливающий пропаганду различных систем отсчета, разного содержания одних и тех же категорий.

Когда говорят о научном мировоззрении, чаще всего и имеют в виду естественнонаучные представления (например, о структуре Вселенной, происхождении жизни и т. п.) и соответствующие философские категории («материя», «бесконечность материального мира», «движение» и т. д.). Такое понимание мировоззрения отражает один из этапов реального процесса его формирования.

Действительно, формирование мировоззрения неразрывно связано с получением знаний в процессе обучения. В школе, в вузе (особенно на первых курсах) в обучении доминирующее место занимают знания естественнонаучного цикла. При этом и философские категории, с которыми знакомится школьник или студент, нередко получают одностороннюю, узкую интерпретацию, понимаются лишь как обобщение естественнонаучных знаний.

На этом этапе вместе с усвоением естественнонаучных знаний и односторонне понимаемых философских категорий усваиваются и элементы метафизического способа мировосприятия. Сам по себе этот факт нельзя расценивать только в негативном плане. На ранних этапах развития личности это происходит, по-видимому, неизбежно, поскольку в социальном онтогенезе воспроизводится филогенетическое развитие общества, в том числе и исторические типы мировоззрения.

Формирование научного мировоззрения — многоступенчатый и противоречивый процесс, а не простое накопление знаний. Очевидно, что сложившееся на определенном этапе мировоззрение, включающее указанные компоненты, становится препятствием для дальнейшего развития личности. Поэтому-то и ставится задача формирования диалектико-материалистического мировоззрения. Но процесс этот будет идти в оптимальных условиях лишь в том случае, если человек в период обучения будет получать значительно более существенную информацию о социальной структуре общества, об общественных отношениях. В конечном счете именно такое знание определяет способ познания ми-

ра в целом. В этом смысле знание о социальной структуре общества имеет фундаментальное значение для формирования мировоззрения личности.

Подлинно научное, диалектико-материалистическое мировоззрение базируется в первую очередь на социальном знании, описывающем основные элементы структуры общества и их взаимосвязь. Естественнонаучного знания при всей его важности и значимости недостаточно для этого, поскольку оно не охватывает общественные отношения, которыми определяется поведение людей.

Мировоззрение — активный компонент сознания личности. Человек вынужден постоянно анализировать и решать различные проблемы, в том числе и научные. Решая их, он, естественно, опирается на имеющиеся у него знания, опыт, навыки. В результате достигается то или иное решение проблемы, выраженное в знаковой форме или в практическом действии. Если проанализировать такие решения самых разных проблем, то можно обнаружить некоторые общие тенденции этих решений. Вот эти общие тенденции, будучи осознаны и зафиксированы в понятиях, и предстают как мировоззрение личности

Преимущество такого понимания мировоззрения состоит, на наш взгляд, в более четком описании его методологической функции. Эта функция не есть лишь атрибут уже сложившегося мировоззрения. Она обнаруживается уже на самых первых этапах его формирования, и именно наличие этой функции обуславливает выделение из всех имеющихся знаний мировоззренческих, объединение их в целостную систему.

Мировоззрение предстает непрерывно формирующимся и меняющимся, но всегда сохраняющим свою целостность аналогом мира, возникающим в процессе актуальной практической деятельности и ее последующего теоретического осмысления. Мировоззрение — результат методологической активности человека, активного применения определенных методов практической и теоретической деятельности, а не только обучения и воспитательных воздействий, как мы часто склонны считать. Конечное назначение мировоззрения состоит в регуляции практической деятельности человека, живущего в обществе.

Ступени развития «всеобщего интеллекта» и типология социальной памяти

В чем же проявляется взаимосвязь мировоззрения и социальной памяти? Функционирование мировоззрения нераз-

ривно связано с информационными процессами в обществе. Активно действующий и познающий мир человек, опираясь на мировоззренческие установки, отбирает из социальной памяти необходимую для его деятельности информацию. Но его деятельность не ограничивается только потреблением. Ассимилируя имеющуюся информацию, он в то же время генерирует, производит новую информацию — описывает неизвестные ранее явления, строит гипотезы и теории, конструирует машины и приборы, создает художественные произведения. Диалектика взаимодействия общественных средств хранения и преобразования информации и творческой активности личности привлекает внимание историков, антропологов, искусствоведов, психологов и ученых других специальностей.

В. П. Алексеев, исследуя этапы развития человека и общества в антропогенезе, приходит к выводу, что «колоссальный объем накопленной на протяжении поколений информации явно несопоставим с объемом и структурой мозга современного человека, несмотря даже на выявленную исследованиями многих лет исключительную сложность этой структуры»³¹. Разрешение этого противоречия, по мнению исследователя, происходит путем формирования в обществе особой информационной структуры — «коллективного мозга», который обеспечивает сохранение и передачу от поколения к поколению жизненно важной информации. В. П. Алексеев подчеркивает: «...с развитием цивилизации постоянно расширялись каналы обмена информацией, что делало коллективный мозг за последние 5—6 тыс. лет более монолитным. Именно в этих тенденциях и состоит существенное отличие коллективного мозга на протяжении истории современного человека от коллективного мозга в антропогенезе»³².

Важно подчеркнуть сложность и неоднозначность диалектической взаимосвязи мыслительной деятельности индивидов и «коллективного мозга» и необходимость учета того обстоятельства, что мы еще мало знаем о возможностях человеческого мозга. Гипотеза В. П. Алексеева открывает перспективу изучения конкретных проявлений этой связи.

Имея в виду, что процесс капиталистического производства выступает «как технологическое применение науки», К. Маркс указывает на «накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга...»³³. Проблема в том, чтобы выяснить специфику организации и функционирования этого механизма — «общественного мозга», его связи с другими сторонами жизни общества. Социальная память и есть реальная форма

существования «всеобщего общественного знания», «всеобщего интеллекта»³⁴. Она — не просто хранилище традиций, навыков, знаний, заблуждений и т. п. Социальная память активно осуществляет отбор информации по степени ее необходимости для прогрессивного развития человечества, сохраняя в первую очередь бесценный опыт предшествующих поколений, их достижения в науке, технике, искусстве — в духовной и материальной жизни в целом. Разумеется, функционирование социальной памяти осуществляется не само по себе, а через действующих и мыслящих индивидов. Однако ее роль нельзя редуцировать к познавательной и творческой деятельности отдельных людей.

Ярко и глубоко охарактеризовал эти особенности социальной памяти Д. С. Лихачев: «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, — память. В созидании культуры участвуют многие поколения людей... При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий... В памяти отдельного человека и в памяти общества сохраняется преимущественно то, что нужно, доброе — активнее, чем злое. С помощью памяти накапливается человеческий опыт, образуются облегчающие жизнь традиции, трудовые и бытовые навыки, семейный уклад, общественные институты, развивается эстетический уровень восприятия и творчества, создается знание»³⁵.

Исходя из марксистского понимания взаимодействия общественного бытия и общественного сознания, можно наметить пути дальнейшего изучения этой проблемы. Основная связь может быть описана следующим образом. Структура и функции социальной памяти детерминированы фундаментальными социальными процессами, происходящими в сфере производства материальных благ и воспроизводства самого человека как общественного существа. Определенные особенности этих процессов — необходимость согласования действий людей в пространстве и времени в реальных актах материального производства — приводят к формированию комплекса информационных связей.

Анализируя функции этого комплекса информационных связей, исследователи подходили к проблеме с нескольких сторон. Психологи, изучая формирование человеческой психики, сделали вывод, что ее механизмы, в том числе и механизмы индивидуальной человеческой памяти, обусловлены социально (в первую очередь процессом производства предметов, удовлетворяющих потребности человека). Важнейшую роль в процессе производства играет изготовление орудий труда. Выясняется, что «различие между ору-

дием труда и тем средством-инструментом, которое изготовляет первобытный человек для своей памяти, заключается лишь в том, что, в то время как первое всегда направлено на внешнюю природу, с помощью второго он овладевает своим собственным поведением»³⁶.

Такое вынесение памяти из человеческой головы во вне, в надындивидуальную сферу общественных предметов оказывается важнейшим стимулом развития общества и формирования общественного сознания. Именно функционирование внешних индивиду предметов не только для удовлетворения его материальных потребностей, но и как средств хранения социально значимой информации — важнейший фактор формирования общественного сознания.

В процессе развития общества складывались различные типы социальной памяти. При этом их структура на первоначальных этапах развития общества определялась не столько требованиями наиболее точной и полной передачи тех или иных сведений, сколько строением того субстрата, который служил остовом, костяком организации и фиксации социально значимой информации.

Это общее представление, дающее пунктирный силуэт социальной памяти, станет более конкретным, если удастся выявить связи, детерминирующие те или иные свойства социальной памяти. Выявление таких связей представляет достаточно трудную задачу. Примером успешного (хотя и частичного) преодоления таких трудностей может служить исследование Н. С. Вольской.

Было обнаружено, что в Древней Греции гомеровской эпохи важные для воспроизводства общественной жизни привычки и практические способы действий хранились и передавались от поколения к поколению путем фиксации в социальной памяти, структура которой задавалась группой мифологических божественных имен³⁷. Боги в греческой мифологии были связаны между собой кровнородственными отношениями, т. е. их совокупность образовывала своеобразную родовую общину³⁸ (отражавшую хорошо известный фактор доминирующей роли кровнородственных связей при родовом строе). Каждый из богов был наделен определенным кругом социальных обязанностей, навыков и умений. Это обстоятельство позволяет подойти к древнегреческой мифологии (и к мифологии вообще) как к специфической структуре социальной памяти. «Внешне пестрая и буйная мифологическая флора оказывается внутренне упорядоченной в данном случае (принцип кровнородственной связи) и нагруженной жизненно важной для общества

функцией хранения, использования и накопления умений и практических навыков»³⁹.

Способы, которым упорядочивался материал (т. е. информация о различных производственных и других социальных процессах), заслуживают более детального рассмотрения. Стихийное накопление социально значимой информации потребовало на определенном этапе ее упорядочения, которое могло опираться только на некоторую хорошо известную структуру, иначе было бы чрезвычайно трудно передавать, транслировать навыки и умения. Факт организации общества по принципу кровнородственных связей и послужил остовам, схемой одного из первых типов социальной памяти.

Описанный способ организации информации в обществе представляет одну из первых в истории общества структур социальной памяти. По крайней мере такую структуру, которая может быть явно выделена на современном уровне исследования. Подобный тип социальной памяти следовало бы назвать генеалогическим, поскольку информация здесь распределяется по принципу генеалогического дерева. Связи между отдельными «блоками» информации внешне выглядят случайными, а их графическое изображение очень напоминает рисунок обыкновенного дерева с плодами. Разумеется, эта внешняя случайность обусловлена объективными потребностями поддержания целостности социальной структуры, но степень такой обусловленности еще должна быть изучена.

Дальнейшее исследование связей между структурами социальной памяти и фундаментальными социальными отношениями (прежде всего в сфере материального производства) предполагает дифференциацию различных способов организации информации в обществе, выявление их общих и специфических черт. Решению задачи может помочь выделение различных типов социальной памяти, построение типологической схемы. Ценность классификации определяется характером свойств исследуемых объектов, положенных в ее основу. Чем более существенные свойства находят отражение в классификации, тем более глубокие закономерности она раскрывает. Объективным основанием классификации информационных процессов может служить их отношение к социально-технологическим структурам, формирующимся в сфере материального производства.

Социальная память мифологического типа исчерпала возможности своего развития вместе с разложением родового строя. Недостаточность и малая эффективность существующих средств и способов хранения информации в обще-

стве проявились, когда выделилось и обособилось в самостоятельную сферу социальной деятельности духовное производство. Оно не могло развиваться без средств точной и полной фиксации имеющихся знаний. Такие средства имелись к началу развития науки в виде письма и приемов изобразительного искусства. Но сами по себе эти средства, обеспечивая высокую информационную емкость социальной памяти, не гарантировали того, что зафиксированная с их помощью информация имеет существенное значение. Поскольку с помощью письма фиксировалась любая информация, поиск необходимой (важной, существенной) информации был затруднен. Ситуация во многом напоминала «информационный взрыв» наших дней. Зарождающаяся наука вынуждена была встать на путь целенаправленной организации знания, создания специфических структур социальной памяти, которые обеспечивали бы «автоматическую» фильтрацию информации, отделение существенной информации от несущественной и упрощали бы функционирование механизма социальной памяти.

Изменение структуры социальной памяти, переход от одной структуры к другой обусловлены сдвигами в общественном развитии. Как уже говорилось, один из первых, возможно, самый первый тип социальной памяти — память мифологического типа, основой которой является схема кровнородственных связей. Следующим этапом был, по-видимому, переход к классификационному принципу построения связей. Генетический принцип группировки информации был заменен принципом обладания сходными признаками.

Вероятно, переход этот происходил следующим образом. В процессе использования информации, «записанной» в мифологической форме (и «прикрепленной», следовательно, к именам богов, фиксирующих узловые пункты сети кровнородственных связей), обнаружилась объективная независимость этой информации (например, сроков уборки и способов обработки урожая) от «божественной» структуры. В то же время практика выявила некоторые другие связи между фрагментами этой информации, не совпадающие с мифологическими.

На смену мифологии пришли иные способы организации информации. Скажем, «стихии» философов Милетской школы можно рассматривать как попытку упорядочения содержания общественного сознания по другому, немифологическому основанию. Таким основанием стало наличие (действительное или мыслимое) сходных или различающихся свойств у объектов. Модификацией этих свойств объяснялось все многообразие явлений. И если в мифоло-

гической системе предметы возникали по воле богов, то теперь одни предметы (скажем, вода) порождали все другие — воздух, землю и т. д.

Основным способом понимания действительности стала аналогия, или, точнее говоря, соответствие, сходство (действительное или предполагаемое) одних явлений с другими. М. Фуко отмечает, что «вплоть до конца XVI столетия категория сходства играла конструктивную роль в знании в рамках западной культуры. Именно она в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов; организовывала игру символов, делая возможным познание вещей, видимых и невидимых, управляла искусством их представления. Мир замыкался на себе самом: земля повторяла небо, лица отражались в звездах, а трава скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны. Живопись копировала пространство. И представление — будь то праздник или знание — выступало как повторение...»⁴⁰.

В историческом плане такой способ организации информации следовал за генеалогическим и, конечно, сохранял случайный, внешний характер признаков, по которым «сортировались» явления. В то же время он опирался не на чувственно воспринимаемую структуру (систему родственных связей), а на абстрактный принцип сходства, аналогии. Поэтому такой тип социальной памяти может быть назван классификационно-аналогическим.

В ходе развития философии, науки обнаружилось, что не все связи укладываются в принятую классификационную схему, в котором основным принципом построения было наличие сходных признаков. Наука, проникая в сущность процессов, обнаруживала глубокое сходство объектов, не обладающих одинаковыми внешними признаками. И наоборот, внешне сходные объекты оказывались существенно отличающимися друг от друга. «Сущность всегда выступает как общее в явлениях, однако не всякое общее существенно: оно может выражать общие, но несущественные, случайные свойства»⁴¹. В предельном случае можно «примыслить» тем или иным предметам свойства, позволяющие включить их в имеющийся в наличии классификационный ряд. Такая ситуация поставила проблему, которая в истории науки известна как проблема поисков «естественных» оснований классификации и научной теории.

Когда такие основания удавалось обнаружить, то классификация приобретала более глубокий смысл, чем просто способ распределения явлений по каким-либо признакам. Классификация становилась средством выявления объек-

тивных закономерностей исследуемой сферы реальности. Наиболее показательный и широко известный пример — Периодическая система элементов Д. И. Менделеева. Интересно, что сначала Д. И. Менделеев назвал ее просто системой элементов («Опыт системы элементов»), затем «естественной» и, наконец, «периодической»⁴².

Речь идет о движении мысли от классификации, основанной на известных свойствах исследуемых объектов, к выявлению степени существенности, объективности этих свойств (естественные, т. е. выражающие природу, «естество» предмета) и затем к установлению связи между этими свойствами у разных предметов (периодическое повторение свойств по мере перехода от элементов с меньшими атомными весами к элементам с большими атомными весами). Этот логический путь познания в общем соответствовал и историческому развитию познания. Хотя способ работы с информацией по-прежнему определялся стремлением классифицировать ее по известному основанию, сами основания оказывались уже принципиально иными. Не только сходство признаков, но и единство законов обнаруживалось в процессе систематизации. Соответствующий тип социальной памяти поэтому может быть назван классификационно-систематическим (систематизирующим).

Процесс развития научного познания привел в конечном счете к выявлению того фундаментального обстоятельства, что все грани в природе и обществе подвижны, изменчивы, относительны. Эту изменчивость обнаружили и зафиксировали прежде всего в биологии. Колоссальное разнообразие видов животных и растений обнаруживается простым наблюдением, доступным буквально каждому. Кювье, Ламарк, Дарвин, Уоллес дали теоретическое объяснение (разного уровня, конечно) этому феномену. В конце концов в биологии сформировался и стал доминирующим эволюционный подход, который затем распространился и на другие сферы научного знания.

Особенность данного подхода в том, что полученная в ходе исследования информация «привязывается» к определенным фазам, этапам эволюции данного объекта. Если попытаться выделить главную особенность такого подхода, то, несколько утрируя, можно сказать так: в действительности, в реальности существуют только этапы эволюции объекта. Жизнь, развитие, движение заключаются в переходе от этапа к этапу и в продвижении от начала к концу внутри этапа, понимаемого как определенный временной интервал в эволюции объекта.

Нетрудно заметить в этом подходе прямую противополо-

ложность классификационному взгляду. Вместо неподвижных, устойчивых границ — подвижность, изменчивость свойств, признаков, связей объекта. Но в то же время эта подвижность и изменчивость понимается преимущественно как результат воздействий внешней среды на исследуемый объект. Скажем, изменение живых организмов, приводящее к появлению новых видов, иногда рассматривалось исключительно как результат воздействия внешней среды и мутаций, вызванных также внешними причинами, например действием радиации на генетический аппарат. Сложившаяся в этот период структуру социальной памяти можно назвать эволюционно-генетической.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс пишет: «...если до конца прошлого столетия естествознание было преимущественно *собирающей* наукой, наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности *упорядочивающей* наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»⁴³. В рамках реализуемого в данной работе подхода можно найти определенное соответствие между «собирающей наукой» и классификационным типом социальной памяти, между «упорядочивающей наукой» и эволюционно-генетическим (структурно-генетическим) типом.

Разумеется, описываемые процессы в сфере познания были детерминированы социально. Можно высказать предположение, что классификационный подход, метафизический по своему существу, был обусловлен господством в обществе атомизированных товарно-денежных отношений. Переход к эволюционно-генетическим концепциям связан со становлением и доминированием новых, капиталистических форм экономических отношений — крупного машинного производства, представляющего собой систему машин.

Структурные изменения в сфере познания, о которых говорилось выше, сдвинуты по фазе относительно детерминирующих их социальных процессов. Сдвиг этот составляет необходимое условие проявления причинно-следственных связей между сферами материального и духовного производства. Будет, однако, чрезмерным упрощением представлять эти связи, во-первых, только как непосредственные и, во-вторых, как единственно определяющие все особенности духовного производства. Оно складывается в каждую данную эпоху также под влиянием существующих собственных форм, непосредственно заимствует их из предшествующих эпох, наполняя новым содержанием. Ф. Энгельс в этой

связи говорит о наследовании форм мышления: «Формы мышления также отчасти унаследованы путем развития (самоочевидность, например, математических аксиом для европейцев, но, конечно, не для бушменов и австралийских негров)»⁴⁴.

Вместе с тем такие составляющие материального производства, как техника и технология, не могут быть непосредственно целиком применены в духовном производстве, хотя частично это вполне возможно. В наибольшей степени такое применение было реализовано на первых исторических этапах развития общества. Например, создание текстов часто требовало изготовления глиняных табличек, кругов с помощью орудий труда гончарного производства. В более поздние эпохи выделилась часть материального производства, обслуживающая потребности производства духовного (изготовление бумаги, приборов для письма и черчения, счетных машин и т. п.).

Конечно, такой ход рассуждений неизбежно приводит к вопросу: можно ли рассматривать какие-либо материальные средства, используемые для фиксации промежуточных этапов и результатов мыслительных процессов, как средства именно духовного производства? Или в них следует видеть лишь материальные условия идеальных процессов, не оказывающих никакого (или по крайней мере существенного) влияния на содержание и результаты мышления?

Аргументы, приведенные для обоснования конкретных зависимостей и связей между сферой практической, чувственно-предметной деятельности и мышлением, позволяют, на наш взгляд, прийти к выводу о том, что характер средств труда и технология материального производства оказывают определяющее влияние на содержание и форму процессов познания и мышления. Эта зависимость в наиболее явном, «открытом» виде дана на ранних этапах развития человеческого общества, когда мышление человека непосредственно опирается на использование орудий труда для закрепления своих результатов в предметах, производимых по отработанной в материальном производстве технологии, но уже для мнемонических целей, а затем для создания изображений, моделирующих наиболее существенные для производства того периода объекты.

С возникновением различных систем письма и развитием познания, с выделением духовного производства в относительно самостоятельную сферу эта зависимость приобретает новые формы. Она как бы уходит вглубь. Само письмо как предметное закрепление с помощью изображения относительно быстро протекающих речевых процессов, в ко-

торых объективируются сознание и мышление человека, становится наиболее эффективным орудием духовного производства. Существенно расширяется и сфера, активно познаваемая человеком; она выходит за рамки непосредственно трудовых процессов. Но утратив непосредственную связь с материальным производством, мышление человека по-прежнему сохраняет опосредствованную связь с ним, свою зависимость (в конечном счете) от него. Эта зависимость выражается, в частности, и в том, что общая структура познавательных процессов воспроизводит существенные особенности материального производства той или иной эпохи.

Возвращаясь к обсуждению исторически сменявшихся типов социальной памяти, следует попытаться выявить тенденции перехода к современному типу. Эти предпосылки заключаются прежде всего в процессах развития материального производства. Углубляющееся разделение труда приводит к тому, что технологические связи, ранее ограниченные преимущественно рамками одного или нескольких предприятий, постепенно выходят в межнациональную, межгосударственную сферу и в наше время охватывают весь мир. Заметим, что речь идет не об экономических (например, торговых) или производственных вообще (например, передача технологии, приобретение оборудования и т. д.) связях, а о связях, обусловленных именно технологией данного производства. В наше время стали обычными ситуации, когда та или иная машина собирается из деталей, изготовленных на предприятиях других стран. Таким образом, рядом с торговыми (обмен товаров), лицензионными (обмен технологией) и другими традиционными видами связей формируются (и вытесняют традиционные) связи технологические. Это требует перестройки и существенного изменения характера, как теперь принято говорить, инфраструктуры—комплекса связей: энергетических, транспортных, информационных (управленческих).

Процесс этот протекает, разумеется, не изолированно, а в сложном взаимодействии с другими социальными явлениями, прежде всего политическими, демографическими, с достижениями научно-технической революции и с другими сторонами жизни общества. От них зависят многие особенности формирующейся в этих условиях социальной памяти. Но основной принцип ее функционирования определяется характером социальных процессов, прежде всего теми коренными и очень быстро протекающими изменениями социальной структуры отдельных стран и целых крупных регионов мира. Социальные революции, крушение колониаль-

ной системы и появление новых независимых государств, политическая нестабильность в ряде районов, связанная с борьбой двух основных тенденций общественного развития — социализма и капитализма, поражающие воображение достижения и перспективы научно-технической революции — все это создает образ меняющегося мира, образ, который становится основой мировоззрения. Человек и в век НТР смотрит на мир (и видит мир) сквозь призму социальных процессов.

Поскольку речь идет о механизме взаимодействия сферы общественного бытия и познания, выскажем предположение, что воздействие общественного бытия на параметры процесса познания реализуется двумя путями. Первый — прямое воздействие на познание. Другой путь воздействия, который условно можно назвать косвенным, — воздействие теорий социальных процессов на теории других наук.

Наиболее глубокой теорией общественного развития является марксизм. Общеизвестно также влияние диалектического и исторического материализма на всю сферу научного знания. «Путь познания общественных явлений, — пишет Ю. А. Жданов, — обнаруживающиеся в них принципы и закономерности имеют определяющее методологическое значение для всего фронта естественных и технических наук»⁴⁵.

В некоторых случаях это влияние фиксируется непосредственно самими учеными. «Анализируя проблему нестационарных объектов во Вселенной с позиций диалектической концепции развития, трудно было не прийти к выводу, что традиционное истолкование этих объектов, как каких-то выродков, как отклонений от нормального пути космической эволюции — является ошибочным. В противовес этому общепринятому долгое время взгляду была обоснована точка зрения, согласно которой нестационарные объекты представляют собой **поворотные пункты** в развитии космических тел и систем. Количественные изменения вызывают здесь изменения качественные — переход космического объекта из одного состояния в другое или, как выяснилось позднее, также возникновение новых объектов»⁴⁶.

Кроме того, отмечается особенность развития современной космологии: «Существенно, что все основные исследовательские программы, конкурирующие в астрономии наших дней, основываются в конечном счете на принципах материалистической диалектики, включая принцип саморазвития материи, движущей силой которого является взаимодействие, борьба противоположностей»⁴⁷.

В других случаях влияние идей материалистической

Диалектики можно проследить довольно отчетливо, например, в системном подходе или в представлениях о научных революциях.

Сформировавшуюся в ходе взаимодействия этих факторов структуру социальной памяти можно назвать системно-генетической (системно-формационной). Вся информация в соответствии с главным принципом организации этой структуры осмысливается как относящаяся либо к причинам, предпосылкам, условиям коренных революционных преобразований исследуемой системы, либо к результатам этих преобразований.

Предшествующий современному эволюционно-генетический тип социальной памяти опирается на идею развития, приводящего к появлению новых структурных образований — совокупности видов растений и животных, атомов, молекул, кристаллов, планет, звезд и т. п. Каждая такая структура может эволюционировать в другую, соседнюю. Например, эволюционный ряд звезд — от рождения из туманности до «белого карлика» (по современным взглядам — нейтронной звезды); эволюция видов путем постепенного накопления признаков; эволюция и миграция минералов в земной коре, превращение атомов одного химического элемента в атомы другого при поглощении или излучении энергии и т. д. В развитии при таком подходе на передний план выдвигается его плавный, постепенный характер, его количественная сторона. Взрывы, скачки оказываются случайностью, которая, правда, трактуется как проявление необходимости, однако расценивается все-таки лишь как переход к новому этапу, уровню, виду.

Современный, системно-генетический тип социальной памяти также строится на идее развития. Но развитие здесь приобретает новые черты. Это коренные преобразования, переводящие целую совокупность взаимосвязанных систем (формацию) на другой уровень, в другое качество, определяющее переход от одной формации к другой. Развитие при таком понимании — не столько (и не только) перестройка самих систем, сколько всего комплекса связей между системами, в ходе которой они приобретают новое качество в рамках сверхбольшой системы (формации). В результате таких коренных преобразований складывается качественно новая совокупность систем различного уровня. В палеонтологии это эры жизни, в геологии — геологические периоды, в обществе — социально-экономические формации.

Обсуждаемые в этом разделе проблемы исторической обусловленности типологических особенностей социальной

памяти и предлагаемые объяснения представляют собой лишь первый шаг по пути их изучения, один из вариантов концептуальной схемы, в рамках которой появляется возможность исследовать развитие структур социальной памяти — тех средств хранения и преобразования информации, на базе которых складываются «формации» духовного производства.

Основные итоги изучения типологических особенностей различных исторических типов социальной памяти можно кратко представить как выявление отношений (причинно-следственных связей), существующих между определенными сторонами материального производства, принципиальными мировоззренческими установками (основополагающими идеями) и типом социальной памяти. По-видимому, нет нужды добавлять, что между этими сферами жизни общества вряд ли возможно полное и однозначное соответствие. Тем не менее, как уже говорилось, существуют объективные основания такого соответствия. Конкретные характеристики этих связей дают возможность обозреть историческую перспективу развития типов социальной памяти.

Каждый из названных типов памяти охватывает лишь известную часть информационных процессов. В совокупной памяти общества можно обнаружить не только эти, но и другие (не выявленные в данном анализе) типы и способы организации информации. Многие из них продолжают «действовать» и сегодня, определяя для миллионов людей специфичное видение мира. Речь идет лишь о тенденции, наиболее ярко проявившейся в развитии научного знания (но несводимой, конечно, исключительно к науке). Эта тенденция в конечном счете определяет доминирующие способы оценки и переработки информации, видения мира и типологические особенности социальной памяти в современном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего круга обсуждаемых в работе тем следует выделить проблему исследования диалектики становления и функционирования средств порождения, хранения и использования информации (знания) в обществе. Используя конкретный археологический, исторический, этнографический материал, автор хотел обосновать вывод о диалектическом взаимодействии, начиная с самых ранних этапов существования общества, двух разноплановых по своим характеристикам (и несводимых друг к другу) коммуникативных систем — изображения и звуковой речи.

Совершенствование знаковых средств коммуникации создает условия для развития познания и мышления, которые последовательно рассматриваются как орудийная деятельность. Познание опирается на них как на средства объективации мыслительной деятельности.

Обе коммуникативные системы возникают под влиянием внешних для них причин. В дальнейшем развитии все большее значение приобретает их взаимодействие, механизм которого характерен для систем с рефлексией, когда особенности одной системы не просто отображаются, но становятся свойствами другой (никогда, однако, не достигая той же степени интенсивности).

Проведенный анализ подтверждает вывод о том, что в филогенезе (и онтогенезе) происходит постепенный перевод речевых и изобразительных действий, ориентированных на межиндивидуальное общение, во внутреннюю сферу и формирование субъективных механизмов мыслительного процесса, материальной основой которых становятся нейропсихические механизмы двух типов, соответствующие двум типам коммуникативных систем. Складываются модельно-изобразительный и вербально-дискурсивный механизмы мыслительной деятельности.

Такой подход позволяет по-новому сформулировать ряд проблем социальной детерминации общения и познания в рамках представлений об информационно-семиотических институтах, объединяемых понятием социальной памяти. В этих институтах реализуется один из механизмов взаимодействия общественного бытия и общественного сознания. На различных этапах развития общества складыва-

лись отличающиеся по своим структурно-функциональным параметрам системы сбора, хранения, преобразования и использования информации, формировались исторически сменявшиеся типы социальной памяти, специфика которых определяется в первую очередь характером средств труда и технологии материального производства в целом, а также возникающими в его рамках общественными отношениями. Эти отношения обуславливают и основные черты мировоззренческих установок классов, социальных групп и личностей, которые (мировоззренческие установки) связаны с категориально-знаковыми структурами социальной памяти, мышления и познания.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

О механизмах обусловленности социальной коммуникации и познания (Предисловие)

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 70, 71.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

От автора

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 215, 205, 215.

Глава I. Информационные процессы в обществе

¹ Маркарян Э. С. Человеческое общество как особый тип организации. — Вопросы философии, 1971, № 10, с. 67.

² См. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963, с. 243—332.

³ См. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

⁴ Костюк В. Н. Онтология изменяющегося научного знания. — Философские науки, 1982, № 1, с. 40.

⁵ Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973. В работе обсуждается также ряд других важных аспектов этой проблемы.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 581.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 189—190.

¹³ Там же, с. 190.

¹⁴ Там же, с. 191.

¹⁵ Там же, с. 191—192.

¹⁶ Там же, с. 195.

¹⁷ В данном случае мы не касаемся различий между понятиями «объект познания» и «предмет науки (научной дисциплины)».

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 190—191.

¹⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 3. Философия духа. М., 1977, с. 303.

²⁰ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с. 171.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24—25. Для уточнения смысла используемого здесь термина «форма общения» надо иметь в виду, что в предшествующих фразах намечена дифференциация понятий «материальное общение» (materieller Verkehr), «материальные отношения» (materielles Verhalten) и «духовное общение» (geistige Verkehr), «духовное производство» (geistige Produktion). В приведенном отрыв-

ке, следовательно, речь идет о формах «духовного общения» (geistiger Verkehr) (*Маркс К., Энгельс Ф. Werke*, Bd. 3. Berlin, 1969, S. 26).

²³ *Медведев В. А.* Развитой социализм: вопросы формирования общественного сознания. М., 1980, с. 170.

²⁴ См. *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975, с. 3, 72—73.

²⁵ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 215. См. также Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 52.

²⁶ *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 39.

²⁷ *Афанасьев В. Г., Урсул А. Д.* О сущности, видах, свойствах и функциях социальной информации. — Научное управление обществом, вып. 11. М., 1977, с. 162.

²⁸ Там же, с. 163.

²⁹ Там же, с. 166—167.

³⁰ Там же, с. 167.

³¹ *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом, с. 39.

³² См. *Сенокосов Ю. П., Юдин Э. Г.* Социальное знание и социальное управление. — Вопросы философии, 1971, № 12, с. 17—29.

³³ См. *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. Философские очерки. М., 1975, с. 97.

³⁴ Ю. А. Шрейдер и А. А. Шаров называют знание о том, как организована, закодирована и т. д. конкретная информация метаинформацией (см. *Шрейдер Ю. А., Шаров А. А.* Системы и модели. М., 1982, с. 120—121).

³⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 102.

³⁶ См. *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978, с. 91—93.

³⁷ *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1976, с. 210.

³⁸ См. там же, с. 332.

³⁹ *Тростников В. Н.* Человек и информация. М., 1970, с. 176.

⁴⁰ См. *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977, с. 97. См. также *Лебедев П. Н.* Социальное управление. Л., 1982.

⁴¹ Не рассматривая специально проблемы принятия коллективных решений и ситуаций, когда «решение принимает машина», автор исходит из предпосылки, что субъектом принятия решений во всех случаях является человек, личность.

⁴² См. *Афанасьев В. Г.* Человек: управление самим собой. — Научное управление обществом, вып. 10. М., 1976, с. 237—276.

⁴³ *Урсул А. Д.* Проблема информации в современной науке. Философские очерки, с. 136.

Глава II. Социальная память

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

² *Крайзмер Л. П., Матюхин С. А., Майоркин С. Г.* Память кибернетических систем (основы мнемологии). М., 1971, с. 7.

³ Там же, с. 16. Не ставя своей целью подробный разбор этого определения, надо все же заметить, что оно вряд ли может быть использовано без модификации столь широко, как полагают авторы, «для описания функций хранения информации в любых кибернетических системах — живых организмах, машинах, социальных системах» (*Крайзмер Л. П., Матюхин С. А., Майоркин С. Г.* Память кибернетических систем (основы мнемологии), с. 17).

⁴ *Украинцев Б. С., Урсул А. Д.* Кибернетика и материалистическая диалектика. — Философские науки, 1975, № 2, с. 11.

⁵ *Крестьянский В. И.* Понятие системности и «метасистемности» информации. — Вопросы философии, 1975, № 2, с. 94.

- ⁶ См. Платон. Сочинения в трех томах, т. 2. М. 1970, с. 185 (249 b—d).
- ⁷ См. Платон. Сочинения в трех томах, т. 1. М., 1968, с. 392 (85 d—e).
- ⁸ Дюркгейм Э. Социология и теория познания. — Новые идеи в социологии, сб. 2. Социология и психология. СПб., 1914, с. 38—39. Обстоятельный анализ и марксистская критика взглядов Э. Дюркгейма содержатся в работе: Москвичев Л. Н. Современная буржуазная социология знания. Критические очерки. М., 1977, с. 42—55.
- ⁹ Там же, с. 28.
- ¹⁰ См. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 141—154.
- ¹¹ См. там же, с. 95.
- ¹² См. Ключевский В. Курс русской истории, ч. I. М., 1937, с. 101, 105.
- ¹³ См. там же, с. 104, 101, 103.
- ¹⁴ См. Блонский П. П. Память и мышление. М.—Л., 1935; Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- ¹⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- ¹⁶ См. «Критический рационализм»: философия и политика (Анализ концепций и тенденций). М., 1981, с. 104—106.
- ¹⁷ Цит. по: Малькова Т. П. Категория идеального и явления общественного сознания. — Философские науки, 1975, № 2, с. 145.
- ¹⁸ «Критический рационализм»: философия и политика (анализ концепций и тенденций), с. 109.
- ¹⁹ См. Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972, с. 125; Устьянцев В. Б. Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саратов, 1972, с. 5.
- ²⁰ См. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982, с. 10.
- ²¹ См. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 55—56.
- ²² См. Малиновский А. А. Проблема соотношения социального и биологического. — Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 220—221.
- ²³ См. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 45.
- ²⁴ Андреев И. Л. Происхождение человека и общества (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М., 1982, с. 81—82.
- ²⁵ Соколов Э. В. Культура и личность, с. 125.
- ²⁶ См. там же, с. 131.
- ²⁷ Устьянцев В. Б. Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук, с. 5—6.
- ²⁸ Моль А. Социодинамика культуры, с. 55—56.
- ²⁹ Там же, с. 54.
- ³⁰ Там же, с. 83.
- ³¹ Там же, с. 35.
- ³² Малиновский А. А. Проблема соотношения социального и биологического. — Биологическое и социальное в развитии человека, с. 220.
- ³³ Там же, с. 220—221.
- ³⁴ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом, с. 45—46.
- ³⁵ Там же, с. 49.
- ³⁶ Соколов Э. В. Культура и личность, с. 126.
- ³⁷ Там же, с. 127.

- ³⁸ Там же, с. 128.
- ³⁹ См., например, *Левади Ю. А.* Социальная природа религии. М., 1965, с. 85, 111 и др.; *Соколов Э. В.* Культура и личность, с. 129.
- ⁴⁰ Общая психология. М., 1970, с. 257.
- ⁴¹ *Ярошевский М. Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1971, с. 281.
- ⁴² *Дридзе Т. М., Орлова Э. А., Райкова Д. Д.* Теоретико-методологические аспекты исследования общения и обособления в структуре образа жизни. — *Философские науки*, 1981, № 6, с. 16.
- ⁴³ Основы теории речевой деятельности. М., 1974, с. 24.
- ⁴⁴ *Филин Ф.* Литературный язык как историческая категория. — *Общественные науки*, 1982, № 1, с. 103.
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 32.
- ⁴⁶ *Черри К.* Человек и информация (Критика и обзор). М., 1972, с. 104.
- ⁴⁷ *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. — Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960, с. 359.
- ⁴⁸ Цит. по: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, с. 113.
- ⁴⁹ *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. М., 1977, с. 64.
- ⁵⁰ См. там же, с. 95.
- ⁵¹ Там же, с. 140.
- ⁵² В некоторых исследованиях подчеркивается жизненно необходимая потребность в качественно разнородной информации. «С этим связано свойство культуры, которое советскими исследователями было охарактеризовано как принципиальный полиглотизм. Смысл его состоит в том, что культура не может удовлетвориться одним языком. Минимальную систему образует набор из двух параллельных языков, — например, словесного и изобразительного» (*Иванов В. В., Лотман Ю. М., Гусева Е. К.* Семиотические аспекты формализации языка и культуры. — *Кибернетику — на службу коммунизму.* Сборник статей, т. 10. Информационно-кибернетические идеи и методы в науках о жизни и человеке. М., 1981, с. 140).
- ⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 489.
- ⁵⁴ *Зинченко В., Лурия А.* Предисловие. — *Грегори Р. Л.* Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М., 1970, с. 5.
- ⁵⁵ См. *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека (Введение в психологию). М., 1974, с. 168, 225, 252.
- ⁵⁶ *Mountford Ch. P.* Art, Myth and Symbolism Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, vol. 1. Melbourne, 1956.
- ⁵⁷ Там же, с. 3.
- ⁵⁸ См. *Лекомцева М. И.* К анализу смысловой стороны искусства аборигенов Грут-Айленда (Австралия). — Ранние формы искусства. Сборник статей. М., 1972, с. 304. В этой статье анализируется описанная в работе Ч. П. Маунтфорда изобразительная деятельность австралийских аборигенов. Голландское название острова (Groote Eylandt) передается в советских картографических изданиях на русском языке как Гроуте-Эйландт (см. Атлас мира. М., 1954, с. 266, 268).
- ⁵⁹ См. *Лекомцева М. И.* К анализу смысловой стороны искусства аборигенов Грут-Айленда (Австралия). — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 304.
- ⁶⁰ *Mountford Ch. P.* Art, Myth and Symbolism. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, vol. 1, p. 90 (pl. 30, D); p. 207 (pl. 58, A, D); p. 375 (pl. 120, A, C).
- ⁶¹ *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, с. 308.

⁶² Маунтфорд отмечает, что искусство аборигенов Австралии «преимущественно немагическое» (*Mountford Ch. P. Art, Myth and Symbolism. Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Land, vol. 1, p. 6*).

⁶³ Там же, с. 15.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Лекомцева М. И.* К анализу смысловой стороны искусства аборигенов Грут-Айленда (Австралия). — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 317.

⁶⁶ Там же, с. 318.

⁶⁷ *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, с. 361.

⁶⁸ Там же, с. 362, сноска 1.

⁶⁹ Там же, с. 368.

⁷⁰ Там же, с. 371.

⁷¹ См. Русская разговорная речь. М., 1973; *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

⁷² *Филин Ф.* Литературный язык как историческая категория. — Общественные науки, 1982, № 1, с. 102.

⁷³ *Рождественский Ю. В.* Теория языка и проблема существования языка. — Семиотика и восточные языки. М., 1967, с. 9.

⁷⁴ В современном научном знании из указанных его подразделений выделяются особые научные дисциплины, специально занимающиеся ранними этапами развития изучаемых ими сфер общественной жизни. Их названия конструируются путем добавления приставки «палео» — палеоантропология, палеолингвистика и т. д.

⁷⁵ *Ефимов Ю. И.* Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981, с. 12.

⁷⁶ См. *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (К постановке проблемы). — Ранние формы искусства. Сборник статей. М., 1972, с. 31—75; *его же.* Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении. Л., 1972; *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. Можно также назвать, например, работы Ф. И. Шмита, построившего «циклическую» теорию развития изобразительного искусства, которое он рассматривал как проявление «образного мышления» (см. *Шмит Ф. И.* Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925).

⁷⁷ См., например: *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории [Проблемы палеопсихологии]. М., 1974, с. 151; *Войтонис Н. Ю.* Предистория интеллекта (К проблеме антропогенеза). М.—Л., 1949, с. 11.

⁷⁸ *Langer S. K.* Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art. Cambridge (Massachusetts). — Harvard, 1957, p. 26.

⁷⁹ См. *Бунак В. В.* Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. — Ископаемые гоминиды и происхождение человека (Труды Института этнографии, новая серия, т. 92). М., 1966, с. 498.

⁸⁰ См. там же, с. 501, 501—502.

⁸¹ См. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982, с. 248, 288.

⁸² *Бунак В. В.* Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе. — Ископаемые гоминиды и происхождение человека (Труды Института этнографии, новая серия, т. 92), с. 510—511.

⁸³ Там же, с. 519.

⁸⁴ Отметим, что В. В. Бунак в своей последней работе подчеркива-

ет взаимосвязь между «развитием интеллектуальных функций» и «охотничьей деятельностью» (см. *Бунак В. В.* Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980, с. 146).

⁸⁵ *Тростников В. Н.* Человек и информация. М., 1970, с. 116.

⁸⁶ *Протасеня П. Ф.* Проблемы общения и мышления первобытных людей. Минск, 1961, с. 19.

⁸⁷ Это обстоятельство, однако, мало мешает ученым, занятым дешифровкой древних письменностей. Если же считать устную речь единственным средством мыслительной деятельности, то значение слов можно понять, лишь когда они произносятся. Поскольку мы не можем достоверно восстановить звучание речи, дешифровка с этой точки зрения становится невозможной.

⁸⁸ *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории [Проблемы палеопсихологии], с. 151. Б. Ф. Поршнев поставил целый ряд ключевых проблем антропогенеза и предложил оригинальные пути их решения. Однако, как отмечают в предисловии к этой книге Момджян Х. Н., Токарев С. А., Анцыферова Л. И., в ней подверглась абсолютизации «идея о речи-сознании в процессе происхождения человека» (см. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории [Проблемы палеопсихологии], с. 5).

⁸⁹ См. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.—Л., 1934.

⁹⁰ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 29, с. 316.

⁹¹ См. *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 32; *Андреев И. Л.* Происхождение человека и общества (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М., 1982, с. 108—109.

⁹² В свое время эта гипотеза была высказана Н. Я. Марром.

⁹³ См. *Абрамова З. А.* Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства). — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 15; Всемирная история, т. I. М., 1955, с. 63.

⁹⁴ А. Д. Столяр связывает деградацию высокоразвитой живописи и графики палеолита с переходом от охоты к земледелию и скотоводству (см. *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (К постановке проблемы). — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 72).

⁹⁵ Е. М. Мелетинский высказывает мнение о более позднем по сравнению с изобразительным искусством (а также танцем и обрядом) происхождении словесного искусства (см. *Мелетинский Е. М.* Первобытные истоки словесного искусства. — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 149, 154—155, 158—159).

⁹⁶ *Ребрин В. А.* Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974, с. 44—45.

⁹⁷ Там же, с. 44.

⁹⁸ См. работы Я. К. Ребана, опубликованные в: *Философские науки*, 1977, № 5, с. 94—104; *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии*: вып. 187, т. X. Тарту, 1966; вып. 225, т. XII. Тарту, 1969; вып. 273, т. XV. Тарту, 1970, и др.

⁹⁹ *Ребана Я. К.* О социальной детерминации познания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1970, с. 5.

¹⁰⁰ Там же, с. 20.

¹⁰¹ *Ребана Я. К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. — *Вопросы философии*, 1982, № 8, с. 46.

¹⁰² *Ребана Я. К.* О социальной детерминации познания. Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, с. 28—29.

¹⁰³ Там же, с. 49.

¹⁰⁴ Там же, с. 27.

¹⁰⁵ *Ребане Я. К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания. — Вопросы философии, 1982, № 8, с. 47.

¹⁰⁶ См. *Ребане Я. К.* Принцип социальной памяти. — Философские науки, 1977, № 5, с. 95, 102.

¹⁰⁷ Философский словарь. М., 1980, с. 294.

¹⁰⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 136.

¹⁰⁹ См. там же.

¹¹⁰ См. *Готт В. С., Урсул А. Д.* Общенаучные понятия и их роль в познании. М., 1975.

¹¹¹ *Готт В. С.* О понятийном аппарате современной науки. — Вопросы философии, 1982, № 8, с. 86.

¹¹² *Дубровский Д. И.* Информация, сознание, мозг. М., 1980, с. 81.

¹¹³ См. *Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Системные исследования и общая теория систем. — Системные исследования. Ежегодник. 1969. М., 1969.

¹¹⁴ См. *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность. М., 1976.

¹¹⁵ Там же, с. 185.

¹¹⁶ *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 241.

¹¹⁷ *Аверьянов А. Н.* Система: философская категория и реальность, с. 185.

¹¹⁸ *Готт В. С., Землянский Ф. М.* Диалектика развития понятийной формы мышления (Анализ становления различных понятийных форм). М., 1981, с. 311.

¹¹⁹ *Веденов М. Ф., Сачков Ю. В.* Проблема стилей мышления в естествознании. М., 1971, с. 7, 31.

¹²⁰ *Сачков Ю. В.* Стиль мышления и методы исследования. — Диалектика в науках о природе и человеке, кн. I. Диалектика — мировоззрение и методология современного естествознания. М., 1983, с. 223, 224. См. также: Стиль мышления как выражение единства научного знания. Воронеж, 1981.

¹²¹ *Новик И. Б.* Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975, с. 3—4.

¹²² *Парахонский Б. А.* Стиль мышления. Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания. Киев, 1982, с. 4.

¹²³ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977, с. 11.

¹²⁴ См. *Кун Т.* Структура научных революций.

¹²⁵ Например, В. С. Швырев пишет: «Надо сказать, что само понятие «парадигма» у Куна далеко от ясности, так же как, надо признать, далеко от ясности бытующее в нашей философско-методологической литературе понятие «стиль мышления»» (см. *Швырев В. С.* Диалектическая традиция исследования конструктивных процессов мышления и современная методология науки. — Проблемы материалистической диалектики как теории познания. М., 1979, с. 221).

¹²⁶ *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977, с. 39.

¹²⁷ См. там же.

¹²⁸ Там же, с. 37.

¹²⁹ Там же, с. 25 (вступительная статья Н. С. Автономовой).

¹ Нарский И. С. Философские проблемы языка. — Философские науки, 1968, № 4, с. 70—71.

²⁻³ Например, в диалоге «Кратил» Платон рассматривает роль имен (знаков языка) в формировании знания, а исходные формулировки многих логических понятий и проблем в «Органоне» Аристотеля начинаются с их семантической характеристики (см., например, Аристотель. Соч. в 4-х томах, т. 2, М., 1978, с. 93—97).

⁴ См. Маковельский А. О. История логики. М., 1967, с. 174—185; Попович М. В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев, 1979, с. 83—88.

⁵ См. Мельвилль Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века). М., 1968, с. 176—248.

⁶ См. Гамезо М. В., Ломов Б. Ф., Рубахин В. Ф. Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем. — Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977, с. 23.

⁷ См. Вернадский В. И. Размышления натуралиста, кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М., 1977, с. 115.

⁸ Более универсальному пониманию знака соответствует представление о том, что «материалом знака могут быть не только материально-вещественные, но и психические (ощущения, восприятия, образы памяти) образования» (см. Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания. — Проблема знака и значения. М., 1969, с. 47).

⁹ Горский Д. П. От описательной семиотики к семиотике теоретической. — Вопросы философии, 1969, № 10, с. 73.

¹⁰ См. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с. 130, 131.

¹¹ Философский словарь. М., 1980, с. 117—118.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 489.

¹³ См. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1974, с. 61.

¹⁴ См., например, Сухотин А. К. Гносеологический анализ емкости знания. Томск, 1968. «Минимизация» информации реализуется при переходе к другой знаковой системе (там же, с. 150—159).

¹⁵ Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания. — Проблема знака и значения, с. 5.

¹⁶ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство, с. 134.

¹⁷ В связи с обсуждением «порождающей модели» знака надо отметить ее терминологическую близость концепциям «порождающих грамматик». «Порождающая грамматика» — это некоторый механизм, производящий высказывания (предложения) на каком-либо языке, т. е. выдающий цепочки знаков, имеющих определенный смысл (см. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972, с. 39—50 и др.). «Порождающая модель» знака переносит центр тяжести на уже созданные (порожденные) знаки, в процессе функционирования которых формируются их значения.

¹⁸ Нарский И. С. Проблема значения «значения» в теории познания. — Проблема знака и значения, с. 39.

¹⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 202.

²⁰ См. Алексеев И. С., Бородкин Ф. М. Принцип дополнительности в социологии. — Моделирование социальных процессов. М., 1970, с. 37—48.

²¹ См. *Лекторский В. А.* Принципы воспроизведения объекта в знании. — Вопросы философии, 1967, № 4, с. 51—54.

²² См. *Черепнев А. И.* Истоки автоматизации. К истории технического прогресса. М., 1975, с. 3, с. 26—36. К сложным орудиям охотничьего промысла, так сказать, «полуавтоматического» действия относятся боласы (боло), используемые для охоты на копытных животных вплоть до нашего времени. Последние археологические открытия продемонстрировали невероятную древность этого орудия. «Оказывается, шельцы уже знали замечательное изобретение по части охотничьего снаряжения — боласы, каменные шары, завернутые в шкуру и соединенные по три штуки длинной кожаной лентой или веревкой... Шельцы почти полмиллиона лет назад уже имели эту снасть!» (см. *Ларичев В. Е.* Сад Эдема. М., 1980, с. 378).

²³ См. *Истрин В. А.* Развитие письма. М., 1961, с. 67—68.

²⁴ *Нарский И. С.* Проблема значения «значения» в теории познания. — Проблема знака и значения, с. 45—46.

²⁵ Существует и более широкое понимание знака и знаковой ситуации, исходящее из тезиса о том, что «знаковое поведение является одной из древнейших особенностей животного мира, а отнюдь не присуще лишь более развитым формам» (*Ветров А. А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 45).

²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 494.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 82.

²⁸ Там же, с. 83.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 84.

³¹ Там же, с. 85.

^{32—33} Там же, с. 86.

³⁴ Там же, с. 87.

³⁵ Там же.

³⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 136.

³⁷ Там же, с. 137.

³⁸ Там же, с. 139.

³⁹ Идеальное в том смысле, что общественные отношения нельзя целиком свести к предметам и предметности вообще.

⁴⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 139.

⁴¹ Там же, с. 139—140.

⁴² Значение слова формируется в социальной деятельности, закрепляется в практике словоупотребления, фиксируется в письменных и печатных текстах, носящих нормативный характер (политические и юридические документы, учебники, словари, картографические знаки и т. п.).

⁴³ Цит. по: *Любимов Н. А.* Философия Декарта. СПб., 1886, с. 333. См. также *Декарт Р.* Избранные произведения. М., 1950, с. 300—302.

⁴⁴ В некоторых работах зарубежных исследователей не проводится принципиальной грани между человеческой коммуникацией и средствами передачи информации у животных. Например, в одной из них невербальные средства коммуникации в обществе и способы передачи информации у животных (и даже растений!) сведены в общую классификацию. Как имеющие сигнальное значение для животных рассматриваются крики животных, пение птиц, движения, позы и различные физиологические отправления (Non-verbal communication. Cambridge, 1972).

^{45—46} *Гегель.* Наука логики, т. 3. М., 1972, с. 179.

⁴⁷ *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 101.

⁴⁸ Там же, с. 101.

⁴⁹ См. *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (к постановке проблемы). — Ранние фор-

мы искусства. Сборник статей. М., 1972, с. 30—75. Мысль о том, что художественное творчество начинается не с живописи, а со скульптуры, была высказана, по-видимому, впервые в советском искусствоведении Ф. И. Шмитом (см. *Шмит Ф. И.* Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925, с. 104).

⁵⁰ См. *Мельвилл Ю. К.* Чарлз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века), с. 188.

⁵¹ *Langer S. K.* Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art, p. 57.

⁵² Там же, с. 25.

⁵³ См. *Немировская Е. М.* Теория презентативного символизма (К критическому анализу семантической концепции искусства С. К. Лангер). — Вопросы философии, 1972, № 7, с. 119—127.

⁵⁴ *Langer S. K.* Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art, p. 68.

⁵⁵ Различение знаков-моделей и знаков-символов в математических построениях зафиксировано в статье А. С. Москаевой и В. М. Розина: «Знаковая форма (А) как объект может быть моделью объекта Х... Для определенных задач их (числа-модели. — В. К.), так же, как и фиксируемые ими предметы, можно пересчитать, соединить в группу, разделить на группы.

В противном случае, т. е. когда операция со знаковой формой (А) не совпадает с объектными операциями, имеет место употребление знака-символа» (*Москаева А. С., Розин В. М.* Об одном отношении между символическими языками и естественным языком в науке. — Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967, с. 46).

⁵⁶ *Абрамова З. А.* Древнейшие формы изобразительного творчества (Археологический анализ палеолитического искусства). — Ранние формы искусства. Сборник статей, с. 28.

⁵⁷ Изображения со следами вместо копыт имеются в знаменитой своими фресками пещере Альтамира в Испании. Они воспроизведены во многих работах по палеолитическому искусству (см., например, *Гуцин А. С.* Происхождение искусства. Л.—М., 1937).

⁵⁸ *Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, с. 309.

⁵⁹ «...Каждый выбитый на камне след человека, а иногда, может быть, и зверя становится для того, кто его воспроизводил, как бы своего рода «портретом». По этому следу его узнавали все, кто с ним встречался» (*Караев Г.* Следы на камнях. — На суше и на море. М., 1978, с. 430).

Глава IV. Технология познания и порождение информации

¹ *Сачков Ю. В.* Стиль мышления и методы исследования. — Диалектика в науках о природе и человеке, кн. I. Диалектика — мировоззрение и методология современного естествознания. М., 1983, с. 215—216.

² Использование термина «технология» в таком смысле, на наш взгляд, вполне оправдано. Технология в обычном понимании означает способ взаимодействия некоторого набора орудий труда (средств труда) с предметом труда. Специфичность этого взаимодействия определяется предметом труда, производимым продуктом, а также уровнем развития самих орудий труда. Аналогичные связи могут быть выделены и в «производстве идей, представлений, сознания». См. также *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 41—43.

³ См. *Кориунов А. М.* Отражение, деятельность, познание. М., 1979, с. 184—188.

⁴ Использование в тексте указанного круга понятий не предполагает специального обсуждения проблемы их классификации и субординации. Уточнения там, где они необходимы, будут делаться по ходу изложения.

⁵ Б. Рассел пишет по этому поводу: «Иногда думают, что не может быть мысли без языка, но я не могу с этим согласиться: я считаю, что может быть мысль и даже истинное и ложное верование и без языка» (*Рассел Б.* Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957, с. 94).

⁶ *Дубровский Д. И.* Существует ли внесловесная мысль? — Вопросы философии, 1977, № 9, с. 99, 100.

⁷ Там же, с. 104.

⁸ Там же, с. 102, 104, 101.

⁹ Там же, с. 102, 101.

¹⁰ См. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979; *его же.* Психология мышления и понятие множества. Психология и математика. М., 1976, с. 58—69.

¹¹ *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи. — Вопросы языкознания, 1964, № 6, с. 36.

¹² См. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982, с. 85; см. также с. 102, 145, 242.

¹³ См. *Соколова Е. Т.* Проективные методы исследования личности. М., 1980, с. 8.

¹⁴ См. *Веккер Л. М.* Психические процессы в 3-х томах, т. 2. Л., 1976, с. 31.

¹⁵ См. там же, с. 75, 134.

¹⁶ Там же, с. 129.

¹⁷ Там же. Использование термина «язык» и для обозначения средств межличностной коммуникации, и для обозначения компонентом психических процессов приводит к некоторой «размытости» границ между объективным и субъективным.

¹⁸ Для объяснения механизмов памяти канадский психолог А. Паивно предложил теорию «двойного кодирования». «По его мнению, для объяснения имеющихся фактов необходимо предположить существование двух «независимых, но взаимодействующих систем»: вербальной и невербальной (образной)» (см. *Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М., 1982, с. 104—106).

¹⁹ *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957, с. 149. Точка зрения Б. Рассела разделяется многими буржуазными логиками и философиями. Например, американская исследовательница С. К. Лангер утверждает: «Предложение есть изображение структуры — структуры наличной действительности» (*Langer S. K. Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art, p. 66*).

²⁰ *Роговин М. С.* Динамика соотношения и перевода в познании. — Вопросы философии, 1981, № 2, с. 139.

²¹ Там же,

²² Там же, с. 138.

²³ См. там же, с. 142.

²⁴ Там же. См. также *Дмитриева Н. А.* Изображение и слово. М., 1962, с. 185, 191.

²⁵ См., например, *Шмит Ф. И.* Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л., 1925 (Ф. И. Шмит прослеживает смену тенденций от модельно-образного воспроизведения объектов действительности к символически-повествовательному и обратно в историческом развитии изобразительного искусства).

- ²⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 246.
- ²⁷ См. там же.
- ²⁸ См. там же, с. 249.
- ²⁹ См. там же.
- ³⁰ См. там же.
- ³¹ См. там же, с. 81.
- ³² См., например: Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения. М., 1970; Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. Очерки основных методов. М., 1980; Литература и живопись. Л., 1982.
- ³³ См. Басин Е. Я. О природе изображения. — Вопросы философии, 1968, № 4, с. 48, 49, 51.
- ³⁴ См. там же, с. 54, 56, 57.
- ³⁵ Широко используется также монтаж уже зафиксированных на кино- или видеоленте изображений. В этом случае вместо преобразования объекта преобразуют его изображения, полученные по законам оптики, т. е. представляющие в буквальном смысле его копии, а не объективно абстрагированных человеком свойств.
- ³⁶ См. Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века). М., 1968, с. 184, 188.
- ³⁷ Мантатов В. В. Образ, знак, условность. М., 1980, с. 27.
- ³⁸ Феллини Ф. Делать фильм. — Иностранная литература, 1981, № 10, с. 229—230.
- ³⁹ См. Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века), с. 184, 185—186.
- ⁴⁰ Цит. там же, с. 185, 186, 192.
- ⁴¹ Ильенков Э. Абстракция. Философская энциклопедия. т. 1. М., 1960, с. 12.
- ⁴² Данные некоторых психологических исследований (речь идет о восприятии изображений) «говорят о том, что перцептивные процессы более непосредственно связаны с абстрактной семантической информацией, чем речевые» (см. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982, с. 145).
- ⁴³ Арнхейм Р. Визуальное мышление. — Зрительные образы: феноменология и эксперимент (Сборник переводов), ч. I. Душанбе, 1971, с. 9—10.
- ⁴⁴ Арнхейм Р. Визуальное мышление. — Зрительные образы: феноменология и эксперимент (Сборник переводов), ч. II. Душанбе, 1973, с. 23.
- ⁴⁵ Там же, с. 54, 70.
- ⁴⁶ Там же, с. 75, 98.
- ⁴⁷ Арнхейм Р. Визуальное мышление. — Зрительные образы: феноменология и эксперимент (Сборник переводов), ч. III. Душанбе, 1973, с. 78—79.
- ⁴⁸ См. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974, с. 16 (Шестаков В. П. Вступительная статья).
- ⁴⁹ См. Попович М. В. Категориальные структуры в естественно-научном знании. — Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980, с. 161—167.
- ⁵⁰ Салищев К. А. Основы картоведения. М., 1943, с. 189.
- ⁵¹ В последние годы проводятся эксперименты для проверки гипотезы о том, что «в импульсной активности нервных клеток мозга может содержаться специфическое соответствие словесным сигналам...». «Сейчас уже получены первые данные, позволяющие надеяться на возможность в ближайшее время опознавания предъявляемого слова по его мозговому паттерну» (Бехтерева Н. П., Бундзен П. В. О мозговых механизмах кодирования слов. — Будущее науки. Международный ежегодник. Вып. 8. М. 1975, с. 112, 114). Эти исследования со всей остро-

той ставят проблему взаимодействия универсальных нейропсихических механизмов мыслительной деятельности и громадного многообразия этнических языков, которых на Земле насчитывается около двух тысяч.

⁵² У. Найссер отмечает, что можно действовать с предметом, «никак не называя его при этом ни себе, ни другим» (см. *Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии.* М., 1981, с. 95).

⁵³ Известны случаи, когда пересказ эпических повествований продолжался несколько суток, причем рассказчик (точнее говоря, соавтор) очень остро реагировал на попытки сделать перерыв в продуцировании текста сказания. По-видимому, он воспринимал эпическое сказание как некий непрерывный континуум, «путешествие» по которому не могло закончиться до тех пор, пока не были «посещены» все наиболее существенные пункты повествования.

Б. Колби и М. Коул выдвигают тезис о сложившейся в бесписьменных культурах «порождающей нарративной грамматике», которая, по их мнению, обуславливает способность к воспроизведению письменно не зафиксированных крупных эпических произведений (*Colby B., Cole M. Culture, Memory and Narrative. — Modes of Thought: Essays on thinking in Western and non-Western societies.* London, 1973, p. 63—91).

⁵⁴ Обычно в качестве примера изображений подобного рода указывают на комиксы. Но задолго до появления комиксов такие рисунки, адресованные неграмотным, использовались церковью для последовательного изложения «священных событий» Ветхого и Нового заветов. Повествовательный характер носили и лубочные картинки (см. *Островский Г. С. Лубок в системе русской художественной культуры XVII—XX веков. — Советское искусствознание '80, вып. 2.* М., 1981, с. 154—168).

⁵⁵ См. *Попович М. В. Философские вопросы семантики.* Киев, 1975, с. 212.

⁵⁵ См. *Моль А. Социодинамика культуры.* М., 1973, с. 370. Критический анализ концепции М. Маклюэна см. в работах: *Москвичев Л. Н. Познание и детерминация (Критика буржуазных концепций социальной обусловленности познания).* М., 1980, с. 32—37; *Григорян Г. П. О средствах коммуникации и судьбах человечества в поп-философии Маршалла Маклюэна. — Вопросы философии, 1972, № 10, с. 151—155.*

⁵⁷ *Хренов Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики.* М., 1981, с. 231.

⁵⁸ См. *Шмит Ф. И. Искусство. Основные проблемы теории и истории.* Л., 1925. См. также *Прокофьев В. Н. Федор Иванович Шмит (1877—1941) и его теория прогрессивного циклического развития искусства. — Советское искусствознание '80, вып. 2, с. 252—285.*

⁵⁹ *Дмитриева Н. А. Изображение и слово.* М., 1962, с. 13—14.

⁶⁰ *Хренов Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики, с. 228.*

⁶¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 321—322.*

⁶² Свообразную характеристику инженерного мышления дает французский историк М. Блок: «Человек века электричества или авиации чувствует себя — возможно, не без некоторых оснований — очень далеким от своих предков. Из этого он легко делает уже, пожалуй, неосторожный вывод, что он ими больше не детерминирован. Добавьте модернистский уклон, свойственный всякому инженерному мышлению. Есть ли необходимость вникать в идеи старика Вольта о гальванизме, чтобы запустить или отремонтировать динамо-машину?» (*Блок М. Апология истории или ремесло историка, с. 23—24.*)

⁶³ *Герасимов И. Г. Научное исследование.* М., 1972, с. 59—60.

⁶⁴ В некоторых отраслях современной техники возможны ситуа-

ции, когда схема (изображение) при определенных условиях выполняет функции самого прибора. «...Электрическая схема может выполнять сравнительно сложную функцию, а ее изображение, воссозданное печатной машиной, использующей типографскую металлическую краску, может функционировать так же, как изображаемая ею схема» (*Винер Н.* Об обучающемся и самовоспроизводящихся машинах. — Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная. Сборник. М., 1968, с. 48).

⁶⁵ До появления радиотехники такой же путь развития прошли изображения электрических устройств проводной связи и электротехники вообще, откуда радиотехника и заимствовала некоторые способы изображения деталей. Электрические схемы отображают функциональные характеристики элементов устройств: «...внешнее сходство ушло безвозвратно, выделились те формальные признаки деталей, которые определяют функциональное назначение каждого компонента схемы. Символы стали отображать функцию, а не структуру, форма символа уподобилась «абстрагированной карикатуре» объекта» (см. *Грегори Р.* Разумный глаз. М., 1972, с. 181—185, 182).

⁶⁶ *Штофф В. А.* Знаковая модель как особый вид знаковой системы. — Проблема знака и значения. М., 1969, с. 130, 131.

⁶⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 544.

⁶⁸ *Максвелл Д. К.* Статьи и речи. М., 1968, с. 18.

⁶⁹ *Томсон Д.* Дух науки. М., 1970, с. 29.

⁷⁰ См. *Кедров Б. М.* День одного великого открытия. М., 1958.

⁷¹ См. *Менделеев Д. И.* Сочинения, т. IV. М.—Л., 1937, с. 395.

⁷² *Курнаков Н. С.* Избранные труды, т. I. М., 1960, с. 64.

⁷³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 580.

⁷⁴ *Уотсон Д. Д.* Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК. М., 1969, с. 131, 136.

⁷⁵ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 631.

Глава V. Мировоззрение и социальная память

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 83.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 77.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 71.

⁵ *Habermas J., Luhmann N.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? — Frankfurt am Main, 1971, S. 233.

⁶ *Kishida J.* Human Revolution, Multi-Chancel Society. Challenges from the Future. Vol. 1. Токуо, 1970. См. также *Добринов В.* Технологический детерминизм — современная форма социологического идеализма. — Философия марксизма и современная научно-техническая революция. М., 1977, с. 295—296.

⁷ См. *Ващенко Н. П.* К критике буржуазных концепций информационной деятельности. — Философские науки, 1983, № 1, с. 150—154.

⁸ *Engelsberger H. M.* The consciousness industry: on literature, politics and the media. New York, 1974, p. 11.

⁹ Философский словарь. М., 1980, с. 219.

¹⁰ См. там же, с. 220.

¹¹ См. *Черноволенко В. Ф.* Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970, с. 11—12.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.

¹³ См., например: *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960, с. 9—10; *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968, с. 144—146; *Тугаринов В. П.* Философия сознания. М., 1971, с. 60—67.

¹⁴ Шинкарук В., Иванов В. Природа и функции мировоззренческого сознания. — *Общественные науки*, 1982, № 2, с. 140.

¹⁵ См. *Жданов Ю.* Социальная роль общественных наук. *Вопросы теории*. — *Правда*, 1983, 4 февраля.

¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.

¹⁷ *Geyer F.* Alienation and General Systems Theory. — *Sociologica Neerlandica*, N 1, vol. X, 1974.

¹⁸ См. *Грушин Б. А.* Массовое сознание: феномен информированности. — *Вопросы философии*, 1971, № 6, с. 68.

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

²⁰ *Харчев А. Г.* Воспитание и жизнедеятельность личности. — *Вопросы философии*, 1975, № 12, с. 65.

²¹ *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977, с. 31. См. также *Чанышев А. Н.* Начало философии. М., 1982, с. 182—183.

²² *Кобзарь В. И., Сергеев К. А., Солонин Ю. Н.* Методологические аспекты истории формирования технических наук. — *Вопросы философии*, 1982, № 11, с. 110, 111.

²³ *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь. М., 1980, с. 70.

²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 383 (примечание).

²⁵ *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 13.

²⁶ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 253, 312, 355; т. 10, с. 284; т. 12, с. 63, 146, 147; т. 15, с. 157; т. 17, с. 415; т. 19, с. 314; т. 23, с. 443; т. 26, с. 48.

^{27–28} См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 367, 581.

²⁹ Здесь говорится только об отдельных звеньях переработки информации, а не о всем процессе в целом.

³⁰ *Бернштейн Б. М.* Традиция и канон. Два парадокса. — *Советское искусствознание* '80, вып. 2, М., 1981, с. 122.

³¹ *Алексеев В. П.* Возникновение человека и общества. — *Первобытное общество. Основные проблемы развития*. М., 1975, с. 40.

³² Там же, с. 41.

³³ См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 206, 205.

³⁴ См. там же, с. 215.

³⁵ *Лихачев Д. С.* Искусство памяти и память искусства. — *Литературная газета*, 1982, 15 декабря.

³⁶ *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972, с. 430.

³⁷ См. *Вольская Н. С.* Семиотика древнегреческого мифа. — *Вопросы философии*, 1972, № 4, с. 115—126.

³⁸ См. *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 7, 10.

³⁹ *Вольская Н. С.* Семиотика древнегреческого мифа. — *Вопросы философии*, 1972, № 4, с. 125.

⁴⁰ *Фуко М.* Слова и вещи. М., 1977, с. 61.

⁴¹ *Кириллов В. И.* Логика познания сущности. М., 1980, с. 81.

⁴² См. *Кедров Б. М.* День одного великого открытия. М., 1958, с. 443.

⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 303.

⁴⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 629.

⁴⁵ *Жданов Ю.* Социальная роль общественных наук. *Вопросы теории*. — *Правда*, 1983, 4 февраля.

⁴⁶ *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Материалистическая диалектика — методология и логика развития современного естествознания. М., 1970, с. 23.

⁴⁷ *Амбарцумян В. А., Казютинский В. В.* Революция в астрономии XX в. и ее философское значение. — *Современное естествознание и материалистическая диалектика*. М., 1977, с. 265.

СОДЕРЖАНИЕ

О МЕХАНИЗМАХ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОЗНАНИЯ (Предисловие)	3
От автора	9
Глава I	
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ	11
Информационная «картина мира»	—
Пути анализа информационных взаимодействий	15
Социальная информация и социальное знание	22
Социальная деятельность, избыток и дефицит информации	28
Глава II	
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ	34
Социальная память: становление понятия	—
Индивид и группа: память и общение	43
Изображение и речь как средства закрепления социально значимой информации	56
Социальная память: система хранения и преобразования информации в обществе	64
Глава III	
ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ — НОСИТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ	75
Основные характеристики знака	—
Возникновение и функционирование знаковой ситуации	82
Анализ функций денег в «Капитале» К. Маркса и социальная природа знака	88
Знаки-модели и знаки-символы: различие функций	96
Глава IV	
ТЕХНОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И ПОРОЖДЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ	105
Доминанты мышления: линейная дискурсия или континуум?	—
Гносеологическая функция изображения	115
Изобразительная модель в научном исследовании и конструировании	126
Глава V	
МИРОВОЗЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ	136
Функции мировоззрения: картина мира или механизм управления?	137
Роль мировоззрения в познании	142

Целостность мировоззрения как проявление единства практики и познания	149
Ступени развития «всеобщего интеллекта» и типология социальной памяти	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ	174

Колеватов В. А.
К 60 Социальная память и познание. — М.: Мысль,
1984. — 190 с.

80 к.

Исследуется проблема формирования и функционирования мышления и социальной памяти. При этом мышление рассматривается как результат и в то же время как средство усложнения и совершенствования материального производства; внеличностные средства хранения, переработки и передачи информации в обществе анализируются в аспекте понятия «социальная память»; раскрывается роль мировоззрения как основы переработки информации человеком.

Для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, слушателей высших партийных школ.

К 0302020000-075 15-84
004(01)-84

ББК 15.5
1МИ

Виктор Александрович Колеватов

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
И ПОЗНАНИЕ

ИБ № 2461

Заведующий редакцией *Ю. И. Аверьянов*
Редакторы *Л. Я. Куркина, В. Ю. Станковская*
Младший редактор *Е. П. Кириллова*
Оформление художника *О. Г. Черных*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *М. Н. Мартынова*
Корректор *С. С. Новицкая*

Сдано в набор 22.07.83. Подписано в печать 31.01.84. А08323.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Литературная гарн.
Высокая печать. Усл. печатных листов 10,08. Учетно-издательских листов
11,73. Усл. краско-отт. 10,19. Тираж 15 000 экз. Заказ № 1189. Цена 80 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103051, Москва, Цветной бульвар, 26.